

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОЛОГИЯ

Михальченко В. Ю., Кожемякина В. А., Кондрашкина Е. А.

АДАПТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА К ИЗМЕНЕНИЯМ В СОЦИУМЕ

В современной мировой языковой общности функционирует многокомпонентная социально-коммуникативная система (СКС), состоящая, по подсчетам ученых, примерно из 3000–6000 языков. Функциональная дистрибуция между этими языками состоит в том, что существует международное распределение труда между этими компонентами СКС: мировые языки применяются в международных организациях (ООН, ЮНЕСКО и др.), в общении между государствами (английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский).

Мировая языковая общность состоит из разных типов языковых общностей: 1) однопациональная языковая общность (Исландия, Япония, Корея); 2) многопациональная языковая общность (Европейский союз, Российская Федерация). Многопациональные языковые общности, в свою очередь, распадаются на несколько разновидностей. Например, в РФ наблюдаются региональные многопациональные общности — республики, однопациональные языковые общности — области. В многопациональных языковых общностях чаще всего функционируют многокомпонентные социально-коммуникативные системы, включающие разные языки и формы их существования, в то время как в однопациональных языковых общностях реализуются разные формы существования одного языка (литературный язык, территориальные и социальные диалекты и др.).

Следует отметить, что в функционировании мировой социально-коммуникативной системы происходит адаптация к изменившейся языковой ситуации, изменениям в условиях функционирования языков. Так, после Второй мировой войны немецкий язык перестал функционировать в качестве одного из мировых языков, а после распада социалистического лагеря сократилось распространение русского языка в разных странах мира. Из употребления уходят языки малочисленных народов, например язык айнов в Японии, керекский, тазский язык в России. С другой стороны, появляются смешанные языки — пиджины и креольские языки. Все эти факты свидетельствуют о том, что языковое развитие приспособляется к разным транс-

формациям языковых общностей — носителей этих языков, адаптируется к социальным потребностям языковых общностей.

В данной статье авторы ставят следующие задачи: 1) кратко рассмотреть модели адаптации социально-коммуникативных систем разных стран к изменениям в жизни их носителей; 2) установить основные тенденции в процессах социально-языковой адаптации к изменившимся условиям функционирования разных языковых общностей, преимущественно Российской Федерации и стран нового зарубежья. Материал по языковой ситуации в других государствах привлекается лишь в том случае, если он помогает объяснить процессы и тенденции языкового развития в РФ.

В мире существует национальное и языковое разнообразие, сохранение или устранение которого зависит от сознательного воздействия общества на развитие языков и культур, точнее от национально-языковой политики, от ее основных принципов и их реализации. С точки зрения социальной лингвистики каждая страна должна иметь свою модель функционирования и развития национальных языков и культур. Однако таких моделей гораздо меньше, чем многопациональных стран. Функциональная модель — это совокупность языков, которые в той или иной степени применяются в многопациональной языковой общности, а соответствие или несоответствие реализации этой модели ориентациям языковых общностей является индикатором целей языковой политики. Учитывая последнее обстоятельство, модели социально-языковой адаптации можно выделить по цели их реализации — конфронтационная модель, компромиссная модель, модель развития, модель сохранения, модель восстановления (возрождения) социальных функций.

Конфронтационная модель: Канада

В Канаде представлены две основные языковые общности: англоканадцы и франкоканадцы. По переписи 2001 г. 17,5 млн канадцев (59 % населения) считают английский родным языком, а 6,78 млн канадцев (22,6 %) считают родным языком фран-

цузский язык. При этом английским языком владеют 25,2 млн чел. (85 % населения), а французским — 9,17 млн чел. (30,6 %).

В соответствии с национальными доминантами статус имеют два языка — английский и французский; таким образом, функционирует двухкомпонентная социально-коммуникативная система. Языковая ситуация в Канаде является ярким примером двух постоянно конкурирующих мировых языков. Канадская языковая политика представляет собой эволюционирующую реакцию на меняющуюся языковую ситуацию, которая строится с учетом социальных, экономических и политических реальностей. С самого начала колонизация Канады сопровождалась жестоким англо-французским соперничеством в Новом Свете, и коммуникативные функции выполнялись то одним, то другим языком, в зависимости от того, французы или англичане владели данной территорией. Следует также отметить, что ни французы, ни англичане, использовавшие индейцев в своей борьбе за права на земли Северной Америки, не признавали прав индейцев на их исконные территории¹.

Не останавливаясь на длительной истории перераспределения функций между двумя официальными языками Канады, рассмотрим современное состояние демографической и языковой ситуации Канады. В настоящее время англоканадцы и франкоканадцы живут изолированно друг от друга, но эта изолированность носит скорее психологический, чем экономический характер. Языковые проблемы, которые стоят перед Канадой, определяются тем фактом, что два основных языка — французский и английский — являются одновременно языком большинства или меньшинства, в зависимости от провинции страны. Так, франкоканадцы составляют подавляющее большинство в Квебеке, тогда как в каждой из десяти остальных провинций в целом по Канаде — не более 24 %: следовательно, англоканадцы представляют языковое меньшинство в Квебеке, но образуют языковое большинство на всей остальной территории Канады.

По Конституции 1867 г. французский язык официально имел те же права, что и английский язык. Хотя Конституция признавала наличие двух государственных языков в Канаде, тем не менее английский язык вытеснил французский из всех сфер общения во всех провинциях, кроме Квебека, где французский язык является единственным официальным и всеобщим языком провинции. Замена франко-английского билингвизма французским монолингвизмом удалась квебекцам благодаря активной и целенаправленной работе. По закону № 101, названному Хартией французского языка, французский язык является: 1) официальным языком провинции; 2) языком законодатель-

ства и правосудия; 3) языком административных дел в государственных учреждениях и общественных организациях; 4) языком образования; 5) языком сферы труда; 6) языком производства товаров и торговли; 7) языком здравоохранения; 8) языком социального обеспечения и других услуг².

В хартии говорится, что придание французскому языку статуса официального не исключает государственной поддержки языков коренных народов, а также английского языка в Квебеке, который, являясь официальным языком страны, не является официальным языком провинции Квебек, а только языком межэтнического общения. Но хартии не удалось согласовать все аспекты федеральной и провинциальных языковых политик, и в результате серии судебных разбирательств содержание этого закона было частично изменено. Так, например, была отменена та статья хартии, в которой французский язык объявлялся единственным языком законодательства и юстиции. Также Верховный суд постановил, что обязательное использование только французского языка на вывесках и в коммерческой рекламе несовместимо со свободой слова.

Очень интересным фактом является признание языка канадских эскимосов (инуитов) *инуктитут* третьим официальным языком в специально созданной не так давно для инуитов территории Нунавик в Квебеке. Это обширная территория, население которой насчитывает приблизительно 7540 инуитов и несколько сотен не инуитов, которые проживают в 14 деревнях, насчитывающих каждая от 130 до 1250 чел.

По данным переписи 2001 г., в Канаде насчитывалось около 30 млн чел. За последние 50 лет количество канадцев более чем удвоилось, в большей степени за счет иммигрантов (в 1951 г. население страны составляло около 14 млн). На конец 2004 г. население Канады составило 31,6 млн чел.

Население Канады делится на три лингвистические группы: англофоны, франкофоны и аллофоны — канадцы, родным языком которых является какой-либо другой язык, в эту группу входят представители коренных народов и иммигранты, прибывшие со всего мира. Сейчас в Канаде иммигранты составляют примерно одну треть населения. На работе иммигранты пользуются английским или французским языком, но в быту сохраняют родной язык, что создает многоликость языковой ситуации в современной Канаде, которая поддерживается властями страны. В отличие от США, где национальное устройство принято сравнивать с плавильным котлом, Канада придерживается политики многокультурности, принципы которой разрабатывались с начала 70-х гг. прошлого века.

Компромиссная модель: Швейцария

В Швейцарии проживают 4 основные языковые общности: по данным переписи 2000 г., германошвейцарцы составляют 63,7 % населения страны, франкошвейцарцы — 20,4%; италошвейцарцы — 6,5 % и ретороманцы — 0,5 % (представители других языковых групп — 9 %). Швейцария является ярким примером гармоничных языковых отношений в многонациональной стране. В Швейцарии по Конституции 1874 г. (обновленной в 1937 г. и затем в 1986 г.) функционирует многокомпонентная социально-коммуникативная система: четыре национальных языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский, из которых первые три одновременно признаны государственными (официальными) языками страны.

Эта особенность языковой политики (разное количество государственных и национальных языков) может представлять интерес и для других многонациональных стран, если имеется необходимость поднять престиж родного языка части населения (или всего населения). Бóльшее количество национальных языков, чем официальных, является компромиссом. Признание ретороманского языка национальным является чисто политическим актом, т. к. на этом языке говорит в настоящее время только 0,5 % населения страны и этот язык имеет по меньшей мере пять вариантов и несколько диалектов. В данном случае во главу угла поставлен принцип равновесия всех имеющихся в стране языков.

Борьба за внутреннее единство Швейцарии, достигнутое окончательно в XIX в., сплотила все населяющие эту страну народы. Этнические интересы уступили место государственным. Но следует отметить, что позиции немецкого языка в Швейцарии более сильны, чем позиции всех других языков, т. к. германошвейцарцы составляют 63,7% населения страны, тем не менее конституционное языковое законодательство не навязывает этот язык романоязычному меньшинству в качестве языка межнационального общения. Предусматриваются равные права всех языков, которым предоставлены все возможности для их нормального функционирования и развития. Федеральная Конституция страны обязывает государство обеспечить жизнеспособность всех четырех национальных языков, основываясь на соблюдении принципа их равноправия, а также предоставить равные права трем официальным языкам. Для защиты языков меньшинств действует так называемый принцип территориальности, т.е. соблюдение традиционных языковых границ и исключительное применение исконного для определенной области языка в учреждениях, судах и школах. Кантональные зако-

ны обеспечивают в основном защиту прав языковых меньшинств кантонов³.

Следует отметить тот факт, что наличие в Швейцарии четырех национальных языков совершенно не означает, что каждый швейцарец свободно владеет ими. Знание собственных национальных языков ухудшается из-за предпочтения им английского языка. В последнее время все большее количество швейцарцев говорят на своем родном и английском языках и уже только понимают один или два, или все три других национальных языка.

В связи с развитием языковой свободы в современном бизнесе особое распространение в Швейцарии получают немецкий язык и его алеманский диалект, носителям которого принадлежат основные позиции в экономике страны. В значительной степени этот фактор угрожает романским языкам Швейцарии, и только по истечении определенного времени можно будет сказать, станет ли процесс распространения немецкого языка на все сферы необратимым и не поставит ли он под угрозу имеющееся до настоящего времени в Конфедерации равновесие.

Модель восстановления (возрождения) социальных функций: Калмыкия

Модель восстановления социальных функций языка можно проследить на истории развития калмыцкого языка. Республика Калмыкия входит в состав Российской Федерации. По данным переписи 2002 г., население Калмыкии составило 290 600 чел. Республика Калмыкия многонациональна по своему составу. На ее территории проживает более 60 национальностей. Титульный этнос, давший название республике, — калмыки, выходцы из Центральной Азии, составляют, по данным переписи 2002 г., 53,3 % от общего числа населения.

Калмыкия относится к республикам Российской Федерации, в которых в связи с депортацией и широким, не всегда оправданным функциональным распространением русского языка как языка межнационального общения в советский период в значительной мере были утрачены социальные функции калмыцкого языка. В период перестройки усилилось внимание к развитию национальных языков и культур, в связи с чем начались процессы создания письменностей для некоторых языков. Для калмыцкого языка этот период стал началом восстановления его социальных функций.

Одним из определяющих факторов, влияющих на характер языковой ситуации, является способ расселения населения. В Калмыкии исторически сложился этнически дифференцированный принцип расселения народов: город в основном русско-

язычный, село — калмыцкое. Это — важный фактор, поскольку считается, что смена родного языка быстрее протекает среди городского населения, чем у однонационального компактно проживающего сельского населения, что объясняется многонациональным составом горожан, большим процентом межнациональных браков⁴.

Калмыцкий язык относится к группе монгольских языков, входящих в семью алтайских языков, он прошел четыре периода развития. На протяжении всей истории калмыцкого языка проходили неоднократные реформы алфавита. В 1941 г. были приняты новые изменения, в результате которых окончательно оформился четвертый из алфавитов на кириллической основе, или шестой по счету, если учитывать все алфавиты. Этим вариантом калмыки пользуются и по сей день. Наличие богатых фольклорно-эпических и книжно-письменных традиций позволяет говорить о калмыцком языке как о литературном, достигшем известной степени стандартизации еще в дореволюционный период своей истории⁵.

В начале XX в. русский язык стал играть важную роль в жизни калмыков как средство межнационального общения. Немногие калмыки владели им полноценно. Такая же ситуация наблюдалась и у других народностей. Депортация калмыков в восточные регионы Советского Союза в декабре 1943 г., в результате которой они были дисперсно расселены, главным образом среди русского населения, привела к тому, что практически все они, по крайней мере на бытовом уровне, овладели русским языком, который вытеснил на определенное время родной язык даже из сферы семейного общения. После реабилитации и возвращения на родину в 1956 г. еще долго пришлось восстанавливать все сферы социальной, культурной жизни народа, однако функционирование языка в некоторых сферах не удалось восстановить и развить вплоть до настоящего времени.

Постепенно калмыцкий язык становится функционально вторым для среднего и старшего поколения, младшее поколение почти не владеет им из-за отсутствия языковой среды, а следовательно, и потребности в использовании родного языка. Бурное развитие получает калмыцко-русское двуязычие.

Данные переписи показывают, что калмыцкий язык в качестве родного языка в сознании калмыков занимает прочную позицию, несмотря на то что в реальности, возможно, калмыки, назвавшие язык своей национальности родным, могут и не владеть им. Смена родного языка, перемена национального самосознания расценивается как последняя стадия ассимиляции этноса. По данным переписи населения 1979 г., 84,1 % калмыков свободно владели русским языком, что оказалось самым высо-

ким процентом владеющих русским языком среди всех народностей СССР, а в 1989 г. русским языком свободно владели уже 89,7 % калмыков. По переписи 2002 г. можно определить лишь количество владеющих русским языком из числа всего населения — 99,9 %⁶.

Говоря об объеме функций, которые выполняет в настоящее время калмыцкий язык, необходимо отметить, что он функционирует в следующих регулируемых государством сферах коммуникации: дошкольное воспитание; начальное образование; среднее общее образование; среднее специальное образование; высшее образование; научная, научно-методическая и учебная литература; массовые коммуникации: калмыцкий язык используется на радио и телевидении, в печати; административная деятельность; театр; семейно-бытовое общение.

Развитие калмыцкого языка и расширение его функций в обществе закреплены законодательно. В 1999 г. был принят закон Калмыцкой АССР «О языках в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч». Государственными языками Республики Калмыкия провозглашены калмыцкий и русский языки. Русский язык в Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч используется также как средство межнационального общения⁷.

В законодательных актах подчеркивается, что в них не регулируется использование языков в общественных организациях, религиозных объединениях и общинах, в межличностных неофициальных взаимоотношениях, при этом в этих актах утверждается, что Республика Калмыкия «обеспечивает всестороннее развитие и использование калмыцкого и русского языков во всех сферах государственной и общественной жизни»⁸. Предпосылками появления законодательства, регулирующего языковую жизнь республики, стала языковая ситуация в республике и состояние калмыцкого языка. Большая часть молодежи не владела родным языком, участились случаи отказа от изучения родного языка в школе. Знание русского языка стало намного превышать знание родного. Языковая общность калмыков разделилась на следующие группы: 1) хорошо владеющие калмыцким языком; 2) слабо владеющие родным языком; 3) не владеющие родным языком. Среди калмыков преобладали 2-я и 3-я группы, однако сохранилась ценностная ориентация на национальный язык и культуру. Таким образом, назревала настоятельная потребность в повышении социального статуса калмыцкого языка в жизни общества.

В обновленном и принятом в 1999 г. законе Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» гражданам Калмыкии предоставлена свобода выбора языка воспитания и обучения, когда родители имеют право выбрать для своих

детей дошкольное и среднее общеобразовательное учреждение с соответствующим языком воспитания и обучения, при этом для всех граждан республики обеспечиваются условия для свободного и беспрепятственного использования родного языка в различных сферах государственной и общественной жизни, гарантируется возрождение, сохранение и развитие языков народов, населяющих ее территорию. В то же время изучение государственных языков Республики Калмыкия является обязательным, и только учащиеся, временно проживающие на территории республики, могут освобождаться от изучения калмыцкого языка⁹.

В 1985 г. было проведено статистико-этнографическое исследование в Калмыкии. Данные этого исследования показали, что 93 % калмыков, проживающих в городе, могли свободно говорить, читать и писать по-русски и только 27 % калмыков-горожан — по-калмыцки. Среди сельских жителей-калмыков по-русски могли свободно говорить, читать и писать 87,2 %, а по-калмыцки — 45,8 %. Свободно говорить, но ни читать, ни писать по-русски могли 2,8 % калмыков-горожан и 4,4 % сельских жителей-калмыков. Говорят с затруднениями: по-русски — 2,1 % калмыков-горожан и 3,8 % сельских жителей, а по-калмыцки — 19,2 % горожан и 10,2 % жителей села.

По переписи населения 1979 г., 91,3 % калмыков назвали калмыцкий язык родным, в 1989 г. численность этой группы составила 96 %. По данным переписи 2002 г. не представляется возможным определить процент калмыков, для которых калмыцкий язык является родным, поскольку такой вопрос в переписи 2002 г. отсутствовал, но возможно определить количество владеющих калмыцким языком из всего населения республики — 143 102 чел., или 49 %.

Один из выходов из создавшегося положения — это возрождение родного языка через создание национальной школы, в целом через национальное образование. Позитивные изменения по отношению к калмыцкому языку происходят и в общественном мнении. Овладение им осознается не только как необходимость, но и как ценность. Развитие национальной системы образования как неотъемлемой составной части духовного обновления республики стало необходимым в условиях возрождения родного языка и национальной культуры.

Модель развития: Республика Марий Эл

В Республике Марий Эл проживает языковая общность марийцев (42,88 % от всего населения республики), русские (47,46 %) и представители других национальностей. В состав марийской языковой общности входят горные и луговые марийцы.

Титульная нация — марийцы и ее языковые интересы представлены в Законе о языках в Республике Марий Эл (1995). Функцию языка единения внутри языковой общности марийцев выполняют горномарийский и луговомарийский языки, причем более распространенным является луговомарийский язык. Функцию единения разных языковых общностей республики выполняет русский язык, что также отражено в республиканском Законе о языках. Таким образом, в республике функционирует трехкомпонентная (многокомпонентная) социально-коммуникативная система, гармонично отражающая сложившуюся языковую ситуацию.

Основная цель реализации Закона о языках — развитие социальных функций марийского языка. В преамбуле закона говорится: «Языки в Республике Марий Эл являются национальным достоянием и историко-культурным наследием населения республики, признаются равноправными и находятся под государственной защитой». В главе 1, статье 1 декларируется: «Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки». Это не означает, однако, что права других языков народностей, населяющих республику, ущемляются, а незнание государственных языков ограничивает права граждан¹⁰. Все языки, имеющие хождение на территории республики, «признаются равноправными и находятся под государственной защитой». Знание или незнание государственных языков Республики Марий Эл не может служить основанием для ограничения прав граждан»¹¹.

В законе говорится о правах граждан в выборе языка и обеспечении этих прав¹², об использовании языков в органах государственной власти и государственного управления¹³, об использовании языков в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений¹⁴. Во всех этих органах используются государственные языки республики (любой из них), а в местах компактного проживания населения, говорящего на других языках, используются также языки большинства такой местности.

В пятой главе говорится, что граждане республики имеют право на свободный выбор языка обучения и на получение образования на родном языке¹⁵. За авторами научных работ закрепляется право выбора языка своих исследований, а национальные, культурные и религиозные организации могут выпускать печатные издания и вести внутренние дела на своих национальных языках¹⁶.

В шестой главе предписывается использование государственных языков в радио- и телепередачах, в названиях улиц, предприятий и организаций, в текстах официальных объявлений, информации,

плакатов, афиш, реклам и т. п. Однако маркировка товаров, этикетки, номенклатурные списки и инструкции по пользованию товарами, производимыми в Республике Марий Эл, могут при необходимости писаться на языке адресата.

В настоящее время в рамках реализации Закона о языках марийский язык функционирует в ряде важнейших сфер общения: в школьном обучении, в средствах массовой информации (пресса, радио, телевидение), в книгоиздательстве.

Сфера образования. Одной из тенденций является рост числа школ и учащихся, изучающих марийский язык как государственный, но сокращается число учащихся, для которых марийский язык является дисциплиной «родной язык». Это связано с постоянным уменьшением количества лиц, признающих марийский родным языком. В 1995/96 уч. г.: 286 школ — 29,7 тыс. уч., в 1999/2000 уч. г.: 231 школа и 27,9 тыс. уч.¹⁷

О степени функционирования марийских языков можно судить по данным 2004/05 уч. г.:

- в городах — марийский луговой как язык обучения: 3 школы — 41 уч.; марийский луговой как предмет: 57 школ — 14 924 уч.;
- в селе — марийский горный язык обучения: 20 школ — 962 уч., марийский горный как предмет: 27 школ — 2533 уч.; марийский луговой язык обучения: 120 школ — 3833 уч.; марийский луговой как предмет: 187 школ — 19 762 уч.

Марийские языки в качестве средства обучения, как правило, используются только в начальной школе.

Средства массовой информации на марийском языке:

- 1996 г. — 3 республиканские газеты, 11 районных (2 на горном и 9 на луговом марийском), 4 журнала (1 на горном)¹⁸;
- 2003 г. — 18 газет, 3 журнала, 2004 г. — 14 газет, 4 журнала, 2006 г. — 4 республиканские газеты, 5 районных газет, 4 республиканских журнала¹⁹.

Радио- и телевидение. До 2005 г. в республике была одна Государственная телерадиокомпания «Марий Эл», сначала было 450–500 часов вещания на марийском, затем оно уменьшилось до 270 часов в год. С 1 июля 2005 г. началось ежедневное вещание на УКВ-частоте «Радио Марий Эл — Марий Эл радио» с объемом вещания на марийском языке — 2956 часов в год, т. е. 8 часов в день²⁰. Телевидение на марийском работает малое количество времени, передаются главным образом 10-минутные новости и концерты. С марта 2006 г. заработал новый негосударственный канал «Телекомпания 12 регион», региональный партнер REN-TV. Он вещает на 11-м телевизионном канале Йошкар-Олы,

и его программа отражает актуальные моменты жизни города и республики.

Издание книг и брошюр. 2002 г. — 39 наименований, 2003 г. — 51 наименование, 2004 г. — 51 наименование общим тиражом 136 460 экз., из них 20 названий — на горномарийском языке²¹.

Таким образом, марийские языки функционируют в основных сферах общения неравномерно: более сильные позиции у них в сфере образования, а на радио и телевидении они представлены недостаточно, но по планам «Государственной программы реализации закона “О языках в Республике Марий Эл”» запланирован целый ряд мероприятий по развитию и расширению использования марийских языков.

Модель сохранения: финно-угорские диаспоры в Российской Федерации

Языковые общности некоторых народов РФ расселены по всей территории страны с различной степенью компактности. В таких условиях они проживают в разном языковом окружении, рядом с другими этносами. Ярким примером являются достаточно многочисленные диаспоры финно-угорских народов. Их языковая жизнь регулируется федеральным и республиканскими законами о языках. Языки диаспор не являются государственными, т. к. этот статус имеют другие языки, например башкирский, татарский и др. Язык диаспор — дополнительный компонент СКС соответствующей республики, но очень значимый компонент частной СКС соответствующей диаспоры. Наиболее важной задачей при адаптации к условиям проживания в разных субъектах РФ является сохранение своего языка — языка единения данной языковой общности — диаспоры.

На масштабность явления диаспоры в РФ указывает тот факт, что из 20 млн представителей нерусских народов, имеющих свои титульные автономные образования, около 8 млн чел. проживают вне этих образований. Особо внушительных размеров достигает диаспоризация финно-угорского населения России (табл. 1). Примерно каждый второй представитель этих народов живет за пределами соответствующих титульных образований²².

Таблица 1

Диаспоризация финно-угорского населения России (по переписи 2002 г.)

Название этноса	Численность	% диаспоры к общей численности
Мордва	843 350	66,3
Марийцы	604 298	48,3
Удмурты	636 906	27,7

Наиболее крупные диаспоры финно-угров сосредоточены в республиках Башкортостан, Татарстан, Кировской, Свердловской, Нижегородской, Пермской и некоторых других областях (табл. 2).

Таблица 2

Крупные финно-угорские диаспоры

Регионы проживания	Мордва	Марийцы	Удмурты
Башкортостан	26 020	105 829	22 625
Татарстан	18 787	23 702	24 207
Нижегородская обл.	25 022	7757	828
Кировская обл.	604	38 930	17 952
Свердловская обл.	9702	27 863	17 903
Пермская обл.	2363	5395	26 272

Основная часть проживающих в диаспоре финно-угров попала на новую родину, являясь беженцами от насильственной христианизации и царского гнета, но большая группа марийцев оказалась в Кировской и Нижегородской обл., смежных с Марий Эл, вследствие административного деления.

Эти диаспоры относятся к так называемым старым диаспорам, поскольку они сформировались в XVI–XVIII вв. Более поздние миграции финно-угорского населения относятся к XX в.

Обычно первые поколения мигрантов сохраняют свои этнические особенности, традиции, привычки, поскольку у них еще сильна память о покинутой родине. Последующие поколения постепенно все более адаптируются к окружающей их иноэтнической обстановке, утрачивая какие-то этнокультурные черты своего народа и приобретая иные от окружающих их этнических групп. Адаптация носит ненасильственный характер, это неизбежный результат жизни в новых условиях.

Существование диаспоры на новом месте жительства значительно облегчает адаптацию вновь прибывающих соотечественников, т. к. именно в рамках диаспоры они получают психологическую, а иногда и материальную поддержку.

Обычно первое, с чего начинается адаптация, — это овладение языком титульной нации или

окружающего этнического большинства. В результате те, кому это удается, становятся трехязычными (родной язык + русский + новый язык). Например, в Татарстане владели татарским языком 39,8 % всех проживающих там удмуртов, 34,9 % марийцев и 5,9 % мордвы. Некоторые группы марийцев, например икско-сюньские, оказались практически почти в полном окружении татар, поэтому представители этой группы хорошо знают татарский язык; другие проживают в смешанных деревнях, где их соседями оказываются другие этнические группы. «Чистых» марийских, удмуртских или мордовских деревень практически нет нигде.

В Башкортостане башкирским языком владеют 12,9 % удмуртов, 3,35 % марийцев, 1,24 % мордвы. Но поскольку в Башкортостане проживает большое количество татар (всего на 230 тыс. меньше, чем представителей титульной нации), татарским языком там владеют: 38,1 % удмуртов, 25,8 % марийцев и 1,23 % мордвы (перепись 2002 г.). Некоторые представители диаспор хорошо знают и татарский, и башкирский языки. Помимо языка воспринимаются некоторые элементы быта, домашней утвари, хозяйствования. Например, марийцы живущие в татаро-марийских смешанных селах Башкортостана, заимствовали некоторые блюда из татарской кухни²³.

В условиях иноязычного и иноэтнического окружения возникает опасность утраты этнической идентичности, одним из главных показателей которой является язык как «ретранслятор национальной культуры»²⁴, поэтому важнейшей задачей диаспоры становится сохранение языка своего народа, национальной культуры, этнического самосознания, конфессиональной принадлежности, связей с исторической родиной.

Сфера образования. Сохранение языка и других основ культуры невозможно, если язык не используется в сфере образования и средствах массовой информации. Ситуация у финно-угорской диаспоры, по данным Департамента образования, в сфере образования следующая.

Сельская местность 2005/06 уч. г. — см. табл. 3.

Таблица 3

Количество школ и учащихся в сельской местности

Язык	Башкортостан	Татарстан	Кировская обл.	Свердловская обл.	Пермская обл.
<i>Язык обучения</i>					
Марийский луговой	115–3806	14–347	—	—	—
Марийский горный	—	—	—	—	—
Мордовский эрзя	—	1–14	—	—	—
Мордовский мокша	—	—	—	—	—

Язык	Башкортостан	Татарстан	Кировская обл.	Свердловская обл.	Пермская обл.
Удмуртский	22–340	19–535	—	—	—
<i>Язык как предмет</i>					
Марийский луговой	128–5855	12–683	3–276	—	1–7
Марийский горный	—	—	—	2–93	—
Мордовский эрзя	13–495	2–123	—	—	—
Мордовский мокша	—	—	—	—	—
Удмуртский	37–1901	28–1488	—	—	1–76

Города и поселки городского типа 2005/06 уч. г.:

- Башкортостан — марийский луговой как предмет: 11 школ — 395 уч.;
- Татарстан — удмуртский как предмет: 1 школа — 2 уч. (!).

Примечание. Диаспоры проживают в основном в сельской местности.

Сфера средств массовой информации. На марийском языке в Башкортостане выходили три газеты: одна республиканская и две районные²⁵. В Татарстане и русских областях газет на марийском языке нет.

Радио- и телепередачи на марийском языке для диаспоры нигде не велись.

На удмуртском языке в Башкортостане выходит одна республиканская газета, организованы передачи радио и телевидения.

В условиях ограниченных возможностей использования родных языков на новой родине единственным доступным средством для сохранения своей идентичности являются культурные центры и творческие художественные коллективы. Такие центры марийского языка работают в Башкортостане, Татарстане, Кировской и Свердловской обл. В Башкортостане и Татарстане действуют также мордовская и удмуртская национально-культурные автономии.

Лучшие условия для существования диаспор наблюдаются в многонациональных республиках (Башкортостан, Татарстан), где функционируют многокомпонентные социально-коммуникативные системы и наблюдается этническое и языковое разнообразие. Этнический состав областей значительно однороднее, в окружении диаспор преобладает русское население, что ускоряет ассимиляционные процессы.

Многие зарубежные и российские ученые неоднократно отмечали более высокий уровень этнического самосознания и более высокую степень сохранения своих языков у финно-угров Татарстана и Башкортостана, чем в титульных республиках. Это объясняется не только благоприятными

условиями, но и тем позитивным влиянием, которые оказывают титульные нации этих республик своей консолидацией, приверженностью родным языкам, сохранением национальной культуры. Неслучайно процент владеющими родными языками у финно-угорской диаспоры в ряде случаев выше, чем в титульных республиках. Например, 84,4 % башкирских удмуртов владеют родным языком, тогда как в Удмуртской республике таких — 71,8 %.

Достаточно высокий процент владения языками демонстрируют и другие финно-угорские диаспоры. В Татарстане мордовскими языками владеют 78,2 % мордвы, марийскими — 74,5 % марийцев, удмуртским — 87,4 % удмуртов. В Башкортостане марийскими языками владеют 83,7 % марийцев, мордовскими языками — 65,6 % мордвы (перепись 2002 г.).

Однако, несмотря на то что атмосфера в республиках дает диаспорам больше альтернатив для сохранения своей идентичности, все же и там диаспоры испытывают психологический дискомфорт, поскольку неизбежно оказываются вовлеченными в сложную систему взаимоотношений трех сторон — субъект проживания, республика-родина и сама диаспора. Иногда их устремления не совпадают или даже противоречат друг другу. Складывается парадоксальная ситуация: в республиках созданы достаточно благоприятные условия для культурно-языковой адаптации диаспор, сохранения своей культуры и языка, но реализация профессиональных или общественных амбиций диаспоры наталкивается на серьезные противодействия, т. е. не происходит социальной адаптации. Например, при поступлении удмуртских детей в вузы, участие во внутриполитической жизни республик, делегирования художественных коллективов на различные фестивали и конкурсы возникают определенные сложности. Удмурты никогда не смогут занять высокие посты и стать большими начальниками наравне с татарами и башкирами, для этого им лучше ехать в Удмуртию²⁶.

Юридическая защита прав национальных меньшинств (а диаспоры относятся именно к ним) осуществляется международными документами, ратифицированными российской стороной: «Европейской хартией о региональных языках и языках меньшинств» (1992) и «Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств» (1995). В РФ нет федерального закона, посвященного правам национальных меньшинств. Нормы, регламентирующие вопросы, связанные с защитой этих меньшинств, содержатся в федеральных законах о языках, о национальной автономии, об образовании и др., а также в законах субъектов Федерации. Например, в принятых законах о языках в Башкортостане (1999) и Татарстане (1992) гарантируется равноправие всех языков. А в законе Башкортостана в статье 3 отдельным пунктом (2) прямо прописаны права диаспоры: «В местностях компактного проживания населения, живущего за пределами своих национально-государственных образований, наряду с государственными языками Республики Башкортостан в официальных сферах используется язык населения данной местности».

В российском законодательстве международно-правовые принципы в сфере защиты прав на сохранение, пользование и развитие родного языка получили признание на конституционном уровне. Конституция РФ содержит специальные статьи, посвященные этим правам.

Часть 2 статьи 26 устанавливает, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». В соответствии с частью 3 статьи 58 Конституция РФ гарантирует всем ее народам «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

Указанные положения Конституции РФ имеют универсальный характер и распространяются на лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Международно-правовые нормы и нормы Конституции РФ развиваются и конкретизируются в текущем законодательстве.

Базовым законом, регулирующим общественные отношения в рассматриваемой сфере, является Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» (1991). Положения о языковых правах граждан и их гарантиях содержатся в Федеральном законе «О национально-культурной автономии» (1996); Основных законах законодательства РФ о культуре (1992); Законе РФ «Об образовании» (1992), а также в других федеральных законах.

Таковы основные модели адаптации языков к новым условиям функционирования. Их, конечно, гораздо больше, т. к. совершенно очевидно, что

каждое государство должно иметь свою модель, свои принципы языкового обустройства, максимально учитывающие конкретную языковую ситуацию. Отсутствие учета языковой ситуации вносит дисгармонию в языковые отношения и чревато национально-языковыми конфликтами.

Наиболее ярко процессы языковой адаптации происходят в периоды исторических сдвигов, революций, перестройки. Поэтому интересно провести анализ и научную интерпретацию процессов социально-языковой адаптации в период распада СССР.

Социально-языковая адаптация республик бывшего СССР к новым условиям функционирования языков началась в годы перестройки. Именно тогда был запущен механизм принятия законов о языках, придания языкам титульных наций статуса государственных. Процесс этот начался в 1989 г. с принятия закона Эстонской ССР о государственном языке. Затем он прошел по другим республикам Прибалтики, позже — по остальным республикам бывшего СССР и по республикам РФ. Следует отметить, что в основу концепции этих законов легло одноязычие, т. е. изначально они писались концептуально сходными со 101-м законом о французском языке провинции Квебек (Канада). Эти законы о языках представляли собой значительную попытку сознательного воздействия общества на язык, на речевую практику соответствующих языковых общностей.

Отметим, кстати, что эта концепция не была лучшей из мирового опыта развития языков. Существует немало государств, в которых проживают несколько языковых общностей, и ради отсутствия конфликтов, ради рационального решения языкового вопроса, ради языкового мира в этих государствах принимаются законы о языках на основе концепции многокомпонентной СКС, т. е. статус получают несколько языков, например Канада (английский + французский), Бельгия (французский + фламандский), Швейцария (французский + немецкий + итальянский + ретороманский). Не случайно швейцарскую языковую действительность называют «языковой компромисс».

Однокомпонентная концепция первых законов о языках стала основой языкового законодательства во всех бывших союзных республиках, кроме России, Белоруссии и Киргизии. Смягчить процесс адаптации социальных функций языков к новым социально-политическим условиям могло бы провозглашение в законе и внедрение нулевого варианта распространения государственных языков в разных языковых общностях: старшее поколение заканчивает свою трудовую деятельность с имеющейся языковой компетенцией, среднее поощряют изучать государственный язык, а перед обучаю-

щимся, младшим поколением ставится социальная перспектива — без знания государственного языка оно не сможет быть успешным в своей деятельности, карьере. Однако нулевой вариант или нечто близкое к нему прошел лишь в Литве, а в других республиках Балтии началась ускоренная, форсированная «натурализация» иноязычного населения, т. е. фактически ассимиляция под предлогом интеграции.

Языковая ситуация — сложное явление: мирная языковая переориентация требует значительного времени (например, в Индонезии переход к всеобщему знанию индонезийского языка, по расчетам местных ученых, займет почти 100 лет — с 1945 по 2041 г.)²⁷. Дело в том, что другие явления культуры — одежду, жилище, пищу — можно воспринять легко, особые усилия не требуются. А сферы культуры, требующие знания языка (театр, кино, литература), а также трудовая деятельность предполагают значительные усилия по усвоению соответствующего языка. Насилие, ускорение, принудительность процессов смены языка порождают открытые военные (Молдавия) или латентные конфликты (Украина, республики Балтии). С таким решением вопроса адаптации функционирования языков, когда языки достаточно крупных языковых общностей вытесняются, когда нет свободы в культивировании родного языка и родной культуры, не согласны и международные европейские организации, хотя решительных мер они не принимают.

Если в ряде республик бывшего СССР возобладали ассимиляторская модель языкового развития в новых социальных условиях (кроме Киргизии и Белоруссии), то в России языковое законодательство, языковая политика плюралистическая — государственными провозглашены 34 языка + 1 общегосударственный — русский. Конечно, успехи развития у языков разные: функциональная эволюция татарского, чувашского, якутского, башкирского языков выше, чем у некоторых других.

На языковое развитие влияют различные социальные процессы. Так, увеличение трудовой миграции в Европу усилило социальную потребность разных языковых общностей в знании европейских языков, в реальном практическом владении ими. Например, уже в советское время в Литовской ССР основным компонентом СКС был литовский язык, который достаточно широко функционировал во всех сферах организованного общения — в сферах делового общения, науки, массовой коммуникации, высшего образования. Дополнительным компонентом СКС Литовской ССР был русский язык, который софункционировал с литовским в разных сферах общения, а также выполнял функции языка межнационального

общения (ЯМО) в соответствии в Конституцией, причем термин ЯМО имел широкое значение: охватывал все сферы организованного общения плюс сферу межличностного общения. Кроме того, СКС Литовской ССР была многокомпонентной, т. к. кроме указанных двух компонентов СКС функционировал в школьном и вузовском обучении, отчасти в средствах массовой коммуникации (радио, телевидении) польский язык — язык третий по количеству языковой общности.

Литва является одной из наиболее монолитных в национальном отношении стран Европы: литовцы составляли в 1989 г. 82,5 %, а в 2004 г. — 83,5 %; русские — 6,3 %, поляки — 6,7 %. В постсоветские десятилетия усилились тенденции языкового единения республики:

- 1) расширяются социальные функции литовского языка в сферах организованного общения;
- 2) постепенно к государственному языку приобщаются разные языковые общности;
- 3) активизируются социальные функции национальных меньшинств, каковыми являются русско- и польскоязыковая общности.

Адаптация функций языков к новым условиям выражается в изменении состава и доминант СКС в республике: литовский язык + русский + польский → литовский язык + английский + русский + польский. Русский язык в литовских общеобразовательных школах изучают как второй иностранный язык с 6-го класса. В последнее время он становится все более популярным: его изучают 67 % учащихся, посещающих литовские школы. В 2002 г. 83 % жителей Литвы указали, что из всех иностранных языков лучше всего знают русский язык²⁸.

Русский язык в Литве остается полифункциональным языком — сфера высшего и среднего образования, сфера массовой коммуникации (на русском языке выходит 21 газета; ведется радио- и телевидение).

Интересно то, что функциональная адаптация СКС к новым социально-политическим условиям отражается и в процессах взаимодействия языков, очевидно усиление влияния английского языка на литовский. В процессах взаимодействия русского и литовского языков вектор воздействия одного компонента на другой явно склоняется в пользу функциональной доминанты — литовского языка. Многовековые экономические и культурные взаимодействия балтийских и славянских народов дали незначительные результаты влияния балтийских языков на русский литературный язык: всего 12 слов-заимствований — деготь, пакля, ковш, кувшин, янтарь, вентерь, валандаться, баланда, клуныя, скирда, курпы²⁹. В современной Литве усиление влияния литовского языка сказывается в форме

окказиональных, локальных и региональных замещения³⁰.

Отметим, кстати, что эти процессы недостаточно изучены на материале разных республик бывшего СССР. Подобные процессы изменения СКС проходят и в других государствах — макрообщностях. Так, во Вьетнаме, где доминантой СКС был язык вьетов — вьетнамский язык; длительное время наряду с ним в ряде сфер организованного общения функционировал русский язык: вьетнамские студенты обучались в СССР, русский язык преподавался в школах и вузах, применялся в других сферах организованного общения. Особенно сильны его позиции были в области науки. После распада социалистической системы началось внедрение в разные сферы общения английского языка. Особенно быстро этот процесс проходит в сфере науки, хотя, в связи с тем что во Вьетнаме значительная часть научной литературы издавалась на русском языке, русскому языку длительное время удавалось удерживать эти позиции (в настоящее время уменьшается количество изучающих и знающих русский язык). Таким образом, СКС Вьетнама меняет одну из доминант — русский язык на английский.

Примером расширения СКС может служить Монголия, СКС которой обогащается в связи с изменением социальных условий. В последние десятилетия в связи с усилением миграции населения в соседние восточные страны (Китай, Южную Корею, Японию) значительно меняется СКС. Рабочая эмиграция порождает значительную социальную потребность в знании языков соседних стран, например в Южную Корею выезжают до 10 тыс. жителей Монголии. Именно поэтому становится актуальной проблема изучения соответствующих языков. СКС включает доминанту — монгольский язык, а также дополнительные компоненты — английский и русский языки. Однако для некоторых микрообщностей — трудовых мигрантов — СКС пополняется соответствующим языком. Русский язык, кстати, в Монголии проявляет тенденцию к расширению социальных функций: принято решение ввести его преподавание во все общеобразовательные школы.

Таким образом, можно сказать, что распространение в мире русского языка приобретает более твердую основу — с идеологической мотивации и обязательного изучения он переходит на рыночные отношения. Его изучение диктуется не идеологией, а практическими экономическими потребностями. Очень ярким примером такой социально-функциональной адаптации к новым условиям является обсуждение в Государственной думе закона о русском языке для трудовых мигрантов. В Госдуму уже внесен проект закона, который

обязывает всех приезжающих работать в Россию иностранцев знать русский язык. Автор этого закона, заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике Александр Крутов, оценивает затраты на обучение одного мигранта в 20–60 тыс. руб. за трехмесячный курс. Правда, неквалифицированному рабочему, по мнению Крутова, достаточно знать и уметь употреблять 300–500 слов. Председатель «Деловой России» Борис Титов обещал создать центр подготовки мигрантов в Азербайджане, на первом этапе обучение будет бесплатным, а в дальнейшем бизнесмены попросят мигрантов заплатить за обучение, т.к. они должны будут пройти тесты на знание русского языка. Видимо, эти меры активизируют изучение русского языка в тех республиках, откуда в Россию приезжают рабочие мигранты.

Подводя итоги, можно отметить основные моменты в процессах социально-языковой адаптации функций языка к изменениям в социуме.

Социальные трансформации языковых общностей ведут к разным изменениям в социально-коммуникативных системах, которые применяются в этих макро- и микрообщностях. Так, в макрообщностях (например, государствах) путем сознательного воздействия общества на язык могут меняться активные компоненты СКС, могут поменяться доминанты СКС. Это ведет к изменению процессов языкового взаимодействия, т.к. меняется вектор влияния одних языков на другие. Это вызывается сокращением сфер общения, в которых применяется язык, уменьшением частотности его применения.

Изменения в макрообщностях непременно вызывают трансформацию в СКС микрообщностей, а следовательно, и в индивидуальной речевой практике носителей языков.

Смена функциональных доминант проходит постепенно, бесконфликтное изменение функционального статуса языков не является скорым следствием изменения их юридического статуса. Для смены языковой ориентации и языковой компетенции микрообщностей требуются десятилетия, а то и столетия, смена поколений.

Ускорение социальных процессов вызывает социальную потребность в срочном быстром освоении новых средств общения. Рабочая миграция, создавая эту потребность, одновременно создает богатейшую почву для взаимодействия разных компонентов СКС, которые раньше непосредственно не контактировали, например русский язык + китайский, вьетнамский, монгольский и другие языки.

ОПИСАНИЕ МАЛЫХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье использованы материалы исследований, проводившихся в рамках Программы «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» с 2006 по 2008 г. отделом языков народов России Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН в Санкт-Петербурге.

Этот отдел с первых дней своего существования занимается описанием «языков народов Севера», или «языков малочисленных народов России». Деятельность отдела продолжает традицию, заложенную в 1940-е гг., когда им руководил академик И. И. Мещанинов. Сегодня отдел является ведущим научным центром изучения языков народов России, прежде всего так называемых малых языков.

За годы существования отдела были подготовлены академические грамматики палеоазиатских языков (чукотского, корякского, керекского, ительменского, эскимосского, алеутского, юкагирского, нивхского), самодийских и уральских (прежде всего ненецкий и энецкий языки, а также хантыйский), велось изучение тюркских языков как в плане сравнительной грамматики, так и реконструкции словарного состава. Исследовались и тунгусо-маньчжурские языки (эвенский, удэгейский, тувинский, эвенкийский и др.)³¹.

В последние годы к этому списку добавились малые прибалтийско-финские, а также монгольские языки, прежде всего калмыцкий.

В рамках проекта исследовались изменения, происходящие в языках малочисленных народов РФ (далее для краткости — малые языки) в условиях интенсивных контактов с русским языком и друг с другом, особенности социолингвистической ситуации в районах расселения носителей данных языков.

Работа не ограничивалась исследованием только контактных явлений в языках народов России. Участники проекта также были заняты работой по документированию языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также систематизацией и представлением в цифровом виде уже имеющихся языковых материалов, включая и находящихся в различных архивах, в т. ч. в рамках совместного международного проекта Венского фонограммархива, Британской библиотеки и ИЛИ РАН. Одним из результатов этой работы стало создание Центра коллективного пользования для хранения

оцифрованных материалов по языкам Российской Федерации на базе фонограммархива Института русской литературы РАН (Пушкинский дом).

Объектом исследования в рамках проекта были следующие языки (диалекты):

- 1) тунгусо-маньчжурские — эвенкийский, солонский, удэгейский, нанайский, негидальский, орокский и др.;
- 2) тюркские — тувинский, тофаларский, урумский и др.;
- 3) монгольские — калмыцкий и др.;
- 4) самодийские — ненецкий, нганасанский, энецкий;
- 5) прибалтийско-финские языки Ленинградской обл. — финский, водский, ижорский;
- 6) саамский;
- 7) чукотско-камчатские — чукотский, корякский, ительменский;
- 8) эскимосско-алеутские языки — эскимосский и алеутский;
- 9) изоляты — нивхский;
- 10) пиджины на русской основе (дальневосточный пиджин).

Продолжался сбор материалов по водско-финским и ижорско-финским языковым контактам, в частности по смешению и переключению кодов. Собранный в течение 2006–2008 гг. материал в дальнейшем предполагается использовать при создании диалектного атласа Ингерманландии. В течение этого времени также были собраны материалы по ижорско-русскому, финско-русскому, водско-русскому, тофаларско-русскому, чукотско-русскому смешению и переключению кодов.

Одна из наиболее плодотворных форм работы в рамках проекта — научные конференции.

В сентябре 2006 г. участниками проекта была организована международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя палеоазиатских языков Е. А. Крейновича. Доклады, представленные на этой конференции, были посвящены кетскому, нивхскому и юкагирскому языкам, которые являлись предметом основного внимания Е. А. Крейновича.

В октябре 2007 г. участниками проекта была проведена международная конференция «Проблемы исторического развития монгольских языков».

В октябре 2008 г. участниками проекта была проведена Вторая самодийская международная конфе-

ренция, посвященная 100-летию со дня рождения Н. М. Терещенко.

Наконец, в ноябре 2008 г. участниками проекта была проведена «Прибалтийско-финская сессия-2008», посвященная вопросам изучения и документирования малых прибалтийско-финских языков. Актуальность данной работы обуславливается тем обстоятельством, что она связана с документированием уникальных материалов по языкам, многие из которых находятся под угрозой исчезновения³².

Остановимся на рассмотрении особенностей современной ситуации с малыми языками РФ, непосредственно влияющими на методы и процедуры их описания.

Дать точное определение малых языков довольно сложно³³.

По официальным данным, в РФ проживает, помимо русских «свыше 180 других народов, которые говорят на более чем 100 языках и диалектах, принадлежащих к индоевропейской, алтайской и уральской языковым семьям, кавказской и палеоазиатской языковым группам»³⁴.

Википедия дает список языков народов России в порядке убывания численности говорящих. В этом списке три категории: 1) более 1 млн владеющих языком; 2) от 100 тыс. до 1 млн владеющих языком; 3) от 10 до 100 тыс. владеющих языком. В первых двух группах весьма сомнительно найти малые языки. В третьей категории перечислены 34 языка, например (по данным переписи 2002 г.): коми-пермяцкий язык — 94 328 носителей; польский язык — 94 038; корейский язык — 60 088; китайский язык — 59 235; греческий язык — 56 473; итальянский язык — 54 172; карельский язык — 52 880; хакасский язык — 52 217; арабский язык — 50 140; абазинский язык — 38 247; горномарийский язык — 36 822; курдский язык — 36 609 и т. д.

Очевидно, что здесь, во-первых, далеко не все языки малые и, во-вторых, не все языки этого списка интуитивно хочется относить к языкам Российской Федерации. Если очистить список от того, что обычно называют «иностранными языками»³⁵, то останутся (в порядке убывания численности носителей) коми-пермяцкий, ногайский, алтайский, карельский, абазинский, горномарийский, ненецкий, идиш, агульский, рутульский, андийский, цезский и хантыйский языки.

Следуя логике составителей перечня, не хватает еще двух категорий языков: с числом носителей от 10 тыс. до 1 тыс. чел. и с числом носителей от 1 тыс. до 1 чел. В принципе такой список составить можно, хотя и очень сложно, прежде всего из-за неясности границы между языком и диалектом.

Но кроме простого списка существуют ли критерии, по которым можно было бы определить малые языки?

Понятно, что при определении языков этого типа необходимо оговорить следующие критерии: 1) максимальное число носителей; 2) критерий автохтонности (т. е. есть в список должны попасть только языки коренного населения); 3) критерий способа усвоения (в список не должны попасть выученные (в школе) иностранные языки, которыми человек пользуется, только выезжая за пределы России); 4) критерий естественности языка (в список не должны попасть искусственно созданные языки типа эсперанто); а также некоторые другие.

Что касается численности, то верхний предел можно взять совершенно произвольно: цифра 50 тыс. или 30 тыс. ничуть не более мотивирована, чем 100 тыс. или любая другая. Здесь используется чисто условно верхний предел в 40 тыс. носителей. Нижний предел численности очевиден: это один человек.

Приведем определение малых языков, которое, как представляется, достаточно удобно как инструмент и при этом не слишком громоздко.

Малые языки РФ — это естественные языки, численность природных носителей которых лежит в диапазоне от 1 до 40 тыс. чел., которые не являются государственными, официальными или региональными на территории другого государства и носители которых в течение долгого времени (несколько поколений) постоянно проживают на некоторой территории в пределах РФ и не включают заметной доли людей, являющихся мигрантами в первом поколении.

Согласно этому определению, все языки, являющиеся объектом изучения отдела в рамках данного проекта, кроме калмыцкого, являются малыми.

Сложности описания малых языков хорошо известны. Это прежде всего удаленность и труднодоступность районов их распространения, а следовательно, высокая стоимость работы. Это также отсутствие вузов, где готовили бы соответствующих специалистов, а следовательно, существенное увеличение времени, в течение которого молодой исследователь может превратиться в специалиста. Это и недостатки вузовской подготовки: для специалистов «нашего» профиля явно не хватает знаний типологии, им недостаточно преподаются полевые методы исследования. Это, наконец, огромность задачи (более 100 языков!) при более чем скромных человеческих ресурсах.

Необходимо также отметить проблемы описания малых языков, которые появились сравни-

Сравнительные данные по орочам³⁹

Территория	С родным орочским языком, %	Не владеют (в качестве родного или свободно) русским языком, %
Хабаровский край:		
районы преимущественного проживания	10,4	0,9
другие районы	14,3	3,9
Другие территории РСФСР	25,8	7,3
Другие территории СССР	46,9	21,9

тельно недавно и причины которых лежат в развитии самих этих языков и языковых ситуаций. Та самая адаптация народов и культур, на которой базируется вся идея программы, добавила к перечисленным выше, знакомым и вечным проблемам лингвистического описания новые — такие, с которыми не сталкивались коллеги еще каких-нибудь полвека назад. Это проблемы объекта описания. Коротко их можно обозначить как проблемы этнического возрождения на фоне языкового сдвига.

Лингвистическими следствиями этого являются два обстоятельства: 1) растущая расплывчатость понятия «владение языком»; 2) увеличивающаяся размытость границ описываемого объекта как синхронно, так и диахронически.

Говоря об «этническом возрождении», ни в коем случае не стоит иметь в виду какой-либо объективный процесс, скорее обычное конструирование этничности или то, что Дэвид Андерсон³⁶ назвал раздуванием национального (*inflation of nationality*). Известно, что в ходе адаптации к стремительно меняющимся социально-экономическим условиям роль этнического самосознания растет: этнические группы консолидируются, формируются территориальные квазиэтнические группы (в XIX в. — камчадалы, колымчане, индигирцики, в XXI в. — якутяне, чукотчане и пр.). Традиционные промыслы становятся важным аспектом выживания; кроме того, элиты осознают выгодность действий «от имени группы» и своими выступлениями консолидируют, а иногда и создают эти группы³⁷.

Одним из важнейших средств этнической самоидентификации и консолидации является язык, в особенности в ситуациях, когда другие маркеры этничности перестают выполнять свои функции. Несколько огрубляя и упрощая, можно сказать, что если хозяйственная деятельность, социальные связи, обычаи, одежда, утварь и пища у людей одинаковые (а именно так обстояло в целом дело к концу 1980-х гг.), то единственное, на чем они могут основывать свое этническое самосознание, это различия в языке (в отдельных случаях, конечно, сохранялись и различия в хозяйственной деятельности — прежде всего между тундрой и поселком, например у ямальских ненцев)³⁸.

Прекрасной иллюстрацией этого могут служить примеры из нескольких работ В. И. Беликова, который, тщательно проанализировав результаты переписи 1989 г., подметил забавную и совершенно абсурдную закономерность: для народов Севера, как правило, «чем дальше от мест компактного проживания, тем, по переписной статистике, лучше знание этнического языка и хуже знание русского» (табл. 4).

Можно, конечно, предположить, что в 1989 г. почти 22 % орочей, живших за пределами РФ, говорили по-армянски, по-казахски или по-эстонски и вовсе не знали русского языка; однако все-таки более реалистичным будет предположение, что люди, оказавшиеся вдали от родных мест в иноэтническом окружении, начинают испытывать потребность в этнических маркерах и за неимением других выбирают в качестве такого маркера родной язык.

Какое влияние оказывает на рост этнического самосознания ситуация языкового сдвига?

Необходимо напомнить, что «языковой сдвиг» — это особый вид языковой ситуации, когда поколение родителей перестает передавать язык детям, поколение детей стремится полностью перейти на другой (доминирующий) язык и родители поддерживают их в этом стремлении. В пределах языковой сдвиг приводит к утрате этнического, или титульного, языка и переходу сообщества на другой язык⁴⁰.

Возникает очевидный парадокс: с одной стороны, сообществу необходим собственный язык как важный (возможно — самый важный, в пределах — единственный) маркер этнической самоидентификации; с другой стороны, значительная часть членов сообщества не говорит на этом языке (прежде всего речь идет о молодом поколении). В этой, казалось бы, безвыходной ситуации сообщество находит довольно интересный вариант поведения, который существенно затрудняет работу лингвистов: члены сообщества утверждают, что хорошо владеют языком, хотя в реальности не используют его для повседневной коммуникации. Понятие «владение языком» оказывается не просто градуальным (с этим лингвисты более или менее научились справляться), но иногда утверждения информантов, что они или их односельчане «знают родной язык»,

следует понимать с точностью до наоборот: что они этим языком не владеют вовсе.

В одной из своих публикаций⁴¹ автор данной статьи назвал такое крайнее состояние языка «демоверсией»: члены сообщества, остро нуждаясь в языке, демонстрируют заезжему исследователю свою якобы имеющую место способность говорить на нем, притом что в реальности язык никогда не используется для коммуникации и существует лишь в одной функции — в функции символической, как «доказательство» самостоятельности группы. Это, конечно, крайний случай, но некоторая доля такого состояния присутствует везде или почти везде, где тот или иной язык относится к категории находящихся под угрозой, т. е. там, где имеет место ситуация языкового сдвига.

С другой стороны, опасность языкового сдвига даже в тех случаях, когда в реальности его еще нет, а есть, так сказать, только тучка на горизонте, достаточно сильно воздействует на сознание членов сообщества. Они могут совершенно искренне утверждать, что «наш язык находится под угрозой», что «дети не говорят на родном языке», могут требовать различных мер по защите языка — притом что в реальности ситуация может оказаться гораздо благоприятнее. Причины того, что «дети не говорят», могут быть разные, не обязательно это признак языкового сдвига. Есть, например, двуязычные ситуации, когда владение титульным языком оказывается признаком социального статуса: на нем «позволительно» говорить лишь тем, кто достиг определенного положения в обществе — например, завел семью, выстроил дом, т. е. прежде всего мужчинам (и отчасти женщинам) в возрасте между 30 и 40. Дети и молодежь при этом разговаривают по-русски, и их использование титульного языка общиной не приветствуется: «малы еще» говорить по-нашему. Такова ситуация у приазовских греков-румеев⁴².

В разных ситуациях людям, следовательно, свойственно либо завышать, либо занижать степень владения родным языком. Это, как уже было сказано, сильно затрудняет работу лингвистов: оценить языковую ситуацию оказывается в этих случаях достаточно сложно. Никакие источники, кроме собственных длительных наблюдений, не дают исследователю надежной информации о состоянии языка. Оказывается, что нельзя верить ни утверждениям информантов, что «язык умирает», ни утверждениям, что «язык полноценно функционирует»⁴³. И тем более нельзя верить статистике: переписям, опросам, анкетам, даже интервью, поскольку все эти материалы базируются в конечном счете на том, что сказали информанты.

Современная ситуация оказывает воздействие и на святая святых лингвистического опи-

сания — на понятие языка как полноценного, самодостаточного и равного самому себе объекта. У этой проблемы два аспекта: во-первых, в ситуации отсутствия литературной нормы непонятно, где кончается один язык и начинается другой. Во-вторых, неясны допустимые пределы изменения языка, при которых он остается тождественен самому себе.

Как известно, XX в. оказался для народов нашей страны очень нелегким. Войны и революции, насильственные переселения и репрессии, не всегда дальновидная языковая и национальная политика, интенсивная индустриализация, освоение районов Сибири и Севера привели к очень высокой мобильности населения и его активному перемешиванию. Носители малых языков больше не живут, как 100 лет назад, компактными группами на территориях, где жили их отцы и деды: они живут в повседневном контакте с носителями других языков, прежде всего русского, но не только.

Хороший пример здесь — малые прибалтийско-финские языки, исследованиями которых в рамках данного проекта занимается М. Муслимов. Носители этих языков — водского, ижорского, а также эстонских и финских диалектов — живут к западу от Санкт-Петербурга, в примерно полусотне деревень от Большой Ижоры на востоке по побережью Финского залива до устья р. Луга и далее до эстонской границы. На протяжении всего XX в. носителей этих языков постоянно переселяли или ссылали то финские власти, то советские, то эстонские. В этих переселениях члены одной семьи часто теряли друг друга, прибывали к близким и дальним родственникам, а то и просто к соседям, а возвращаясь, селились вперемешку друг с другом и с русскими, не соблюдая, естественно, чистоты местных говоров, диалектов и языков.

В результате сегодня те немногие пожилые люди, которые еще сохраняют способность говорить на этих языках, говорят не на каком-то одном языке, а на странной их смеси, причем состав и пропорции этой смеси индивидуальны для каждого носителя. М. Муслимов, кропотливо и терпеливо составляющий лингвистическую карту региона, приводит в своих работах поразительные примеры, когда в одном слове сплавлены финские и водские, ижорские и финские, ижорские и водские лексические, фонетические и морфологические элементы: понять, на каком языке говорят эти люди, зачастую бывает очень непросто.

Это примеры взаимовлияния и взаимопроникновения близкородственных языков. Можно привести и примеры сплавления одного из малых языков с русским — вепские материалы Елены Новожиловой (рукопись):

- *Mina rodnus dvatzat' vtarogo goda derevna* Noidlas (Я родилась в двадцать втором году в деревне Нойдала).
- *Mina tol'ka radoin. Potomu cto muzik invalid oli* (Я только работала. Потому что муж инвалидом был).

Какой это язык — русский или вепсский? Сколько и каких слов нужно иметь в предложении, чтобы признать его «предложением языка L»? Эти и подобные вопросы не всегда имеют однозначный ответ при обращении к современному материалу малых языков: мы не всегда способны определить, с какой языковой системой соотносится речь такого двуязычного говорящего. Исследования переключения и смешения кодов (а именно эти примеры здесь приведены) показали, что не всегда можно быть уверенным в том, что границы языковой системы, существующие в сознании говорящего, совпадают с теми, которые выделены лингвистами⁴⁴.

Проблема становится особенно сложной, когда мы имеем дело с человеком (языковой общностью), говорящим на двух близкородственных языках (как в случае с прибалтийско-финскими языками): понять, имеем ли мы дело с интерференцией одной системы в другую или с новой языковой системой, проявляющейся в «новом коде»⁴⁵, далеко не просто.

Каковы задачи полевого лингвиста, описывающего эту ситуацию? Можно, конечно, аккуратно отделить русские слова и конструкции от вепсских, показать, как смешиваются и взаимодействуют две (три, четыре...) языковые системы, сохранив таким образом в неприкосновенности привычную и безопасную для теории идею, что эти две замкнутые, полноценные и независимые языковые системы существуют. Можно, однако, подойти к проблеме и с другой стороны: заняться исследованием той языковой системы (или тех систем?), которые существуют в сознании говорящего и которые лежат в основе его реальной речи.

В этом последнем случае, правда, есть опасность подорвать основы лингвистической теории: может оказаться, что описывать эту новую языковую систему проще и удобнее, если вообще отказаться от идеи существования независимых, замкнутых и полноценных языковых систем, равных самим себе.

Е. В. Головки справедливо указывает, что подобные примеры недостаточно интерпретировать только как появление в контактных зонах между близкородственными языками «промежуточных языковых и диалектных форм», и предлагает видеть и здесь (как и в случаях контактных явлений между неродственными языками) немотивированное и постоянное переключение кодов⁴⁶.

Оба эти анализа — и постулирование «промежуточных форм», и постулирование «переключения кодов» — несомненно, имеют право на существование, однако возможен и третий вариант, который заведомо отказывается от обязательного существования в сознании двуязычных носителей двух языковых систем как двух абстракций. В этом случае все концепты, содержащиеся в имплицитном виде эту идею (промежуточные формы, континуум диалектов, переключение и смешение кодов и т. п.), оказываются неприменимыми.

Это довольно серьезные выводы для лингвистики. Точнее было бы назвать их не выводами, а опасениями: если это действительно так, то многие лингвистические теории, базирующиеся на аксиоме замкнутой и самоценной языковой системы, начинают шататься. Тут самое время вспомнить, что привычное людям одноязычие в масштабах Земли встречается существенно реже, чем дву- или многоязычие: по подсчетам Дэвида Кристалла, более двух третей населения Земли с детства говорит на двух и более языках. Однако в сознание лингвистов это пока еще проникло не до конца: одноязычие почитается нормой, многоязычие — исключением. (Любопытно, что в авторитетном «Лингвистическом энциклопедическом словаре» есть статья «Многоязычие», но нет статьи «Одноязычие»: очевидно, неосознанно предполагается, что одноязычие понятно по умолчанию.)

Именно такие опасения возникают у исследователя, который занимается полевым описанием языков в их современном виде и современных языковых ситуаций (прежде всего малых языков и прежде всего в ситуации языкового сдвига). Адаптация народов к стремительно меняющимся социальным, экономическим и демографическим условиям привела в лингвистическом отношении к довольно неожиданным результатам.

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье рассмотрены некоторые ключевые проблемы, исследование которых оказалось особенно плодотворным и интересным на материале ряда миноритарных языков в рамках проекта «Миноритарные языки Евразии: история и современность»⁴⁷. В проекте оказались сведены вместе материалы разных лингвистических ареалов, в т. ч. иранских, индо-арийских, германских, романских, кельтских языков. При всем различии изучаемых ареалов и языков при внимательном подходе прослеживается определенная общность в тенденциях развития языковых ситуаций, в которых миноритарные языки функционируют, и некоторое сходство в процессах изменения структур самих языков.

Работа включает исследования, ориентированные как на синхронию, так и диахронию. Такое объединение вполне оправданно — современные языковые структуры могут отражать древнейшие процессы языковых и этнокультурных контактов, свидетельствуя об общности элементов в духовной культуре отдаленных эпох. Иногда на современном этапе в миноритарных языках типологически воспроизводятся языковые изменения, произошедшие в прошлом.

Объектом анализа стало не только собственно языковое, но и культурное, политическое, религиозное и литературное взаимодействие этнических групп, которое находит свое отражение в языке. При этом ряд материалов явился результатом проведенных за время осуществления проекта экспедиций и поездок и отражает наблюдения самих авторов, вводя их в научный оборот (Е. К. Молчановой о зороастрийском дари, А. И. Когана о языке кашмири, Л. Р. Додыхудоевой и В. Б. Иванова о языках Памира, А. Р. Мурадовой о бретонском, Т. А. Михайловой об ирландском, И. И. Чельшевой о языках Италии и о галисийском).

Сам термин «миноритарный язык» достаточно расплывчат, но все-таки оказывается предпочтительнее термина «малый язык», который предполагает относительную малочисленность носителей. Ведь достаточно вспомнить, что к миноритарным языкам относится, например, каталанский в Испании, число говорящих на котором доходит до 8 млн. К тому же численность говорящих устанавливается для многих языков достаточно условно: в европейских странах вопрос о родном языке обычно не вносится в переписи, в Азии численность

установить тем более сложно. Для окситанского, например, цифры колеблются от 1,5 до 10 млн: первая ориентируется на лиц, реально его использующих в некоторых, пусть и достаточно ограниченных, ситуациях; вторая цифра, безусловно, завышенная, включает в себя все население Южной Франции, которое имеет хоть какое-то представление об этом языке.

В сущности, основным критерием для того, чтобы отнести идиом к миноритарным, является его функциональная подчиненность другому языку (или языкам). Но, даже исходя из этого критерия, «миноритарность» идиома оказывается содержательно очень различной. Так, например, ирландский является первым государственным языком Ирландии, ему оказывается существенная поддержка на государственном уровне, в историческом плане это основной язык коренного населения страны, но, как показано в исследовании Т. А. Михайловой, господствующая роль английского приводит к резкому сокращению сферы его реального использования. А. И. Коган исследовал современное положение языка кашмири в Индии, который при достаточно значительном числе носителей (около 5 млн) остается в штате Джамму и Кашмир лишь языком бытового общения, уступая официальные и письменные сферы урду и английскому.

Вероятно, можно говорить и о своего рода литературной миноритарности. Исландский никогда не являлся миноритарным языком в ареале своего распространения, но в культурно-историческом плане, как литературный язык, он испытывал сильное влияние скандинавских языков, в частности, датского, что обусловило (как показано в исследовании Е. Б. Яковенко) специфику формирования литературной традиции.

Если принцип функциональной подчиненности позволяет установить своего рода верхнюю границу, отделив миноритарные языки от основных, то нижняя граница, отделяющая миноритарные языки от языковых образований, традиционно именуемых диалектами, говорами, патуа и др., оказывается условной, и эта условность в каждом конкретном случае определяется самыми разными соображениями. Можно вспомнить бытующее в итальянистике высказывание, хорошо передающее конвенциональный характер таких ярлыков: *Una parlata u lingua perchè è chiamata tale* — «То, на чем говорят, является языком, поскольку его таковым

называют». Так, языковые образования, традиционно именуемые диалектами Италии, представляют собой самостоятельное развитие народной латыни на соответствующих субстратных основах, отличаются ярким структурным своеобразием, имеют собственные письменные традиции, а иногда и норму, закрепленную в грамматиках и словарях (например, литературный венецианский). Именно поэтому, сохраняя наименование «диалекты», они не называются диалектами итальянского языка, возникшего на основе флорентийского наречия тосканского диалекта, а по географическому принципу именуется диалектами Италии или итальянскими диалектами.

Естественно, в Азии ситуация гораздо сложнее, и наиболее обоснованным оказывается наименование по топониму (см., например, в работе С. А. Виноградовой язык таджриши, т. е. наречие Таджриша, когда-то деревни, а ныне северного района Тегерана).

Когда речь идет о миноритарных языках, возникает сложность выделения самого объекта описания. Перед исследователем встает проблема языкового единства, которая в диахронии переходит в проблему языкового тождества. Например, описание наречий Сардинии невозможно без описания северосардинских разновидностей: сассарского и галлурского. Но они не являются собственно сардинскими диалектами: сассарский, скорее всего, представляет собой исходно северное, логудорское наречие сардинского, подвергшееся сильному влиянию генуэзского и значительно трансформировавшееся, а галлурский основывается на языке корсиканских переселенцев, но с корсиканскими наречиями уже не совпадает.

В диахронии же современные миноритарные языки, развиваясь во времени как бы пунктиром, часто не являются прямыми потомками языков, зафиксированных в древних и старых текстах, — со сменой культурно-исторических эпох меняются ориентиры, исчезают и возникают письменно-литературные традиции, носители оказываются включенными в иные языковые сообщества и начинают себя чувствовать частью именно этих сообществ. Так, ни дренеирландский, ни старопровансальский не нашли своего непосредственного продолжения в современных языках.

Таким образом, особое значение в применении к миноритарным языкам приобретает проблема непрерывности и нелинейности языкового развития, поскольку в результате взаимодействия между подчиненными и престижными языковыми системами проходят сложные процессы конвергенции и дифференциации, влияющие на структуру языка (на материале романских языков исследованы в работе Б. П. Нарумова).

Особое значение в применении к миноритарным языкам приобретает проблема языковых контактов. С одной стороны, языки меньшинств долгое время развивались в состоянии определенной изолированности — достаточно вспомнить, что для многих из них ареалами распространения являются островные регионы (Корсика, Сардиния) или горные районы (Памир, Альпы), причем лингвистический ареал может распадаться на отдельные долины, не образующие языкового континуума (например, неопределенные горные долины или разбросанные деревни). Изолированности могла способствовать и конфессиональная обособленность носителей (язык йезди у зороастрийцев Ирана, франкопровансальские колонии вальденсов в Италии, сефардский у изгнанных из Испании иудеев). С другой стороны, языковые контакты применительно к миноритарным языкам, наоборот, могут отличаться высокой степенью интенсивности (давление доминирующих языков) и неоднозначностью разноуровневых контактов — наряду с доминирующим официальным языком может проследиваться влияние языка более крупного языкового меньшинства, языка авторитетной письменной традиции (в некоторых случаях мертвого), традиционного конфессионального языка и др.

Как пример неоднородных и сложно распределенных в диахронии языковых контактов можно вспомнить историю формирования так называемого *tabarchino*, табаркинского, который постоянно становится в последние годы в Италии предметом дискуссий. Так называют язык, на котором говорят около 10 тыс. чел. на островах Сан-Пьетро и Сант-Антиокко у восточного побережья Сардинии. Резко отличаясь от сардинского окружения, это наречие представляет собой исторически форму североитальянского лигурского диалекта, носители которого переселились в XVI в. на о. Табарка у побережья Туниса, а затем, приблизительно через 200 лет, переместились на острова у побережья Сардинии. В результате эта языковая форма существенно отличается от современного лигурского диалекта, поскольку развивалась изолированно от основного ареала, а в функциональном плане сначала контактировала с арабским, а затем оказалась подчинена сардинскому, а потом и итальянскому языку. С точки зрения классической диалектологии табаркинский можно причислять к галлоитальянским диалектам Италии и присоединять к лигурскому, однако многие структурные особенности табаркинского слишком своеобразны. Далеко не все они могут быть определены как архаизмы (хотя табаркинский действительно напоминает лигурский язык XVI в.).

Необходимо заметить, что интенсивные языковые контакты могут в какой-то мере приводить

к результатам, противоположным ожидаемым, — может возникнуть тенденция к консервации архаических элементов, свойственных именно данному языковому образованию, своего рода отталкивание от доминирующего языка и отторжение структур, воспринимаемых как чуждые. Такой процесс наблюдается в настоящее время в корсиканском, где стали утверждаться южнокорсиканские характеристики, противопоставляющие язык Корсики итальянскому.

Интенсивность контактов определяет степень влияния, которое может приводить к разрушению языковых структур и формированию новых. Разумеется, наиболее проницаемыми для контактов уровнями оказываются фонетика и лексика. А. Р. Мурадова приводит примеры фонетических преобразований в современном бретонском языке, порожденные тем, что носители глубоко усвоили французские артикуляционные привычки. Но может быть затронута и морфология. Приведем несколько наиболее ярких примеров. Редчайшим примером заимствования грамматической категории языком, принадлежащим к группе, где такая категория отсутствует в принципе, является заимствование истрорумынским категории вида из хорватского языка. Истрорумынский — язык, распространенный на принадлежащем ныне Хорватии п-ове Истрия, в нескольких отдаленных друг от друга деревнях в настоящее время насчитывает около 500 говорящих, сохраняясь только в ситуации устного бытового общения. По всем данным, у говорящих на истрорумынском утрачено осознание собственной этнической обособленности. Они считают себя хорватами, и, естественно, все владеют хорватским языком.

В результате многовекового соседства с хорватским в истрорумынском глаголе оформилось противопоставление совершенного и несовершенного вида, причем средством выражения этого противопоставления стали славянские приставки, которыми оформляются романские корни. В результате оппозиция приобрела следующий вид: *durmi* «спать» — *zadurmi* «заснуть», *taglia* «резать» — *potaglia* «порезать», *latra* «лаять» — *zalatra* «залаять». Естественным дополнением к этому явлению стала практическая утрата истрорумынским такого времени индикатива плана прошедшего, как имперфект, поскольку одной из основных функций имперфекта в романских языках является обозначение длительного, незаконченного, фонового и т. д. действия, а эта возможность перешла в истрорумынском к видовой оппозиции, имперфект исчез.

Е. К. Молчанова, изучая язык йезди (зороастрийский дари Ирана), обратила внимание на серьезные изменения в морфологии: в языке фиксируются

гибридные, дари-персидские, глагольные основы и морфолого-синтаксические явления, связанные с неразличением структуры фраз с прошедшим временем у переходных и непереходных глаголов, чем принципиально различаются персидский язык и зороастрийский дари.

Разумеется, наиболее явными свидетельствами языковых контактов являются лексические заимствования. В исследовании Е. А. Париной показано, как менялся характер английских заимствований в истории валлийского языка, дойдя в настоящее время до контаминации валлийского английскими словами.

Насыщенность заимствованными словами, которые переносятся в язык-реципиент с сохранением фонетического облика, приводит к тому, что миноритарный язык, в сравнительно-историческом плане относящийся к одной группе языковой семьи, на современном этапе начинает переживать такие типологические изменения, что его исходная генетическая принадлежность уже не прослеживается. Так, в исследовании С. П. Виноградовой продемонстрировано, как наречие таджриши в Иране, относясь генетически к северо-западным иранским языкам, в настоящее время, находясь на грани исчезновения, фактически интегрируется в персидский, юго-западный иранский язык.

В результате постоянного контактирования с доминирующим языком складываются гибридные образования, своего рода мезолекты, такие как *francitan* из французского и окситанского, *francorse* из французского и корсиканского, чапуррао (испанизированный галисийский) и кастрапо (галисизированный испанский). Впрочем, следует отметить, что подобные образования складываются и там, где в одну языковую ситуацию сведены два крупных языка, один из которых занимает подчиненное положение. Примером такой гибридной формы может служить коколиче — *cocoliche*, испанско-итальянское языковое образование, сложившееся в Аргентине в местах массового расселения итальянских эмигрантов.

На материале различных языков проанализирована фундаментальная проблема соотношения архаических и инновационных элементов в структуре языка, поскольку миноритарные языки, с одной стороны, в силу изоляции носителей, отсутствия литературной традиции нередко оказываются более консервативны, чем основные языки того же региона. С другой стороны, отсутствие нормы, которая часто тормозит естественное языковое развитие, и функционирование преимущественно в устной сфере, приводят к тому, что миноритарные языки оказываются более восприимчивы к языковым инновациям. По образному определению одного из ведущих специалистов по корсиканскому

М. Д'Альбера-Стефанаджи, миноритарные языки Европы дают лингвистам редкую возможность исследовать «язык в его естественном состоянии» (*une langue en état naturel*).

Наиболее архаичные элементы в языке связаны, естественно, с субстратным влиянием. Миноритарные языки сохранили следы влияния субстрата, исчезнувшие в крупных языках. Эти следы прослеживаются на разных языковых уровнях, нередко представляя собой отклонения от общих линий историко-типологических трансформаций языков. В исследовании Д. И. Эдельман изучены элементы доиндоевропейского субстрата в иранских языках Западного Памира. В частности, в них произошла переориентация исторической морфологической категории рода (базирувавшейся в древности на типах основ) на семантическую категорию классов: в языках шугнано-рушанской группы — частично, в язгулямском языке — практически полностью. В результате существительные в языках шугнано-рушанской группы распределяются по родам в соответствии не только с видом основ, но, главным образом, с семантикой. В язгулямском все названия мужчин и неодушевленных предметов относятся к мужскому роду, названия женщин и животных (независимо от пола животного) — к женскому. Сравним систему четырех классов в изолированном языке бурушаски: I — мужчин, II — женщин, III — животных и единичных предметов, IV — остальных предметов, веществ, собирательных, абстрактных и обобщающих понятий. Речь не идет о калькировании морфологических структур субстрата, а о «проращании» (термин Д. И. Эдельман) в новых языках глубинных содержательных категорий в виде создания форм и конструкций, базирующихся на субстратных понятийных элементах.

Внимательное исследование материала миноритарных языков и диалектов дает возможность внести новые представления в такие общие проблемы, как формирование и фрагментация языковых семей, генетическая классификация языков, очертания языковых границ. Так, в исследовании Д. И. Эдельман обращение к нуристанским языкам позволило уточнить относительную хронологию и характер «ветвления» арийской языковой общности.

Изучение структур, фиксируемых в морфологических системах миноритарных языков, позволяет установить некоторые общие типологические закономерности, проявление которых обнаруживается и в языках иных групп. Так, Д. И. Эдельман отмечает, что в большинстве памирских языков (бесписьменных малых языков восточноиранской группы, бытующих на Западном и Южном Памире и в отрогах Восточного Гиндукуша) сохраняется система трехсерийного индоевропейского дейксиса типа

лат. *hic — iste — ille*. Она функционирует в языках шугнано-рушанской группы, в ишкашимском (и уже менее отчетливо в близкородственном ему языке сангличи), в ваханском языке (Западный и Южный Памир), в мунджанском языке и родственном ему языке йидга (Восточный Гиндукуш). В подавляющем же большинстве индоиранских языков (как и в большинстве других индоевропейских) система указательных местоимений двоична: «этот — тот», «здесь — там», но следы трехчленного дейксиса сохраняются в виде этимологических рудиментов.

Подобный же путь — от этимологически обоснованного трехчленного дейксиса к двухчленному — прошли и некоторые романские языки. В тех же из них, где исходно присутствовал трехчленный дейксис, ослабло и почти утратилось одно из звеньев (например, в итальянском функционируют *questo* и *quello* при практической утрате *codesto*).

Разделение архаичного и инновационного в миноритарных языках иногда оказывается достаточно условным. Так, например, обращение к диалектам Италии свидетельствует, что ряд характеристик Балканского языкового союза, справедливо представленных в классической работе Кр. Санфельда «Linguistique balcanique. Problèmes et résultats» (1930) как балканизмы, встречается и в южных диалектах Италии — так называемый балканский конъюнктив, вытеснивший инфинитив из конструкций типа «я хочу, чтобы я пришел»; отсутствие синтетической формы будущего времени; местоименная реприза. Это не опровергает утверждения об инновационном характере этих черт, но указывает, что подобные тенденции могли поддерживаться и языком-источником, т. е. народной латынью. Кстати, и другие характеристики подтверждают совпадения между балкано-романским и южноитальянским языковыми ареалами, например метафоническое воздействие конечных гласных (в т. ч. конечного *-a*) на предшествующий ударный гласный или широкое распространение суффикса, восходящего к лат. *ora*, для образования множественного числа существительных.

Есть и более сложные случаи, когда то, что воспринимается как архаизм, как оказывается, сохраняется (а нередко и возрождается) в языке под влиянием иных, отнюдь не языковых факторов. Так, в современном корсиканском языке наметилась тенденция к распространению форм множественного числа на *-a*, которые исторически сформировались из окончания множественного числа исчезнувшего латинского среднего рода для ряда имен мужского рода на *-i*, восходящих к латинскому II склонению, на другие формы, в т. ч. и восходящие к латинскому III склонению, где их этимологически быть не должно: *i monta* «горы», *i noma* «имена», *l'affara* «дела».

В принципе, это достаточно архаическая черта, объединяющая Корсику и юг Италии, но причины ее появления вполне современные — в условиях борьбы за повышение статуса корсиканцы, осознанно или неосознанно, стремятся противопоставить свою речь другим языкам, вводя те характеристики, которые воспринимаются как особенность именно корсиканского (естественно, о том, что это также южноитальянская особенность, знают лишь специалисты).

Еще один аспект исследований связан с проблемами формирования норм миноритарных языков. Эти процессы нередко происходят в наше время буквально на глазах исследователей, и их направленность может определяться сознательным нормотворчеством активной части носителей. Таким образом, можно установить своего рода типологию нормообразования, что актуально, естественно, прежде всего для европейских языков, или в отсутствии устойчивой нормы установить источник нормирующих тенденций, нивелирующих и объединяющих хотя бы письменный язык.

Т. А. Михайлова, анализируя процесс создания нормы ирландского языка в синхронии и диахронии, сформулировала всю сложность понимания того, что такое норма для миноритарного языка: становление, постановление или установка. Действительно, то, что можно было бы определить как становление, т. е. естественный, растянувшийся на века процесс складывания нормы, для миноритарных языков скорее исключение, чем правило. Норма миноритарных языков редко имеет непрерывную историю, продолжая письменные традиции ранних этапов его функционирования. Для них нехарактерно поступательное становление нормы путем опоры на ведущую языковую форму, определяемую культурно-историческими и экономическими условиями (диалект столицы, крупнейшего культурного центра, язык королевского двора и др.). Такой путь приемлем для языков, в полной мере выполняющих функции государственных, но если в определенный период язык был доминирующим, то именно таким путем могли проявляться нормативные тенденции. Например, каталанский в XIV в. выполнял официальные функции в королевстве Каталонии и Арагона, и для этой эпохи характерна ориентация на язык королевской канцелярии. В XIX в., когда в период нового Возрождения в Каталонии встал вопрос о нормировании литературного языка, подобный «государственный» путь развития был уже неприемлем, поскольку каталанский оказался сведен в одну функциональную парадигму вместе с испанским.

Источником нормативных тенденций мог стать некий текст, причем это могла быть ориентация на сакральный текст (например, на

канонический перевод Библии) или на литературные источники «по праву шедевра» (на язык определенного автора или язык произведения). Таким образом, была создана одна из норм современного окситанского языка, которую нередко называют нормой фелибров, или нормой Мистралья, поскольку в ее основе лежит ронский поддиалект, на котором писал выдающийся окситанский поэт, лауреат Нобелевской премии Фредери Мистраль и фелибры — поэты одного с ним литературного направления.

С последней четверти XX в. определился еще один путь создания нормы — создание нормы-артефакта, которая является плодом научной работы специалистов на основании искусственно выстроенной диасистемы. Обратившись к процитированному выше высказыванию Т. А. Михайловой, можно сказать, что здесь речь идет о «постановлении». Разумеется, подобный подход актуален для европейских языков, где ведется сознательная работа над нормами миноритарных языков, нередко поддерживаемая на государственном уровне. Причем иногда норма «заказывается» иностранным ученым, которые, видимо, должны проявить большую объективность и беспристрастность. В романском ареале за последние десятилетия подобные искусственные нормы были созданы для ретороманского языка Швейцарии, ладинского языка Доломитовых Альп (Италия) и для сардинского. Нормы для ретороманского языка Швейцарии и ладинского языка Италии разрабатывали немецкие лингвисты, разумеется при активном участии носителей языка.

Реальность такова, что многие европейские миноритарные языки при всей малочисленности носителей имеют разные письменные традиции, которые иногда закрепляются в виде нескольких норм. Например, в ретороманском Швейцарии (численность говорящих около 50 тыс.) существуют пять литературных вариантов — верхнеэнгадинский, нижнеэнгадинский, сурсильванский, сутсильванский и сурмиранский. Причем энгадинская литературная традиция сформировалась достаточно рано (XVI в.) и с опорой на протестантские переводы священных христианских текстов. В остальных регионах ориентировались на собственно диалектные характеристики, черпаемые из устной речи. При этом в сурсильванском различаются графика и лексика в текстах католической и протестантской традиции: первая ориентировалась на итальянский, а вторая на немецкий (анализ проведен в исследовании Г. М. Горенко). В настоящее время вводится общая, искусственно созданная норма Rumantsch Grischun — граубюнденский руманшский, синтезирующая особенности разных вариантов.

Еще сложнее оказывается ситуация в современном сардинском языке. В поэтическом творчестве

долгое время преобладал логудорский вариант, в прозе — кампиданский. Причем речь здесь идет не только о выборе диалектной базы, ориентированной на тот или иной диалектный ареал. На северо-логудорском уже к XVI в. были созданы образцы пастушеской поэзии, близкой к фольклору, которая стала восприниматься как образцовый поэтический язык. Им подражали за пределами области Логудоро, воспринимая диалектные характеристики как неотъемлемую часть поэтического языка.

В настоящее время происходит внедрение новой общесардинской нормы, так называемого общесардинского стандарта (*Limba Sarda Comune*), выработанного как обобщенный, усредненный вариант с определенной ориентацией на этимологию. В результате избирается одно написание, приближенное к этимологическому, и допускаются несколько прочтений, в зависимости от диалектных привычек читающего. Иногда это приводит к своего рода иероглифичности сардинского стандарта, например одно и то же написание *filiu* «сын» из лат. *filium* может читаться пятью-шестью способами: от [fi u] до [idzu].

Подобная языковая деятельность, направленная на нормирование языка, в какой-то мере прослеживается и в Азиатском регионе. Например, в среде кашмирских индуистов, проживающих за пределами Кашмира («кашмирских пандитов»), достаточно много внимания уделялось проведению языковых реформ, к которым относится создание для кашмири новой письменности на основе письма деванагари и введение в его культурную лексику заимствований из хинди. Эти меры были направлены на индуизацию языка с целью противопоставить его арабскому и подвергнутому сильнейшему влиянию персидского, арабского и урду стандартному («мусульманскому») кашмири (исследование А. И. Когана).

На материале разных языков достаточно четко проявился тот факт, что настойчивое стремление утвердить чистоту миноритарного языка, вступающее в противоречие с его реальным статусом, достаточно опасно и может оказать губительное воздействие на судьбу языка, поскольку оказывается направленным на искоренение живых языковых привычек говорящих.

Работа по проекту дополнила новыми материалами такие актуальные для современного мира проблемы, как аспект отношений государства с проживающими в нем этносами и языковыми общностями в сложном процессе глобализации и регионализации современного мира и причины возникновения национально-языковых конфликтов как в

современном мире, так и в прошлом. Естественно, в этом аспекте ситуация с миноритарными языками в Европе во многом противоположна ситуации в Азии. Достаточно вспомнить настороженное отношение в Республике Таджикистан к использованию памирских языков, которое иногда доходит до фактического запрещения их использования в официальной сфере, хотя никаких формальных распоряжений на этот счет нет.

Но некоторые вещи оказываются общими, например ощущение собственного языка: на нем не разговаривают с посторонними и тем более с иностранцами, даже если они и обладают необходимыми для общения на этом языке знаниями и навыками. Например, носители сардинского переходили в разговоре с иностранцами на итальянский, объясняя свое речевое поведение тем, что иностранец может их заподозрить в незнании государственного языка и, соответственно, отказать им в должном образовательном уровне. Разумеется, это не относится к ангажированной интеллигенции, к активным борцам за сохранение родного языка.

Проведенные исследования дали возможность в какой-то мере спрогнозировать варианты языковых сдвигов и перспективы развития и сохранения языков, в т. ч. и находящихся под угрозой исчезновения. Так, в исследовании А. Р. Мурадовой выявлены поколенческие различия и особенности восприятия языка носителями практически в момент утраты языкового образования как живого, реально функционирующего языка, причем сопоставление, проведенное на материале столь разных языков, как бретонский и ассирийский, продемонстрировало принципиальное сходство ситуаций при явном отличии в частности.

Общей закономерностью, по-разному проявляющейся в применении к различным регионам, является сохранение, а иногда и возрастание роли миноритарного языка как языка-символа, языка-эмблемы, которое сопровождает постепенную утрату реальных языковых функций. Как показывают наблюдения Т. А. Михайловой, в Ирландии в последнее время одним из факторов поддержания ирландского стало его отождествление с языком коренного населения, который отличает собственно ирландцев от все возрастающего потока новых иммигрантов из разных стран, владеющих, естественно, только английским.

В заключение необходимо отметить, что исследование миноритарных языков в рамках данного проекта оказалось для участников источником новых научных идей, гипотез, планов, которые, возможно, найдут свое осуществление в дальнейшем.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТЫ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО АТЛАСА)

Топонимия в силу присущей ей исключительной устойчивости во времени, привязке к территории, массовости способна внести свой вклад в понимание формирования этнокультурной карты территории. Важно также, что топоним рождается в рамках определенной системы, по определенным моделям, обусловленным географически и хронологически. Именно такая системность в сочетании с отмеченными выше свойствами делает топонимию надежным этноязыковым и историко-культурным источником и позволяет использовать ее для интерпретации языковой ситуации на разных хронологических срезах, истории заселения, формирования поселенческой структуры, времени переселений, этнических контактов и т. д.

Пилотный проект «Топонимический атлас Карелии» решает именно эти задачи. Атлас включает на данном этапе набор из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимов территории Карелии. Картографированию подвергнуты как структурные, так и лексико-семантические модели, заключающие в себе этноязыковую и этноисторическую информацию. Каждая карта сопровождается комментарием, в котором приводится фактический материал, т. е. список картографированных топонимов, а также предлагается анализ выявленных ареалов. Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

При определении критериев отбора моделей, перспективных для картографирования, авторы исходили из того, что не любой топоним может быть использован в целях языкового и этноисторического анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию можно извлечь и из так называемой ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу называния, выражается различны-

ми языковыми коллективами по-своему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство» (топоосновы со значением «путь, дорога, волок», «граница, край», «поселение»), а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища.

В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 г. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Поэтому карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губ., а также Кемского уезда Архангельской губ., в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих прибалтийско-финских (карельских и вепсских) и русских топонимных типов. Она выходит за обозначенные границы на запад, захватывая восточную часть территории Финляндии, чрезвычайно показательную с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепсских и более древних финно-угорских топонимных ареалов. В зону исторического вепсского расселения входила и восточная часть территории Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губ. В качестве территориальной единицы для картографирования выступает волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. К тому же в прибалтийско-финском языкознании сложилась традиция опоры на волостное членение в языковых атласах.

В корпусе источников материала главная роль отведена Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей, включающей более 100 тыс. топонимов, собранных в ходе полевых экспедиций за 35 лет (картотека хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Архангельской обл. Для выявления ареалов ряда карельских топонимных моделей привлечены материалы топонимического архива Финляндии, хранящиеся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Kotimaisten kielten

tutkimuskeskus), а также топонимической картотеки Уральского университета.

Далее на основе анализа ряда топонимных ареалов предлагается интерпретация некоторых фрагментов формирования этнической и языковой карты Карелии.

Саамы — древние жители Карелии. В топонимии Карелии сохраняются убедительные следы саамского топонимического наследия в виде остаточных разрушенных ареалов саамских топонимных моделей. Собственно, это было известно и раньше, и в этом смысле карты атласа не оказались инновационными. Однако картографирование саамских типов открыло перспективу для реконструкции саамской этноязыковой истории.

Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими языками, и субстратный⁴⁸, который в последнее время определяется многими исследователями как палеоевропейский⁴⁹. Оказалось, что ареал топооснов, восходящих к общему прибалтийско-финско-саамскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил не так давно внимание финский исследователь Я. Саарикиви⁵⁰.

В качестве примера приведена карта, которая демонстрирует топонимическое бытование двух саамских топооснов — субстратной и финно-угорской (рис. 1). Первая опирается на субстратное для саамского языка слово *lusme* «исток реки из озера», имеющее, видимо, палеоевропейские истоки. Как и другие топоосновы с этим генезисом, она характеризуется ареалом в Северной и Центральной Карелии и смежных областях Финляндии. Данный ареал принципиально отличен от ареала саамской топоосновы *Čolm-/Jolm-*, которая восходит к саамскому *oal'bme* «пролив» (< **čolmē*), имеющему единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* «пролив»⁵¹. Ареал практически не включает в себя территорию Финляндии, но покрывает в то же время Восточную Карелию и простирается дальше на восток в Архангельскую обл., а на юге доходит до Белого озера. По сравнению с ним ареал основы *Lusma-/Lu ma-* значительно смещен на северо-запад. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории.

Не исключено, что ареал субстратной топоосновы отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Иначе говоря, саамский понимается как образование, возникшее на терри-

тории к северо-западу от Обонежья в результате наложения финно-угорского языкового типа (традиционно фин. *varhaiskantasuomi*, англ. *Proto-Finnic*) на субстратный.

В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории современной Архангельской обл., которая традиционно интерпретируется как саамская. Не должна ли идти речь о едином древнем прибалтийско-финско-саамском наследии, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в прасаамский язык? Ареальное членение, выявленное на примере двух саамских типов, подтверждается и территорией распространения других саамских топооснов.

Целый ряд топонимических карт подтверждает, что южная часть Карелии, территория между Онежским и Ладожским озерами, а также на восточной берегу Онежского озера была в прошлом населена вепсами, сейчас сохранившимися в Карелии лишь на юго-западном берегу Онежского озера. Современный Онежско-Ладожский перешеек — это преимущественно карельская в языковом отношении территория, а Восточное Обонежье — русский регион. Однако в топонимии сохранились четкие вепские следы. Один из них — топонимы с основой **vadag'*, которая утрачена уже современными вепскими говорами, однако реконструируется по данным родственных языков и русских говоров на исторической вепской, ныне русской территории, где известен термин *вадога* — «покосы в низких сырых местах; зарастающее лесом болото». О том, что термин был некогда активен в вепских говорах, убедительно свидетельствует вепская топонимия, где модель *Vadag'* характеризуется значительной продуктивностью. Исходя из того, что значительная часть топонимических фиксаций представлена простыми по структуре названиями, следует полагать, что топоним восходит к ландшафтному термину, а функционирование его в названиях низких, болотистых мест, используемых под сенокосы, дает представление о семантике ландшафтного термина.

Ареал сформирован названиями небольших рек и ручьев, озер, болот, сенокосных угодий и маркирует границы вепского расселения на определенный момент времени в прошлом (рис. 2). Именно вепского, поскольку для карельской топонимии модель не свойственна. Об этом недвусмысленно свидетельствуют карельские материалы нашей картотеки, а также топонимического архива Финляндии, в котором хранится, в частности, коллекция топонимов из Северного Приладожья и Карельского перешейка — исторической карельской территории. Данная карта атласа, а также ряд других

(например, демонстрирующие географическое бытование вепсских топооснов *Pehk-* «болото», *Pyhä-* «святой», *Jalo-* «большой») свидетельствует о том, что вепсская территория в прошлом простиралась значительно дальше в восточном и северном направлении, чем сейчас.

Показательно, что северный предел исторического вепсского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов⁵². Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано, в свою очередь, с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий.

Этот вывод поддерживается результатами картографирования топонимов, сложившихся на основе прибалтийско-финской лексики *niini* «липа» (*Niinisel'gy*, *Nin'sel'g*, *Hucsel'ga* «Липовая сельга», *Nisar'* «Липовый остров», *Niin'oja* «Липовый ручей» и др.) и соответственно русской липы (*Липовец*, *Липняги*, *Липовая сельга*, *Липовый бор* и др.). В данном случае принципиальное значение для картографирования имеют не языковые истоки топооснов, а ареал ее бытования в топонимии, отражающий реальные границы территории произрастания дерева. Липа, как известно, растет на более богатых почвах, и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья. Липа представлена в южной Карелии до линии Вяртсиля — оз. Сямозеро — д. Шуныга. К востоку от Онежского озера редка, произрастая здесь прежде всего в долине р. Водлы и Колоды⁵³. Именно эта северная граница вырисовывается и по данным топонимии (рис. 3). В контексте дистрибутивных вепских топонимных моделей важно то, что их ареал не выходит, как правило, на север за рубеж «липовых» топонимов, подтверждая тем самым сельскохозяйственные приоритеты в вепском освоении территории Онежско-Ладожского перешейка и Восточного Обонежья.

Наоборот, в карельской колонизации последние не столь очевидны. Это неоднократно демонстрируют карты атласа с карельскими дистрибутивными топонимными моделями, которые отражают продвижение карелов на территорию современной Карелии, освоение территории между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем. Здесь выбрана одна карта, на которой представлена модель для названия высоких мест *Jylmäkkö*, в русской интерпретации, т. е. на русской территории Карелии *Юлмаки* (рис. 4). В ее основе карельский ландшафтный термин *jylm kk* «круглая гора, крутой склон», зафиксированный в говорах Суоярви в Северном Приладожье⁵⁴.

Картографирование модели показало, что ареал протянулся из Северного Приладожья — коренной средневековой территории корелы — на север и восток вдоль путей карельской экспансии. При этом ареал наиболее насыщен, плотен в Северном Приладожье, там, где, собственно, модель зародилась. На последнее указывает то, что именно здесь фиксируется соответствующий апеллятив. По мере продвижения на окраины он редет, доходит на востоке до архангельского Кенозерья, на севере до Белого моря. При этом территория бытования модели содержит косвенную информацию о ее возрасте в Карелии. Дело в том, что она неоднократно отмечается на Заонежском п-ове, причем не на прибрежных территориях, а во внутреннем Заонежье, осваивавшемся, как известно, поздно — в XVI–XVII вв.⁵⁵

Анализ ойконимов, т. е. названий поселений внутренних областей Заонежского п-ова, показывает, что многие из них возникли на основе собственно карельских антропонимов в ходе продвижения карелов из Корельского уезда, попавшего под власть Швеции⁵⁶. Видимо, именно этот поток карельских переселенцев принес с собой и модель *Jylmäkkö*, которая, таким образом, является для Карелии относительно поздней, возникшей в XVI–XVII вв. Ее ареал лишь незначительно перекрывает историческую вепскую территорию в северной части Онежско-Ладожского перешейка, основной же массив представлен севернее.

На территории Южной Карелии, Онежско-Ладожского перешейка произошло наложение вепских и карельских в языковом отношении топонимных моделей, свидетельствующее о наложении двух этносов. Севернее перешейка, куда вепсская экспансия, как свидетельствуют наши топонимические карты, не распространялась, продолжается неперемешанная с вепской собственно карельская традиция, вышедшая из Северного Приладожья, связанная на первых этапах преимущественно с промысловым освоением. Здесь, севернее линии распространения вепских топонимных типов, формируется собственно карельская в языковом отношении территория. Южнее же, в зоне контактирования, складываются два южнокарельских наречия — ливвиковское (олонецкое) и людиковское, из которых особенно второе содержит очень значительный вепский элемент.

Картографирование топонимных моделей позволяет понять или по крайней мере приблизиться к пониманию того, как сформировалась граница, разделившая людиков и ливвиков, и почему она прошла именно там, где прошла. Причина, видимо, кроется в том, что уже в период активного карельского освоения Онежско-Ладожского перешейка продолжалось проникновение вепсов на эту территорию, причем использовался транзитный водно-

волоковой путь со Свири на северную оконечность Онежского озера и далее на Белое море.

Именно такую ситуацию предлагает карта, показывающая ареал вепсской метафорической модели *Kukoinharj* «Петушиный Гребень», которая использовалась для называния возвышенностей, горок (рис. 5). Модель является, очевидно, довольно поздней, поскольку не охватывает весь вепсский ареал, да и привязана исключительно к недолговечным по времени существования микро-топонимам. Карта показывает, что она четко привязана к упомянутой уже водной дороге на север и одновременно людиковско-ливвиковской границе. Здесь отмечены урочище *Kukoinhard'* в Мошничье на р. Важинке, поле *Kukoenhard'a* в старинном людиковском с. Святозеро, урочище *Kukoiharja* на восточном берегу оз. Сямозеро. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности *Петушиный Гребень* (с. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепсского оригинала. Очевидно, выход вепсов вдоль этого водного пути на север, в частности на р. Шую, препятствовал в определенной степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шуе, и в результате к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория, где вепсский компонент значительно более мощен, чем в западном олонцеком или ливвиковском диалекте.

Ареальный анализ топонимов способен, таким образом, прояснить, как происходило на протяжении столетий формирование карельской диалектной карты и подтверждает активное участие в этом процессе вепсского этноса.

Культура Карелии возникла на стыке двух культурных традиций — прибалтийско-финской и русской — и явилась результатом их взаимодей-

ствия и взаимопроникновения. Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии начинается, видимо, уже с середины XIII в. В атласе представлен ряд карт дистрибутивных русских топонимных моделей, реконструирующих фрагменты русской истории территории. Одна из карт демонстрирует ареал топоосновы *острец* или *остреч* «окунь» (рис. 6). Анализ бытования старого новгородского слова, рано вытесненного общерусским синонимом *окунь*, в топонимии Присвирья показал, что там оно маркирует места относительно раннего русского освоения⁵⁷. Этот вывод подтверждается и материалами Обонежья и Беломорья. Она закрепилась здесь в названиях озер и рек: в Северном Присвирье — р. *Остречина*, на Заонежском п-ове в границах древнего Толвуйского погоста — оз. *Остречевское*, на водоразделе Онежского озера и Верхнего Выга — оз. *Остречье*, в окрестностях с. Лобское, а также оз. *Остречье* и ручей *Остречьручей* — в окрестностях д. Щепина Гора, расположенной на водоразделе р. Немина и Верхний Выг. Одноименные озера известны также в бассейнах беломорских р. Сума и Нюхча.

Ареал топонимов четко ложится на транзитный водный путь и маркирует его как основной путь русского продвижения в Карелию: со Свири в Онежское озеро, из которого путь продолжался либо на восток по р. Водле, либо на север через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Именно вдоль этих путей формируется «русская» Карелия, представленная этнолокальными группами русских (поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры). Каждая из них характеризуется общей территорией, единым самоназванием, общим локальным самосознанием и осознанием единства происхождения, а также некоторыми едиными феноменами народной культуры и, конечно, особенностями языка.

Атаев Б. М.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В эпоху всеобщей глобализации становится весьма насущным безотлагательное решение крупной научной и гуманитарной проблемы — комплексного анализа современной языковой жизни на постсоветском полиэтническом пространстве и прогнозирования развития событий в этой области. Необходимость исследования языковых процессов в меняющейся России обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Нерешенной до сих пор остается проблема рационального распределения

общественных функций между русским языком и языками народов РФ. Серьезную угрозу представляет, с одной стороны, реальная возможность исчезновения языков и культур малочисленных народов, с другой — уменьшение числа владеющих русским языком в национальных образованиях.

Эта проблема особо остро ощущается в Южном федеральном округе, в частности в Республике Дагестан, т. к. с этнолингвистической точки зрения эта республика представляет собой нетипичный для

других регионов России полиэтничный феномен. Большое языковое многообразие и малая территория, на которой представлено огромное количество близкородственных и неродственных языков, характеризуют Дагестан как уникальное явление даже в мировом масштабе. Здесь на территории всего в 50,3 тыс. км² с населением чуть более 2,5 млн чел. уживаются представители около 40 этносов со своими языками и диалектами, принадлежащими к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям.

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана, в отличие от других республик, входящих в Россию, состоит еще и в том, что здесь нет ни титульной нации, ни титульного языка, а статусом государственного языка, согласно статье 10 Конституции Республики Дагестан, обладают «русский язык и языки народов Дагестана». Но при этом только один язык — русский — успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию — быть государственным языком на всей территории республики, хотя бы только потому, что ни на одном из языков Дагестана здесь не говорит и треть населения. Как видно из материалов переписи населения РФ 2002 г., русским языком владеет, например, 85,9 % всего аварского населения. У городских жителей этот показатель доходит до 95,2 %, а у сельских — до 80,5 %. Такая же картина наблюдается и у других народов Дагестана⁵⁸.

Современные дагестанские языки представляют собой достаточно пеструю картину как с точки зрения их структурного своеобразия, так и сложности генетических взаимоотношений. Кроме того, они довольно заметно различаются между собой и по количеству говорящих на них, и по числу коммуникативных сфер, ими обслуживаемых. Определенные функциональные различия наблюдаются, в свою очередь, и между доминирующими литературными языками, в частности в плане социального статуса. Так, все языки Дагестана делятся на две большие группы. Это 14 письменно-литературных языков (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский, татский, агульский, рутульский, цахурский, азербайджанский, ногайский, чеченский, русский), признанные государственными языками Республики Дагестан, и 14 бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский) с минимальными общественными функциями.

Однако и внутри групп языков с равным статусом наблюдаются более или менее заметные различия. Например, на агульском, рутульском и цахурском языках письменность была создана лишь в 1990 г., поэтому эти языки, по сравнению с другими государственными языками республики, выполняют только незначительное количество функций и то в очень ограниченном объеме.

В свое время советская социолингвистика рассматривала наличие у языков народов СССР всего спектра общественных функций прежде всего как результат ленинской национальной политики. Между тем это вступало в прямое противоречие с другим коммунистическим тезисом: «В настоящее время мы совершенно определенно можем сказать, что дальнейшее развертывание процессов взаимодействия языков, связанных со строительством коммунизма в СССР, ведет нас не к увеличению существующих языков, а к их постепенному сокращению и последовательной смене одних языков другими»⁵⁹. В конечном счете, исходя из этой концепции, все в Советском Союзе должны были говорить только по-русски. К сожалению, примеры этого можно найти не только в теоретических положениях, но и в практических действиях властей советской эпохи.

Кроме того, в рамках советской социолингвистической концепции было принято проводить жесткую демаркационную линию между до- и послеоктябрьским развитием языков народов СССР, причем первый этап оценивался, как правило, только негативно, второй — только положительно. В очевидное противоречие с этой концепцией вступило удивившее тогда многих откровенное высказывание профессора Л. И. Жиркова: «Когда в 1923 г. группа московских работников науки ехала в горный Дагестан для изучения горского быта и горских языков, казалось, что едут изучать быт и язык “бесписьменных народов”. Между тем это представление было совершенно ошибочным. Дагестанские горцы давно уже не были “бесписьменными”; они давно уже пользовались арабской азбукой, писали этой азбукой письма на своем родном языке, писали ею и более крупные сочинения. “Бесписьменными” они казались издали потому, что их языки были не только не изучены, но, можно сказать, почти неизвестны вне пределов их родных гор и долин. В ходе самой экспедиции 1923 г. сразу же выяснилась ошибочность господствовавших на этот счет взглядов, и результатом экспедиции явилось богатое собрание материалов на языках аварцев и других племен»⁶⁰.

Ту же мысль, хотя и с иной точки зрения, высказывает крупный востоковед Л. И. Лавров: «Обилие эпиграфических памятников на Северном Кавказе, особенно в Дагестане (где их созда-

вали на протяжении почти тысячи лет), требует пересмотра ходячего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными»⁶¹.

К счастью, время, когда ученые были вынуждены повторять партийные идеологические установки советского периода нашей истории (в частности, по поводу младописьменности дагестанских языков), уже безвозвратно прошли.

Объективная же ситуация складывается следующим образом. Сегодня население Республики Дагестан исповедует четыре мировые религии, причем в их разных ветвях. Существуют в ней также четыре разные языковые группы и свыше 30 языков, проживают 7 разделенных народов. На это, особенно в последние 15 лет, накладывается возросший интерес к возвращению к национальным корням, защите национальной самобытности, самоопределению. И в данной ситуации может показаться несостоятельным разговор о консолидации дагестанских народов как полиэтнической общности.

Тем не менее в этнических недрах республики имеют место явные тенденции к консолидации. Русское население республики в этом процессе выступает в роли катализатора. Такая консолидация имеет ряд объективных предпосылок. Одна из них — общность исторических судеб. Ведь Дагестан издревле находится на путях из Азии в Европу и обратно. Его народы много раз подвергались иностранным нашествиям с юга и с севера, совместно сражались за независимость. В совместной борьбе сложились общие идеалы и традиции, общедагестанский патриотизм.

Вторая предпосылка — хозяйственная взаимозависимость горных и равнинных районов. В Дагестане сложилось смешанное национальное проживание. К примеру, в республике проживает свыше 156 тыс. лакцев, из них около 70 % проживает в городах, менее 30 % — в сельской местности. В горах же, на исторической территории, осталось менее 20 % лакского населения. Бóльшее же число всех жителей на этнической территории в горах составляют аварцы, но и это незначительные цифры — менее 40 % из свыше 814 тыс. В городах республики аварцев проживает свыше 30 %, на равнине в сельской местности — около 30 %. Для примера, из всех 814 473 аварцев, граждан России, в Дагестане проживает 758 438 чел. (93,2 %), а остальные — свыше 56 тыс. аварцев (6,8 %) находятся за пределами республики — в субъектах Российской Федерации⁶². Для сравнения, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., аварцы (в бывшем СССР) составляли 604,3 тыс. чел. (в РСФСР — 544,4 тыс.), в т. ч. 496,1 тыс. в Дагестане. По тем же подсчетам, родным аварский язык в 1989 г. считали 97,2 % аварцев (по Дагестану — 98,9 %) ⁶³.

О том, насколько интернациональным в наши дни стало население даже в сельской местности и насущным поэтому стало обучение на русском языке, показывает национальный состав начальных классов в школах Тарумовского р-на Республики Дагестан, прежде заселенного в основном русскими: русские — 116, аварцы — 104, даргинцы — 75, азербайджанцы — 21, лезгины — 11, лакцы — 10, табасаранцы — 10, кумыки — 9, прочие — 33⁶⁴. Такая же интернациональная картина характерна для всех городов и равнинных районов республики.

Третьей важной предпосылкой является рост числа межнациональных браков. По данным Махачкалинского городского загса, в течение последних 25 лет ежегодно заключаются 2100–2200 браков, из них 25–28 % являются межнациональными. В Дагестане немало людей с четырьмя и более национальными смешениями, которые явно затрудняются определить свою национальность по национальности предков. Многие даже не указывают ее в заявлениях о заключении брака. Межнациональные браки неизбежно приводят к генетической смешанности, к сближению бытовых традиций, культурных предпочтений, закреплению русского языка в качестве обиходного. Четвертая часть населения республики — это русские, украинцы, азербайджанцы, армяне, чеченцы, татары и др. Около $\frac{2}{3}$ составляет национально-смешанная среда, причем 43 % проживает в городах, где ни одна из национальностей не достигает четвертой доли числа горожан. Такая структура расселения стимулирует высокую интенсивность этнических процессов. Достаточно, например, сказать, что каждая десятая семья и почти каждый четвертый брак, заключаемый в городах, — национально-смешанные. Каждый шестой новый горожанин рождается в семье, где родители — различной этнической принадлежности. Так что сам феномен двуязычия в условиях дагестанского многоязычия и здешней этнокультурной пестроты — исторически сложившаяся объективная неизбежность.

Процесс консолидации дагестанских народов как полиэтнической общности идет в рамках мировых процессов. В современную эпоху глобализации тенденция ломки национальных перегородок преобладает над тенденцией самоопределения наций. В большинстве стран состав населения многонационален. Стремление объединить, сблизить народы стало практически политической задачей. Задача новой, демократической России — обеспечить условия для того, чтобы каждый индивид, каждая этническая группа чувствовали принадлежность к Российскому государству и осознавали свою культуру и свои языки частью общероссийской культуры и языкового пространства.

Еще в глубокой древности ходили легенды о необычайном многоязычии Дагестана. Этот факт неизменно подчеркивали греки и римляне, арабские, персидские и европейские географы средневековья, при этом назывались цифры от 70 до 300. Арабский историк и путешественник X в. Масуди отмечал: «Гора Кавказа — гора языков». И сегодня, как и 10 веков назад, более половины из представленных на Кавказе языков приходится на Дагестан. Здесь издавна существовало несколько языков межнационального общения. В различные периоды на территории Дагестана выделялось несколько регионов со сложившимися языковыми особенностями. Каждая область обладала своей спецификой развития и характеризовалась функционированием определенного языка общения. Так, в Южном Дагестане в качестве второго языка общения выступали азербайджанский и лезгинский языки. В Северном и Центральном Дагестане таким языком был кумыкский, в контактах андо-цезской группы этносов языком общения всегда выступал и выступает аварский язык.

Со времен первых сведений о народах Кавказа прошло более двух тысяч лет, а его этноязыковая карта, как и прежде, пестра. Более того, за этот период в результате исторических процессов здесь появились представители еще нескольких генетически не родственных народов и языков. Ныне на Кавказе функционируют языки, относящиеся к разным языковым семьям. На этой же территории проживают представители малочисленных народов с бесписьменными языками. И более половины всех языков, представленных на Кавказе, употребляется на территории Республики Дагестан. За долгий исторический период территориальные границы Дагестана не раз претерпевали изменения, а границы расселения народов после XI–XV вв. существенно не изменились.

Насколько можно судить по данным лингвистики, истории, сегодняшняя языковая ситуация в Дагестане начиная примерно с XVII–XVIII вв. в своих основных количественно-качественных характеристиках, в сущности, остается стабильной. Но тем не менее после установления советской власти в результате происходивших в республике крупных политических, социально-экономических и культурных изменений и осуществлявшихся широкомасштабных мероприятий по языковому строительству, в т. ч. по созданию письменности на родных языках для нескольких дагестанских народов, ликвидации неграмотности среди всех слоев населения, введению обязательного начального, впоследствии неполного среднего и среднего образования и др., в языковой ситуации Дагестана произошли значительные сдвиги. В частности, все письменно-литературные языки стали языками на-

чального обучения в общеобразовательных школах, языками изучения в средних, средних специальных и высших учебных заведениях, языками радио, театра, эстрады, делопроизводства, официальной переписки, судопроизводства; несоизмеримо расширился объем некоторых функций этих языков, например функции языка художественной литературы, СМИ и др.

В 1970–1980-е гг. произошло ослабление интегрирующей функции родного языка, что привело к чрезмерной политизации языка. При этом состояние многих национальных языков сейчас оценивается как кризисное, угрожающее самому существованию этнических общностей. В то же время именно язык этноса нередко становится реальной или мнимой причиной возникновения и решения многих экономических и социально-политических противоречий. Поэтому двуязычие как компромисс между консолидирующей и дезинтегрирующей функциями языка вполне может играть позитивную роль в процессах демократизации и построения гражданского общества. Дагестан — удобное поле (потенциальное и реальное) для изучения того, как воплощается указанный этнополитический компромисс.

Возрастающая актуальность проблем взаимодействия национального и русского языка вызывает все более пристальное внимание лингвистов, демографов, этнологов, социологов, философов к проблеме языка, выявлению его сущности, к изучению отношений между языками в многоэтническом социуме, к выяснению вопроса — благо ли для каждого народа двуязычие. Результаты подобных исследований служат основой для создания оптимальной правовой и организационной базы развития этноязыковой ситуации.

Анализ литературы и исследований, посвященных национально-русскому двуязычию в Дагестане, позволяет сделать вывод о смещении акцента языковой политики постсоветского периода с русского языка на язык своей национальности. Языковые проблемы Дагестана следует рассматривать в связи с разработкой теории сближения культур народов республики. Теория дагестанского народа, являющаяся предвестницей популярной нынче теории согражданства, была в немалой мере основана на восприятии русского языка как языка межнационального общения. Анализ литературы, посвященной изучению этнической идентичности, позволяет сделать вывод, что большинство авторов рассматривает ее как одну из разновидностей социальной идентичности, изучение которой имеет междисциплинарный характер. А употребление родного языка является базовым условием для сохранения этнокультурной идентичности, т. к. многие компоненты этнокультуры (устное народное творчество,

народная песенная культура, национальная литература, национальный театр и т. д.) существуют благодаря его функционированию.

Основой языковой политики Республики Дагестан является создание условий для гармоничного взаимодействия русского и дагестанских языков. Русский язык играет важную роль в укреплении государственности республики. Здесь накоплен положительный опыт подготовки специалистов по русскому языку, его преподавания в национальной аудитории. В условиях реального многоязычия русский язык наряду с другими языками Дагестана является государственным языком, языком межнационального общения, и сама жизнь диктует необходимость повышения его роли.

Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2005 г. была утверждена федеральная программа «Русский язык» на 2006–2010 гг., которая, как сказано в ее преамбуле, преследует цели «укрепления государственности, национальной безопасности и престижа Российской Федерации, ее полноправного вхождения в мировое политическое, экономическое и культурное пространство, развития интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств». В развитие федеральной программы правительством Дагестана разработана республиканская целевая программа «Русский язык (2007–2010 гг.)», закон об утверждении которой принят Народным собранием РД 26 апреля и подписан президентом Дагестана. Цель республиканской программы, как в ней заявлено, «создать условия для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения в Республике Дагестан». Стабилизирующая роль русского языка в многонациональном Дагестане очевидна: он воспринимается сегодня в качестве одного из эффективных средств обеспечения государственной целостности Республики Дагестан и Российской Федерации в целом.

Если сравнить уровень знания русского языка у дагестанцев с прошлыми годами, то он не только не упал, а наоборот, значительно возрос. Если 30–40 лет назад часть сельского населения республики (а Дагестан занимает одно из первых мест в стране по удельному весу сельского населения) почти не владела русским языком, то сегодня таковых трудно найти даже в самых отдаленных уголках республики. О возросшем уровне владения русским языком говорят сравнительные данные и двух последних переписей: 1989 г. и 2002 г. Например, процент лиц, владеющих русским языком, у аварцев вырос на 24 % (с 62 до 86 %), у даргинцев — на 20 % (с 68 до 88 %), у кумыков — на 16 % (с 74 до 90 %), у лезгин — на 22 % (с 68 до 90 %), у лакцев — на 20 % (с 74 до 94 %), у табасаранцев — на 28 % (с 59 до

87 %), у цахурцев — на 36 % (с 52 до 88 %), у агульцев — на 26 % (с 64 до 90 %).

Как известно, с начала 2000 г. в России и Дагестане складывается качественно новая общественно-политическая ситуация, характеризующаяся определенной стабильностью во всех сферах общественной жизни республики. Восстанавливается единство России, укрепляется государственная власть. Позитивные перемены происходят в экономике, социальной жизни. Однако решение многих вопросов требует современного подхода. В связи с этим следует отметить, что назрела необходимость принятия наконец-то новой, долго обсуждаемой «Концепции развития национальной политики в России» с учетом изменений, которые произошли в обществе, многообразия национальных потребностей и возможностей. Необходимо подчеркнуть, что при коренном изменении общественного строя национально-языковая ситуация в России по сравнению с периодом СССР не претерпела практически никаких изменений. Как и прежде, преобладающий этнос — русские, а единственный язык, способный обеспечивать потребность взаимопонимания в масштабах государства, — русский язык (нерусское население России составляло примерно 18,5 %) ⁶⁵. Если обратиться к Всероссийской переписи 2002 г., то из 2659 тыс. дагестанцев 88,2 % владеют русским языком.

Из всех вторых языков, которые известны в жизни народов Дагестана, наиболее распространенным и наиболее многофункциональным является русский язык. Начиная с середины 1930-х гг. русский язык в силу многих объективных факторов стал выполнять большинство из наиболее важных общественных функций и занимать доминирующее место в экономической, общественно-политической, научной и культурной жизни республики и ее народов. Русский язык, в отличие от всех других государственных языков, выполняет еще несколько важных функций — выступает в качестве рабочего языка учреждений, организаций и др. республиканского уровня, языка обучения в средних школах, средних специальных и высших учебных заведениях.

В настоящее время русский язык как учебный предмет изучают в начальных классах общеобразовательных школ, он является языком организованного обучения в старших классах национальных средних школ. В городских школах и сельской местности в школах со смешанным национальным составом учащихся русский язык является единственным языком обучения. Все профессионально-технические училища, высшие и средние специальные учебные заведения, а также находящиеся в городах детские дошкольные учреждения, интернаты, детские дома, спортивные школы и т. п. функ-

ционируют на русском языке. На русском языке функционируют также все республиканские государственные учреждения и общественные организации, а также промышленные предприятия, торговые организации и т. д.

Русский язык и русская культура всегда благотворно влияли на развитие культуры и языков народов Дагестана. С давних пор горцы старались овладеть русским языком; передовые дагестанцы понимали значение для них русского языка и русской культуры. Вряд ли надо объяснять, какое значение русская культура и русский язык играют в жизни, например, современного многонационального Дагестана. Народы республики не общаются друг с другом, не знакомятся с культурой другого народа на арабском или турецком языке. Русский язык в республике — это не только государственный язык, он стал также и бытовым языком.

Еще в конце XIX в. весьма активизировалась тяга горцев к русской культуре, русскому языку и литературе. Это способствовало становлению национальной культуры и литературы народов Северного Кавказа, а русские школы поистине стали источником знаний. Передовые представители горской интеллигенции явились активными поборниками усвоения горскими народами передовой русской культуры. Они понимали, что для достижения этой цели необходимо знание русского языка, изучение его как в школе, так и в обыденной жизни, в тесном общении с русским населением. Это общение и было ключом к взаимопониманию, установлению дружеских отношений. И это передавалось из поколения в поколение. Русский язык не только приобщал горцев к богатой русской культуре, но и раскрывал перед ними достижения мировой цивилизации, высокой морали и поистине человеческих отношений. Одновременно и русский язык многое почерпнул из языков горских народов, т. е. происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур русского и народов Северного Кавказа.

Высокий социальный статус русского языка, выступающего в этом регионе доминирующим компонентом двуязычия и средством межнациональной коммуникации, настоятельно диктует необходимость хорошего знания этого языка и всеобщее стремление к повышению культуры речи. Поэтому вопросы культуры русской речи представляют серьезную научно-теоретическую и практическую проблему, поскольку русский язык является не только национальным языком русского населения, но и государственным языком в РФ и языком межнационального общения народов России, для которых он стал вторым и даже родным языком.

Актуальность культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия объясняется тем,

что, во-первых, двуязычная личность осуществляет свою этносоциальную и лингвистическую идентичность в основном благодаря именно русскому языку. Во-вторых, ее актуальность обуславливается еще и следующими факторами: возрастанием значения русского языка в жизни населения республики; практической необходимостью в процессе функционирования массового национально-русского двуязычия; неразработанностью проблем современной языковой жизни населения Дагестана; важностью анализа языковой ситуации для дальнейшей разработки научных основ методики преподавания русского языка в национальных республиках.

Таким образом, проблема культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия многоаспектна, ее особая актуальность для дагестанского ареала функционирования русского языка определяется полинациональностью населения региона и обусловленной этим необходимостью использования для межнационального общения такого «культурного» языка, благодаря которому осуществляются важнейшие социальные функции, с которыми не могут справиться национальные языки дагестанцев-билингвов.

Известно, что русский язык в Республике Дагестан достаточно востребован в силу специфической языковой ситуации в регионе — ярко выраженном поли- и билингвизме. Вместе с тем нормы русского языка испытывают серьезное разрушительное воздействие со стороны большинства пользователей — субординативных билингвов. Расшатывание норм связано, в частности, с особым статусом языковой нормы в регионе, который коротко можно описать следующим образом: в связи с тем, что в Дагестане помимо многочисленных официально признанных языков есть еще множество диалектов, одноаульных языков и пр., норма в самих дагестанских языках достаточно вариативна, неустойчива, коммуникативные интенции и реализация их часто соответствуют принципу «и так понятно», и такое отношение к языковому канону экстраполируется на русский язык.

Принципиальной целью языковой политики, как известно, является обеспечение условий для функционирования языка как культурного фактора, способствующего общенациональной интеграции. Другими словами, языковая политика состоит в воздействии на языковую ситуацию, подталкивая ее развитие в предпочтительном направлении, где вектор реальных изменений приближает ситуацию к некоей идеальной картинке национального будущего. И от того, насколько верная языковая политика будет проводиться в этом регионе, будет зависеть не только судьба языков народов Дагестана с их самобытными культурами, но, возможно, и судьба самих народов — носителей языков и культур.

Поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация для создания реальных условий, способствующих самобытному развитию многочисленных языков, следует принять не противоречащий федеральному республиканский закон, а закон о языках республики, который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую специфику Дагестана. В таком законе должен быть четко определен статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему. Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. В этом законе должен быть приведен полный список всех языков, диалектов и говоров языков Дагестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «официальный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т. д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то еще долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие приобрести национальную окраску.

Одновременно с этим необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана. Однако прежде всего необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с широчайшим привлечением всех заинтересованных специалистов и провести представительную конференцию для научного решения всех возникающих вопросов на эту тему. Видимо, не случайно, закон «О языках народов Российской Федерации» содержит упоминание о проведении «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации».

Все вышесказанное позволяет предложить следующий проект программы «Развитие и функционирование языков народов Дагестана».

I. Функционирование языков народов Дагестана:

1. Обеспечение конституционного права языков народов Дагестана на их функционирование во всех учреждениях, предприятиях и организациях на территории Республики Дагестан.
2. Создание при правительстве Республики Дагестан постоянной государственной комиссии по языкам народов Дагестана с соответствующими полномочиями осуществления контроля над их функционированием.
3. Во всех учреждениях и предприятиях, расположенных в местах компактного прожи-

вания носителей языков народов Дагестана, создание благоприятных условий (финансовое и учебно-методическое обеспечение) для изучения родных языков.

4. Разработка образцов деловой документации на родном и русском языках.

II. Научное изучение языков народов Дагестана:

1. Создание и издание академических курсов языков народов Дагестана.
2. Создание и издание лингвистической энциклопедии «Языки народов Дагестана».
3. Создание и издание толковых, этимологических, орфографических, фразеологических, исторических, морфемных словарей, а также словарей синонимов, омонимов, антонимов; переводных, терминологических, ономастических, частотных, обратных словарей языков народов Дагестана.
4. Научное изучение речи носителей языков народов Дагестана, проживающих за пределами республики; организация соответствующих экспедиций.
5. Создание компьютерного фонда языков народов Дагестана.
6. Подготовка и издание памятников письменности на языках народов Дагестана.
7. Подготовка и издание академических изданий сочинений классиков дагестанской литературы; издание переводов классиков мировой литературы на языках народов Дагестана.
8. Научное изучение ономастики языков народов Дагестана; разработка научных принципов и практических рекомендаций для наименований и переименований географических объектов.
9. Подготовка и издание лингвистического атласа языков народов Дагестана.
10. Создание научно-популярной литературы (самоучителей, разговорников, занимательных грамматик) о языках народов Дагестана.
11. Организация регулярных симпозиумов и сессий дагестановедов с целью координации научной работы, дискуссии и обмена информацией.
12. Создание кафедр национальных языков на филологических факультетах вузов республики.
13. С целью углубления изучения и фундаментального исследования языков народов Дагестана укрепление и расширение научно-учебной и материально-технической базы на филологических факультетах вузов республики, Института ЯЛИ ДНЦ РАН, ДНИИ педагогики, ДИПКПК и педагогических колледжей республики.

III. Преподавание языков народов Дагестана:

1. Составление программ по развитию родной речи для различных возрастных групп детей в дошкольных учреждениях; подготовка соответствующей литературы и наглядных пособий. Подготовка и издание пособий по ускоренному обучению родной речи.
2. Разработка обновленных учебных программ, планов, научных методик, пособий, учебников и хрестоматий по родным языкам и литературам для школ, ДГУ, ДГПУ и средних специальных учебных заведений, готовящих кадры учителей родных языков и дошкольных работников.
3. Разработка планов поэтапного обучения родным языкам в 1–11-м классах средних школ (правописание и речь, фонетика, основы грамматики, основные вопросы стилистики и лексикологии).
4. Создание кабинетов родных языков и литератур во всех школах и их обеспечение научной и педагогической литературой.
5. Организация изучения родных языков и литератур во всех городских школах, вузах и других учебных и образовательных заведениях республики.
6. В районных центрах и крупных населенных пунктах открытие соответствующих филиалов ДГУ, ДГПУ или педагогических колледжей.
7. Проведение регулярных научно-методических конференций и сессий по вопросам преподавания родных языков и литератур.
8. Оказание систематической действенной помощи центрам, кружкам и группам, изучающим родной язык за пределами республики (снабжение соответствующей литературой, проведение выездных учебно-методических сессий и т. д.); максимальное комплектование их библиотек литературой по вопросам родного языка и литературы.

9. Подготовка и издание учебников родного языка и литературы для дагестанцев, проживающих за пределами республики (с учетом языка региона проживания).

IV. Пресса, радиовещание и телевидение:

1. Систематическое освещение в республиканской и районной прессе вопросов родного языка, литературы и культуры.
2. Введение в республиканской прессе специальной рубрики для освещения материалов по истории родных языков и их функционированию в современных условиях.
3. Создание редакций национального вещания на республиканском телевидении.
4. Введение радио- и телепередач под рубрикой «Родной язык».
5. Создание и увеличение каналов и объема радио- и телевещания на языках народов Дагестана; увеличение их мощности в целях обеспечения приема их передач всеми населенными пунктами.
6. Создание и расширение теле- и радиопередач для детей на родном языке; создание учебных фильмов для высших, средних и средних специальных учебных заведений.
7. Освоение выпуска аудио- и видеокассет на языках народов Дагестана.

V. Организационные мероприятия:

1. Создание республиканского фонда развития родных языков.
2. Создание центра координации фундаментальных исследований по дагестанской филологии.
3. Учреждение именных премий выдающихся дагестанцев за заслуги в области дагестановедения и именных стипендий для студентов и учащихся.
4. Создание координационного совета по реализации настоящей программы.

Магомедов А. Дж.

ТРАДИЦИОННОЕ ИСКУССТВО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ XX в.

Дагестан достаточно хорошо известен многоэтничностью структуры своего населения, его полиязычностью. Это регион с развитыми видами традиционного искусства, традиционной фольклорной культуры в целом, которая за последние 100 лет превратилась из дагестанского явления в феномен кавказской (это произошло в конце XIX — начале

XX в.) и российской культуры, что хорошо заметно сегодня. Достаточно зайти в любой, даже небольшой ювелирный магазин или магазин по продаже различных сувениров, чтобы убедиться в этом. Особенно ярко это заметно в Москве. Подарочная серебряная посуда с чернью, коллекционное и сувенирное оружие в оправе серебра и золота, украшения

с вставками из самоцветов и поделочных камней, концертные выступления фольклорных коллективов Дагестана — все эти проявления дагестанской традиционной культуры хорошо представлены на витринах и сценах России.

Дагестанская фольклорная культура традиционного типа включает в себя многие формы. Это и устно-поэтические, устно-прозаические жанры, с которыми традиционно принято ассоциировать понятие «фольклор». Это и разнообразные проявления народного (традиционного) искусства. На сегодня для большинства исследователей очевидной стала точка зрения, когда в понятие «традиционный фольклор» включаются не только устные, но и художественно-ремесленные, музыкальные, хореографические виды и жанры народного искусства. Это и мнение известного российского фольклориста В. М. Гацака. В одной из статей он пишет, что «главное свойство фольклора (любого по виду: словесного, словесно-музыкального, инструментального, хореографического, предметно-изобразительного, орнаментального и пр.) — память традиции»⁶⁶.

Во второй половине XIX в. и особенно в XX в. традиционное (народное) искусство оказалось в условиях интенсивного и нередко достаточно жесткого давления новой промышленной культуры. Характерные для этой культуры технологические революции значительно изменили сферу бытовой культуры населения, с которой всегда тесно связано и народное искусство. Развитие капитализма с его фабрично-заводской промышленностью уже в первой половине XIX в. стало серьезно подрывать всю художественно-ремесленную культуру стран Европы. Конкуренция дешевых промышленных товаров с изделиями ремесленников стала главной причиной этих процессов. На место размеренного труда мастера-ремесленника пришел фабричный труд рабочего.

В этих условиях общественность стран Европы, видные деятели культуры и науки стали поднимать тревогу по этому поводу. Выдающиеся англичане — историк искусства Джон Рескин (1819–1900) и художник Уильям Моррис (1834–1996) были в числе первых, кто поставил эту важную проблему. Такое понимание ситуации во второй половине XIX в. появилось и в России. Деятели ее земских учреждений попытались поставить изучение народных промыслов на научный уровень. В итоге в последние десятилетия XIX в. земские учреждения собрали и систематизировали немало материалов о различных ремеслах России. А в 1875 г. при Совете торговли и мануфактур Министерства финансов правительства России учреждается даже постоянная Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России.

С конца 80-х гг. XIX в. началась работа и по оказанию прямой помощи кустарной промышленности. При Министерстве государственных имуществ (впоследствии Министерство земледелия и государственных имуществ) создается Кустарный комитет, программа деятельности которого включала открытие и поддержание различных школ в центрах народного ремесла, организацию выставок изделий народных мастеров, создание оптовых складов ремесленных изделий в главных центрах производства такой продукции и др.

31 декабря 1899 г. Кустарный комитет создан и в Кавказском регионе. Он организован при уполномоченном министра земледелия в Тифлисе и состоял кроме члена-делопроизводителя из представителей «высших правительственных учреждений в крае и лиц, интересующихся вопросами кустарной промышленности»⁶⁷. Кустарный комитет за годы своего существования проделал значительную работу по оказанию разнообразной помощи народным мастерам, сбору материалов о ремесленных промыслах населения региона, подготовке и изданию альбомов, статей, сборников, посвященных народным промыслам Кавказа. Рисунками старинных ковров, собранных комитетом, пользовались и первые кустарно-промысловые союзы, художественные артели советских республик Кавказа.

С начала своей работы Кустарный комитет вел активную научно-исследовательскую работу, связанную с изучением ремесел кавказских народов. Для определения программы исследований и выявления реальных проблем подготовлен и проведен съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа. Он прошел в 1902 г. в Тифлисе. Материалы съезда были опубликованы в специальных «Трудах»⁶⁸. Среди статей сборника, подготовленных на основе докладов, есть и сообщения секретаря Дагестанского статистического комитета Е. И. Козубского «Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области», бакинского пробырера В. К. Згленицкого «Кустарное производство золотых и серебряных изделий в Бакинском р-не и Дагестане и предполагаемые меры для упорядочения и развития оногo».

Большую работу по изучению народных ремесел Кавказа, в т. ч. и Дагестана, проделал член-делопроизводитель комитета А. С. Пиралов. Если его первая книга «Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа» (1900) являлась в основном переложением известных материалов О. В. Маргграфа, то последующее ее переиздание (1913) содержало много новых сведений. Работы А. С. Пиралова, как и исследования Б. И. Козубского, В. К. Згленицкого, значительно обогатили научные знания об особенностях развития дагестанских художественных ремесел в конце XIX — начале XX в.

Кустарный комитет проводил и другие виды научно-поисковых работ. Так, в 1902 г. он обследовал красильное дело в ковровых промыслах ряда округов Дагестанской обл. Особое внимание его авторы уделили красильному делу в Кюринском и Самурском округах, где ковроткачество было больше всего развито. Специалисты комитета подробно описали технологию получения 14 оттенков красного цвета ковровой пряжи, 5 оттенков желтого, а также ряда оттенков зеленого, коричневого, синего цветов. На основании этих материалов было задумано издание особого труда о положении красильного дела у кустарей Восточного Кавказа. Одним из направлений работы Кавказского кустарного комитета стало и монографическое обследование художественных промыслов известных центров народного ковроткачества⁶⁹.

Советская эпоха кардинально изменила ситуацию в сфере традиционной культуры. Она ознаменовалась в первую очередь директивным вмешательством в сферу народного искусства и художественного ремесла со стороны государства. В итоге многие естественно развивающиеся и демократически организованные явления, характерные для традиционного искусства конца XIX — начала XX в., были деформированы. Произошла централизация и монополизация государством этой сферы как экономического явления. Народные мастера теперь могли работать только на полугосударственных артелях, позже, с начала 1960-х гг., на госкомбинатах и госфабриках, а народные певцы петь опять же только на сцене государственных клубов, домов культуры и т. д. Конечно, сохранялись и индивидуально-семейные формы народного искусства и художественных ремесел, но большого общественного значения они не имели.

Например, производство ремесленников рассматривалось властью как деятельность, связанная с личной собственностью. Но несмотря на это принимались меры по ограничению его масштабов и влияния. Уже в 1930-е гг. кустари, продававшие свою продукцию не через кооперацию, а по рыночным ценам, считались спекулянтами⁷⁰. Официальная пропаганда также пыталась убедить население в непрестижном характере труда частника и низком качестве его продукции. Поэтому слова «кустарь», «частник», «ремесленник» приобрели в общественном сознании пренебрежительный оттенок. С частниками власть активно боролась и другими мерами. После сплошной коллективизации деревни была поставлена задача оградить социалистическую экономику от их активности. Так, в 1948 г. принято специальное постановление правительства ДАССР «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности»⁷¹.

Хрущевские преобразования также не принесли облегчения ремесленникам-кустарям, работавшим на негосударственных предприятиях. Более того, введено большое число запретов на индивидуально-частные ремесленные и иные промыслы граждан. Дело доходило до абсурда. В сфере такого производства, например, запрещалось даже изготовление и реализация прищепок для белья. Волевыми решениями Н. С. Хрущева ликвидирована и промысловая кооперация. Художественные артели народных мастеров преобразованы в госпредприятия.

В 1965 г. началась работа по исправлению перегибов. 4 августа 1965 г. Совет министров РСФСР, а вскоре и правительство Дагестана принимают новое постановление «О промыслах кустарей и ремесленников». Теперь, например, ковровщица уже могла (с получением регистрационного удостоверения в налоговых органах) ткать ковры для продажи, но... только используя пряжу заказчика (но не свою!). При этом регистрационные удостоверения могли выдаваться лишь тем, кто жил и работал в населенных пунктах, не относящихся к городам республиканского подчинения и райцентрам. По мысли авторов постановления, в городах и райцентрах существовала достаточная для удовлетворения потребностей населения государственная сеть предприятий по производству подобной продукции. Конкуренция же между госпредприятиями и частником категорически исключалась. А чтобы у населения не возникло иллюзий о полной отмене пунктов ранних постановлений, специальным разделом там же перечислялись запрещенные промыслы, на которые сохранялись запреты. В их числе оставался и промысел по изготовлению ковров из собственного материала кустаря⁷². Непродуманность, экономическая нецелесообразность и даже абсурдность таких мер были очевидны.

Советские общественные науки, в свою очередь, в эти годы выдвинули тезис о том, что уже в годы второй пятилетки (1933–1937) в стране «процесс кооперирования кустарей был завершен», что промысловая кооперация для кустарей стала «наиболее простым и доступным путем к социализму»⁷³. На практике такие выводы означали, что в экономике страны должно быть сужено место кустарного производства.

С середины 1970-х гг. начинается потепление позиции государства по отношению к мелкому производству, особенно в сфере народных художественных промыслов. Рост общественного внимания к традиционной художественной культуре, потребности развития рынка товаров, экспорта, преодоления различных дефицитов способствовали отмене многих запретов и ограничений на индивидуальные (частные) художественные промыслы. Постановление правительства СССР

«О кустарно-ремесленных промыслах граждан», принятое в 1976 г., уже не содержало многих жестких запретов по отношению к промыслам народных мастеров, других мелких производителей товарной продукции. В то же время постановление сохраняло запреты на промыслы по обработке таких материалов, как медь и драгметаллы⁷⁴. Работа дагестанских мастеров-ювелиров, работающих индивидуально, продолжала оставаться запрещенным промыслом.

Значительным оказалось идеологическое влияние на традиционное искусство. Под влиянием общей атмосферы, а то и прямых указаний, рекомендаций партийных органов появляются новый фольклор, новые песни о партии, ее вождях, широкое распространение получают «оптимистическая» музыка маршевого типа, новые узоры с изобразительными элементами в виде государственных гербов, портретов вождей, символов стахановского труда, достижений народного хозяйства. Так традиционное искусство адаптировалось к новым советским временам. В то же время в полулегальных условиях сохранялись очаги ряда видов традиционных художественных промыслов, бытуют традиционные элементы в музыкальной, хореографической культуре свадеб, различных народных зрелищах.

В советское время многое из традиционного, кустарного искусства безапелляционно отвергалось как ненужное для нового общества. В то же время государство проводило политику поддержки отдельных очагов традиционного искусства. Так, были организованы артели народных мастеров, государственные комбинаты, фабрики художественных промыслов, развивалась клубная самодеятельность, создавались дома народного творчества, в рамках которых десятки тысяч народных мастеров и мастериц, музыкантов, танцоров были трудоустроены и заняты тем, чем занимались их отцы и деды. Однако частная, индивидуальная инициатива в этом деле жестко пресекалась. В этих условиях многие мастера перестали учить детей, переключились на другие, более безопасные, ремесла. Потому не было случайным, что многие традиционные ремесла заглохли. Страх попасть под статью Уголовного кодекса о запрещенных промыслах, отсутствие рынков сырья, инструмента, материалов, возможности зарабатывать, кормить семьи за счет реализации своих талантов надолго сковал инициативу творцов народной художественной культуры.

Советская эпоха по времени совпала и с процессами интенсивной урбанизации страны, в т. ч. Дагестанского региона, сопровождавшейся ломкой многих составляющих традиционной культуры. Но советская урбанизация в отличие от аналогичных процессов начала XX в. была особым

явлением. Городские слои нового времени (вплоть до 1960-х гг.) мало интересовались народным искусством. Их отличало скромное материальное положение, соответственно, ограниченные потребности и возможности, а также повышенный акцент на идеологической стороне быта.

Перестройка, переход России в 1990-е гг. на демократические основы власти и рыночные механизмы экономики привели к восстановлению многих утраченных традиций народной культуры, развитию частной инициативы в сфере традиционного искусства, появлению в нем новых направлений, формированию традиций малого предпринимательства в этой сфере. Был восстановлен демократический механизм адаптации, приспособления традиционного искусства к меняющимся реалиям жизни, механизм естественного формирования его новаций.

Современную культуру Дагестана трудно представить без значительного пласта традиционной художественной культуры, оставшейся от прошлого и востребованного сегодня. Изучение традиций этой культуры важно не только в научно-теоретическом аспекте, но и в плане оценки их потенциала для решения таких практических задач, как развитие экономики, экспорта товаров, как патриотическое, эстетическое, трудовое воспитание, организация досуга населения. В условиях многонациональной России и существующего многообразия культур важно их осмысление и как особых символов, знаков национальной культуры, наследия и образа такого региона, как Дагестан.

Дагестанское традиционное искусство в XX в. пережило эпоху становления новых видов и направлений, обновления и эволюции жанров этого искусства. Исследование этих процессов с учетом новых подходов только начинается. В последние годы вышли монографии о творчестве видных деятелей искусства, стремящихся в своем творчестве опереться на традиционное художественное наследие, исследования об особенностях развития художественных промыслов Дагестана⁷⁵.

В рамках выполнения проекта «Дагестанский традиционный фольклор в контексте социальных процессов XX века» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН в Институте ЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН издано 8 работ, в которых в том или ином контексте рассматриваются выше обозначенные проблемы⁷⁶.

Сохранение традиций народного искусства в современном обществе обществоведами выдвигается как важная задача. «Наше время дает, — пишет академик Г. Г. Гамзатов, — основание говорить о глобальном, планетарном характере возрастания интереса к фольклорным истокам эстетического сознания и художественной практики»⁷⁷. Причины

такого общественного интереса кроются во многих факторах. Это и небывалый рост национального самосознания, и защитная реакция общества на тенденции глобализации культуры, нивелировки национального своеобразия культур в условиях постиндустриального общества. Уместны здесь и слова президента Дагестана, сказанные им в своем выступлении на заседании Госсовета РФ 26 декабря 2006 г. По его словам, «посильная поддержка языков и традиционных культур всех дагестанских народов, больших и малых», рассматривается властью как основа и для «сохранения стабильности»⁷⁸.

Общеизвестно, что последнее десятилетие XX в. отмечено бурными событиями во всех сферах общественной жизни. Болезненная ломка размеренного застойного времени, обвал экономики, массовое обеднение широких слоев населения, а затем медленные темпы обустройства жизни на новых началах — все это осталось позади. В то же время перемены в сфере культуры в эти годы не столь заметны и не столь драматичны, как в политике и экономике. Развитие культуры, в особенности искусства, чаще ориентировано на перспективу. Оно не дает сиюминутных выгод для жизни населения. Поэтому и интерес к ее проблемам специфичен и более характерен для интеллектуальной части общества. Культура для основной части населения — это то, что находится рядом, но в то же время не видно.

Преобразования в области народного искусства и традиционных художественных промыслов и ремесел начались еще с середины 1980-х гг. В 1986 г. принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности, давший перспективу развитию многих традиционных художественных промыслов и ремесел. Тогда же за счет расширения так называемого регионального компонента стали обновляться образовательные программы. Сегодня дети значительно больше знают об истории, культуре и художественных традициях наших народов. В школах введен обязательный предмет «Культура и традиции народов Дагестана». Среди новаций времени — активное разрушение государственных монополий не только в экономике, но и во многих сферах культуры. Появление частных форм, художественно-творческой, образовательной деятельности, возникновение новых коллективов искусства, расширение вариативности программ художественного образования, репертуара творческих коллективов, уменьшение идеологического давления власти на процессы в сфере искусства позволило обогатить дагестанское традиционное искусство, способствовало ее более масштабному выходу на арену российского масштаба.

Сегодня традиционное искусство Дагестана бытует в нескольких формах. Это наследие тради-

ционного искусства, сохраняющееся в музейных и иных формах. Оно постоянно пополняется за счет выявления все новых произведений народных мастеров прошлого. Главное же, оно оказывается востребованным в его первоначальных проявлениях. Это организованные в различные предприятия (государственные, частные) народные художественные промыслы, ориентированные на рынок. Это сценический фольклор, организованный под руководством специалистов различных домов народного творчества и частных спонсоров. Это и самостоятельно развивающиеся формы неорганизованной сферы народной художественной культуры (художественное ремесло, хореографические, песенные элементы свадебных и семейных торжеств). Это и формы профессионального искусства, активно использующие наследие народного искусства как источник для творчества (здесь и творчество художников по моделированию сценической и современной модной одежды, и работа художников профессионального декоративно-прикладного, хореографического искусства, и творчество композиторов, актеров театра и эстрады).

Как было уже отмечено выше, централизация и монополизация советским государством чуть ли не всех сфер общественной деятельности, в т. ч. и искусства, значительно ограничили развитие творческих процессов, сковали поиски народных мастеров, певцов. Сегодня все это в прошлом. Вместе с тем, говоря о современной культуре, нельзя не сказать о постиндустриальном этапе развития российского общества, который несет с собой много положительного в виде информированности общества, многообразия и доступности благ, комфорта быта и др. Только улучшение комфортности быта стало значительным звеном прогресса человеческой культуры в XX в., хотя одновременно оно же стало причиной утраты многих ценностей народного искусства.

Поэтому когда сегодня мы говорим о возможных рисках утери ценностей традиционного искусства Дагестана, потерь его ярких составляющих, то прежде всего надо иметь в виду, что эти риски часто исходят из новейших «революций» индустриального развития общества, глобализации его социокультурного контекста. Социально-культурные явления новейшего времени — это последствия во многом объективных процессов, идущих не только в России, но и в мире. Другое дело, что часто в том же Дагестане наблюдается отставание в формировании альтернативных, более близких к духовности и ментальности традиционного искусства культурных явлений современного типа. Без этого звена часто невозможно продлить жизнь гуманистических начал традиционной культуры и искусства.

Другая опасность кроется в том, что для развития традиционного искусства очень важно поведение элиты общества. Известно, что в процессах формирования новых потребностей и ценностных ориентиров всегда большую роль играла и играет сегодня элита общества. «Усвоенное элитой новшество, — пишет известный этнограф С. А. Арутюнов, — подчас почти автоматически приобретает (для нижестоящих социальных слоев) престижное значение»⁷⁹. Известно также, что такое искусство в его высоких формах всегда затратно, оно требует финансовой подпитки и поддержки в виде заказов, покупок таких ценностей, благого отношения к творцам и их труду.

К сожалению, последние 20 лет новой эпохи показали, что дагестанская элита часто озабочена не этими проблемами. Поэтому обращает внимание то, что ее волнует не традиционная культура, а иные культурные веяния. Неоготика в жилье, эстетика «блеска» — вот элементы новой культуры, заимствуемой ею и потом всеми. Так было и в начале XX в., такое происходит и сейчас, в начале XXI в. Только советская власть полагала, что новации в культуре можно сформировать через бедняцкие прослойки общества. Отсюда и весь драматизм преобразований культуры в 1920–1930-е гг.

В последние годы представители бизнес-элиты республики более активно выступают с различными инициативами в этой области. Так, 10–12 июля 2008 г. в с. Хайхи Кулинского р-на Республики Дагестан состоялась выставка художников Дагестана. В прошлые годы там же был организован праздник лакской песни. Идея таких праздников была предложена еще в 2004 г. известным дагестанским композитором Ш. Р. Чалаевым и московским бизнесменом дагестанского происхождения Омари Каллаевым и получила название «Шунудаг»⁸⁰.

Риски связаны и с позицией власти и органов управления. В свое время советская власть, излишне монополизировав эту сферу, пыталась безуспешно взять всю ответственность за его развитие на себя. Механизмом финансовых дотаций оно поддерживало ряд нерентабельных производств народных художественных промыслов, развивало госзаказами те или иные виды народного искусства.

Сегодня другая ситуация. Тем не менее существуют десятки форм помощи и господдержки традиционного искусства. Дагестанская власть в целом сознает такую ответственность и стоящие в этом направлении задачи. Об этом говорят факты поддержки достаточно дорогостоящих проектов по проведению различных всероссийских и международных конкурсов. Так, новым и устойчивым явлением общественной и культурной практики в республике становится проведение различных

фольклорных праздников общедагестанского и зонального масштаба.

Третий Международный фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы» (25–29 июля 2008 г.) приобрел характер международного праздника. В последние годы он традиционно приурочивается к Дню (26 июля) принятия Конституции Республики Дагестан. Решение о проведении такого фестиваля с регулярностью праздника в каждые два года было учреждено постановлением правительства Дагестана еще в мае 2004 г.

Среди подобных акций и праздники фольклорной песни и искусства. 19–20 июля в с. Ахты состоялся фольклорный фестиваль, собравший представителей всех южных районов Дагестана. Он был посвящен историческому эпосу Шарвели. Первый такой праздник состоялся в 1984 г. Стоит отметить и научную конференцию «Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа», прошедшую в Махачкале в 2006 г. (рис. 7, 8).

С такими формами поддержки мы связываем и прошедшую в Махачкале 1–8 июля первую с международным участием Всероссийскую выставку-продажу «Золото России-2008». Она была активно поддержана правительственными организациями Дагестана. Выставка проводилась в республике впервые. На ней были широко представлены традиционные художественные промыслы Дагестана.

В каждом из таких праздников важнейшим стержнем акции становились исторические образы, явления традиционной фольклорной культуры, народных промыслов Дагестана⁸¹.

Известно, что огромная область культуры дагестанских народов зародилась под влиянием художественных традиций Востока (художественное ремесло, фольклор и др.). В прошедшее тысячелетие они превратились в важные элементы, образующие многие составляющие фундамента современной дагестанской культуры. В дагестанской культуре значителен и пласт культуры, сформировавшейся под влиянием европеизированных российских культурных традиций. С ними связаны многочисленные «революции» в быту дагестанцев, в формах их культурного досуга, в процессах формирования новаций традиционного искусства и др.

Последние десятилетия привносит в дагестанскую культуру новые элементы, связанные с резким ростом возможностей доступа и распространения информации, с ростом разнообразия форм досуга, набора потребительских товаров, услуг и т. д. Все более заметными становятся и тенденции к универсализации (в сравнении с другими народами, странами) культуры дагестанского общества. Сегодня практически трудно говорить о сохранении в Дагестане локально замкнутых очагов традиционной культуры в чистом виде. Почти везде

(и в горах, и на равнине) видят, надевают, едят одно и то же, развлекаются одинаково. Тенденции к универсализации можно наблюдать в жилищном строительстве, интерьерах жилья, пище. Даже кладбищенские территории и в горах, и на равнине сегодня выглядят одинаково — почти везде пестрая смесь традиционных и европейских типов памятников.

Интересно, что универсализации подвергается даже такой консервативный праздник, как традиционная свадьба. Европейская фата невесты и пышные застолья теснят традиционный свадебный наряд не только в сельских районах равнины, но и в горах. Таким образом, современная дагестанская культура представляет собой оригинальный сплав как древней, исламской (шире восточной) и европеизированной (преимущественно российской) культуры XIX–XX вв. На нее наслаивается культура новейшей постиндустриальной эпохи, не знающей ни этнических, ни государственных границ.

Сторонники самобытности дагестанской культуры часто легко обращаются с такими категориями, как «особый», «уникальный», нередко выдавая желаемое за действительное, приписывая исторической реальности необычные свойства. Но, с другой стороны, есть и определенная почва для таких рассуждений, т. к. чисто этнические или этноокрашенные пласты занимают еще важное место в дагестанской культуре. Здесь и музыкальный фольклор, и материальные реалии быта (одежда, пища, утварь, художественные промыслы и др.), и ряд черт поведенческой психологии и др. Все это живые остатки «седой старины», которые хорошо заметны здесь. И надо признать, что «лицо дагестанской национальности» пока просматривается достаточно хорошо.

Традиционная культура в виде элементов одежды, кухни, особенностей акцентов языков, манер общения и др. широко используется сегодня в сценической художественной культуре, эстраде, в повседневной практике. Она во многом формирует современный образ Дагестана, определяет его важные культурные особенности. Одно время на эстраде республики была заметна нездоровая привычка превращать отдельные знаки национальной этнокультуры (звуковые особенности дагестанских языков, своеобразия говоров, акцентов дагестанцев, выучившихся русскому языку в позднем возрасте и т. д.) в объект осмеяния, карикатурной, злой иронии, сарказма. Сегодня это уже неактуально. Многие эстрадные певцы, выросшие в городских семьях и плохо владеющие родным языком, теперь не стесняются петь на этом языке со сцены. Или другой пример. Интерес к ношению традиционной папахи, сочетающийся с устойчивым нежеланием их хозяев не снимать его в помещениях, сегодня сменился бо-

лее спокойным отношением к этому атрибуту традиционного костюма.

Многие процессы, идущие в современной культуре, связаны с молодежной культурой и шоу-бизнесом европеизированного типа. Независимо от наших желаний в условиях открытости общества в перспективе будет доминировать эта культура, имеющая мало общего с традиционной дагестанской культурой. Так было во многих странах. Теле-, аудио-, видеопродукция, мода, сотовая связь, интернет превратились в мощный культурообразующий фактор современности.

В сохранении традиционных искусств важное место принадлежит государству, которое может в условиях того же Дагестана воздействовать на эти процессы через избирательную финансовую помощь. С этой практикой надо сочетать широкую пропаганду гуманистического содержания традиционной культуры и искусства. В этих целях в республике можно учредить специальные дни — праздники традиционной культуры. Есть необходимость учреждения и специального фонда дагестанской народной культуры и искусства.

Важной частью выработки научной политики в этой области является изучение накопленного опыта других стран. Широко известен опыт развития традиционных ремесел в Индии, Китае, Юго-Восточной Азии, оригинальный опыт развития народной зрелищной культуры в странах Латинской Америки, Европы и т. д. Хорошо известно, что многие восточные народы в условиях постиндустриального общества сохраняют элементы своей традиционной культуры. И это несмотря на то что современная демократизация быта основана на принципах комфортности и удобства, отбрасывающие многие традиции прошлого. Нам же в этой области часто и терять нечего. В этих условиях в главных составляющих, определяющих самобытность дагестанской культуры, остается все меньше традиционных элементов. Добиваться их сохранения — одна из актуальных задач общества.

Хочется обратить внимание еще на одну важную для дагестанской традиционной культуры и искусства тему. Речь о сосуществовании светских и исламских традиций и представлений. В дагестанском обществе в 1990-е гг. возникло определенное противостояние между светскими началами в искусстве и религиозным пониманием того, что такое искусство и каковы его общественные функции. Такое положение во многом сохраняется и сегодня. В исламе нет четко разработанной концепции эстетического. Более того, известны высказывания столпов ислама о чуждом для ислама характере таких явлений искусства, как скульптура и всякое изображение, дающее тень, музыкальное искусство, многие виды современного искусства. Отношение

ислама к народной культуре также общеизвестно. Ислам отрицал и отрицает ее, если она связана с не-исламскими по духу представлениями и взглядами людей. В то же время (история Дагестана дает тому немало примеров) ислам не мог выкорчевать наследие народной культуры и искусства и доисламские традиции в обществе продолжали жить. Более того, фиксируется удивительное разнообразие сочетаний исламских и доисламских культов, обрядов, праздников во многих явлениях культур народов Дагестана. Пользуясь этим, последователи ислама пытаются отрицать многие ценности традиционного искусства.

Многие молодые служители исламских культов в Дагестане, плохо или вовсе не знающие историю его культуры, пытаются выдать ислам за единственную форму исторического наследия культур народов Дагестана. Отсюда и все народное музыкальное искусство (танцы, песни и др.), а также профессиональные формы искусства XX в. объявляются как недагестанские, как явления, чуждые нашей культуре. При этом все прикрывается лозунгами борьбы против глобализации культуры, противодействия западной, американизированной культуре.

Так, под влиянием ислама сегодня в Дагестане исчезла традиция яркой декоративности надмогильных памятников. Исламские догматики не смогли побороть народные традиции художественной резьбы на таких камнях, но их влияние проявляется в том, что мастера-резчики, как бывало раньше, не закрашивают узор разноцветными красками (такая традиция сформировалась еще в конце XIX в.). А в ряде сел, где сильны позиции деятелей ислама такого типа, исчезла традиция устанавливать на могилах художественно украшенные памятники, хотя в прошлом в этих местностях такая традиция была широко развита.

В ряде сел Дагестана в последние десятилетия уже не играют свадеб с музыкой и песнями. Да и в городах растет процент свадеб, играемых без музыки (свадьбы-мавлиды), составляя где-то примерно 5 % от всех играемых свадеб. Свадьбы-мавлиды часто превращаются в пропагандистские шоу по критике светских традиций. На них звучат речи о том, что свадьба-мавлид — единственно народный для дагестанцев свадебный обряд.

Известно и то, что в практике работы современных национальных театров есть немало случаев, когда, как и в далекие 1930-е гг., их коллективы не пускают на гастроли в те или иные села по религиозным мотивам. В ряде высокогорных районов Дагестана была запрещена деятельность сельских клубов (как известно, клубы во многих местах занимались организацией художественной самодеятельности села), а их помещения переданы мечетям и медресе⁸².

Очевидно, что надо бороться с крайними, бездуховными формами западной культуры и искусства. Но дагестанское общество в целом несогласно и с деятелями ислама, его рядовыми сторонниками, которые проповедают нетерпимость к инакомыслию, к светским традициям художественной культуры.

Динамизм событий XX в., социальные и технологические трансформации этого времени привели к формированию своеобразных механизмов приспособления и адаптации традиционного фольклора к новому. Эти механизмы значительно различались в конце XIX — начале XX в., в советский период истории и постсоветское время.

Советская политика монополизации сферы экономики и культуры, прессинга одной идеологии привела к свертыванию (угасанию) многих традиций художественного ремесла, вокальной и музыкальной культуры, формированию новаций особого вида в традиционной фольклорной культуре. В то же время под протекцией власти были созданы полугосударственные и государственные формы (артели, комбинаты, дома культуры и др.) развития традиционной художественной культуры, отработаны механизмы их адаптации и приспособления к новой идеологии и ее задачам.

Большой динамикой развития и новыми чертами адаптации отличается время постсоветской истории. Восстановление частного производства, предпринимательства и торговли, появление плюрализма и поликультурности в идеологии и образовании способствовали бурному развитию художественных ремесел, становлению новых вокально-хореографических фольклорных коллективов, различных форм меценатства и иных негосударственных форм поддержки традиционной культуры. Особое место продолжали занимать государственные формы поддержки такой культуры.

Сегодня традиционная фольклорная художественная культура Дагестана бытует в следующих формах:

- 1) музейное наследие, которое не просто лежит на витринах, а активно востребовано обществом; в последние годы оно активно пополняется за счет новых закупок и возвращения ценностей, некогда вывезенных из Дагестана;
- 2) традиционные художественные промыслы и ремесла (рис. 9), многие из которых (ювелирное дело) превратились в экономическое и культурное явление российского масштаба;
- 3) сценический фольклор вокально-хореографических форм;

- 4) народная неинституализированная художественная культура (традиционные элементы свадебных (рис. 10), семейных и других торжеств, ремесел, ориентированных на выполнение работ по заказам, и др.);
- 5) профессиональные формы культуры, активно осваивающие традиционное историко-культурное художественное наследие (моделирование одежды, профессиональные танцевальные коллективы, эстрада).

Современные реалии и идущая глобализация социокультурных процессов выдвигают как важную научную проблему оценку условий и перспектив сохранения традиционных форм фольклорной культуры. Традиционная фольклорная культура Дагестана может быть сохранена для будущих поколений, если удастся решить ряд задач:

- 1) найти в условиях глобализации для этой культуры свою рыночную и социокультурную нишу;
- 2) привлечь интерес новой элиты к национальной культуре и традиционному искусству и задачам ее сохранения;
- 3) противостоять влиянию исламской идеологии, особенно ее фундаменталистского направления, на развитие традиционной худо-

жественной культуры, светской культуры Дагестана вообще;

- 4) добиться всемерной поддержки традиционной художественной культуры со стороны государства.

Особую актуальность приобретает решение первой задачи. Здесь возможны следующие перспективы:

- 1) развитие ремесел с использованием новейших технологий художественной обработки материалов (точное литье, использование искусственных самоцветов в ювелирном деле и др.);
- 2) развитие ремесленных производств, досуговых услуг, ориентированных на выпуск небольших партий изделий или на определенные группы населения, обслуживающих ограниченные по масштабам рынки товаров и услуг;
- 3) развитие сувенирных направлений производства народных ремесел;
- 4) специальная поддержка труда выдающихся мастеров художественного ремесла, деятелей, работающих в других сферах народной художественной культуры;
- 5) обслуживание потребностей локальных форм народной бытовой культуры, сохраняющихся и сегодня в своей первоначальной форме.

Крючкова Т. Б.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВ РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ НАУКИ

Способность к адаптации любой системы к изменяющимся условиям является необходимой предпосылкой ее успешного функционирования. Однако если речь идет о крупных социальных системах, таких, например, как государство, то возникает проблема соотношения уровня адаптации с национальными интересами страны, ибо в какой-то момент они могут прийти в противоречие.

Рассмотрим указанную проблему на примере функционирования местных и иностранных языков в нашей стране (по материалам исследований, проводившихся в рамках проекта «Функционирование русского и английского языков в России: конкуренция или дополнительная дистрибуция?»).

Казалось бы, эта сфера в отличие, например, от экономической, политической, военной не имеет первостепенного значения для жизни государства. Тем не менее, поскольку язык является основой национального самосознания, важнейшей духовной ценностью в жизни этносов и цементирующим

звеном полиэтнических образований, она является очень важной значимой.

Языковая ситуация на нашей планете, по крайней мере в той ее части, которую принято называть цивилизованной, начиная со второй половины XX в., характеризуется постоянным усилением роли английского языка, что обусловлено в первую очередь глобализацией современного мира. В результате он, безусловно, стал в настоящее время мировым языком № 1, получив распространение далеко за пределами тех стран, где он является основным коммуникативным средством. Надо сказать, что до недавнего времени проблема взаимоотношения местных и иностранных языков являлась актуальной, прежде всего для постколониальных стран. Однако в последние десятилетия в связи с указанным обстоятельством она стала небезынтересной для многих государств, имеющих многовековую историю самостоятельного развития.

Языковая ситуация в любом административно-территориальном образовании определяется совокупностью функционирующих там идиомов в их взаимоотношении и взаимодействии. Одним из важных признаков языковой ситуации является характер доминирующего в государственном масштабе idioma — местный или импортированный.

Но в этой связи возникает вопрос, что такое «доминирующий идиом»? Под «доминирующими» могут подразумеваться идиомы как минимум трех типов: 1) демографически доминирующий, т. е. идиом, на котором говорит большинство населения административно-территориального образования; 2) функционально доминирующий, т. е. употребляющийся в большинстве сфер общения; 3) аксиологически доминирующий, т. е. обладающий наибольшим социальным престижем.

При этом один и тот же идиом может не одинаково оцениваться по разным параметрам. Например, демографически доминирующий идиом может использоваться только в бытовом внутрисемейном общении, традиционной хозяйственной деятельности и фольклоре, т. е. быть функционально достаточно ограниченным, а функционально доминирующим может оказаться совсем другой идиом, которым пользуется менее значительная часть населения. Такое положение дел, судя по данным Л. Б. Никольского, существовало в Парагвае, где разговорным языком для 95 % населения был гуарани, который из других сфер общения лишь очень ограниченно присутствовал в художественной литературе, массовой коммуникации и школьном обучении. А средством официального и письменного общения служил испанский язык, которым владело лишь 52 % населения⁸³.

Проблема оценочных доминант языковой ситуации до сих пор практически не обсуждалась в социолингвистической литературе, однако здравый смысл подсказывает, что чем меньше языков функционирует в конкретной сфере, тем более престижной она является. Это соображение подтверждается и реалиями языковой жизни. Так, государства, чьи языки относятся к числу мировых, весьма болезненно реагируют на ослабление их позиций в сфере международного общения под давлением английского языка и предпринимают значительные усилия для того, чтобы сохранить, а лучше — расширить их функционирование в этой сфере. Например, представителями этих стран была проведена большая работа, в результате которой удалось добиться, чтобы «Радио ООН» вещало на всех шести официальных языках этой организации, и журнал «Хроника ООН» также выходил на всех этих языках⁸⁴.

Страны, языки которых по уровню своего развития не уступают языкам международного обще-

ния, стремятся, чтобы их языки выполняли и эту функцию. Так, немецкий язык, как известно, не является официальным языком ООН, ФРГ воспринимает эту ситуацию как дискриминационную и добивается включения немецкого языка в их число. Несколько менее развитые языки, как правило, на сферу международного общения не претендуют, но стремятся по крайней мере выполнять функции языков межэтнического (межнационального) общения, занять устойчивые позиции в сфере административно-управленческой деятельности, а также проникнуть в сферы естественных и технических наук, равно как и в соответствующие отрасли высшего и среднего образования.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее престижными, т. е. аксиологически доминирующими, в настоящее время являются следующие сферы: 1) международного общения; 2) административно-управленческая; 3) естественных и технических наук; 4) высшего естественнонаучного и технического образования; 5) среднего естественнонаучного и технического образования; 6) межнационального общения. Причем уровень их престижности убывает именно в этой последовательности, хотя, казалось бы, логичным поставить сферу межнационального (межэтнического) общения сразу после сферы международного общения. Однако анализ языковых ситуаций в различных регионах показывает, что зачастую функцию языка межэтнического общения выполняет язык, который не используется ни в сфере естественных и технических наук, ни в соответствующих сферах образования, например аварский язык в Дагестане.

Надо сказать, что аксиологические доминанты языковой ситуации в некоторых случаях весьма негативно влияют на языковую политику, провоцируя стремление внедрить тот или иной язык именно в самые престижные сферы, хотя не они являются наиболее важными для витальности языка.

Для современного этапа общественного развития, идущего в условиях глобализации, с одной стороны, и роста национального самосознания многих народов мира, с другой, характерен процесс изменения функциональной нагрузки значительного числа языков. Как уже отмечалось, глобализация влечет за собой усиление позиций английского языка в сфере международного общения. То же самое происходит в сферах естественных и технических наук и соответствующих отраслях образования. От этого страдают даже те языки, которые занимали в этих сферах традиционно устойчивые позиции, например немецкий⁸⁵. Наряду с этим процесс роста национального самосознания приводит к развитию противоположных тенденций и настроений. Властные элиты всячески стараются внедрить языки своих этносов в сферы административно-

управленческой деятельности, естественных и технических наук и образования, превратить их в языки межэтнического общения. Большой интерес представляют ситуации, когда эти разнонаправленные процессы сталкиваются. Чаще всего это происходит в сфере науки и образования.

Интенсивное проникновение английского языка в Россию началось несколько позже, чем в другие неанглоязычные страны. Обусловлено это политической ситуацией в мире, существовавшей до середины 1980-х гг. Центральное место в ней занимали две противоборствующие системы, в одной из которых доминировала Америка и английский язык, а в другой — СССР и соответственно русский язык. Ослабление и развал Советского Союза привели и к изменению языковой ситуации в мире, усилив позиции английского языка в Восточной Европе. Затронул этот процесс и Россию.

Следует сказать, что российское общество еще не оценило позитивные и негативные стороны этого явления и не выработало какой-либо осмысленной языковой политики в данной сфере. Отсутствует и научная база для ее создания. Особенности функционирования английского языка в России и специфика его взаимодействия с местными языками почти не изучены. Наиболее очевидным результатом экспансии английского языка является сокращение объема и интенсивности функционирования в РФ других иностранных языков, традиционно присутствовавших на ее территории, прежде всего немецкого и французского⁸⁶. Однако для разработки адекватной и сбалансированной языковой политики особенно важное значение имеет изучение функционального взаимодействия английского языка с языками народов России.

Предметом нашего исследования является взаимоотношение русского языка, являющегося демографически наиболее мощным и функционально наиболее развитым языком на территории РФ, татарского языка, который по своей функциональной мощности занимает в стране второе место, английского и некоторых других функционирующих в России иностранных языков.

Русский язык — это старописьменный развитый полифункциональный язык, обслуживающий практически все сферы жизнедеятельности его носителей, вплоть до естественных и технических наук. В нем хорошо разработаны терминологические системы всех отраслей науки и техники, развиты разнообразные функциональные стили. Русский язык является основным языком, обслуживающим все без исключения сферы российской науки. Хотя после распада СССР количество ученых, активно использующих русский язык в своей профессиональной деятельности, сократилось, русский язык стал значительно реже выполнять

функцию средства международного научного общения, тем не менее его позиции как языка науки и сейчас очень устойчивы.

По данным Российского статистического ежегодника, в 2002 г. в России работали 2630 научных учреждений; кроме того, научные исследования проводились в 390 высших учебных заведениях страны, а также в 257 конструкторских бюро и некоторых других организациях⁸⁷. По данным этого же ежегодника, в 2002 г. в РФ естественными и техническими науками занимались 363 436 чел. Все они, безусловно, использовали в профессиональном общении русский язык. Демографическую базу русского языка в этой сфере пополняют также многочисленные аспиранты и докторанты.

В 2003 г. на русском языке было опубликовано 77 171 наименование научных книг и брошюр общим тиражом 672 696,6 тыс. экз. В том же году в стране выходило 274 русскоязычных журнала по математическим и естественным наукам общим годовым тиражом 1336 тыс. экз.⁸. Английский язык присутствовал в этой сфере гораздо более ограниченно. Наиболее широко он используется в российской научной периодике. Практически все просмотренные нами научные журналы как по естественным и техническим, так и по гуманитарным наукам содержали какую-либо информацию на английском языке — резюме статей, оглавления или по меньшей мере название журнала и состав редколлегии. Исключение составили лишь журналы, параллельно выходящие на русском и английском языках, о которых будет сказано несколько позже. Многие журналы, прежде всего естественнонаучные и технические, печатают статьи иностранных авторов на английском языке, причем далеко не всегда эти авторы англоязычны по происхождению. Иногда по-английски публикуются и российские ученые, однако это не носит массового характера. Чаще всего такие статьи встречаются в подборках, посвященных юбилею какого-либо выдающегося деятеля науки, в которых участвуют и российские, и зарубежные исследователи.

В научной книжной продукции английский язык фигурирует реже. Часть естественнонаучной и технической литературы выходит без английских резюме или аннотаций. Гораздо чаще они встречаются в гуманитарных изданиях, в которых также обычно приводится английский вариант оглавления.

Обычно на двух языках, русском и английском, выходят доклады или тезисы докладов российских ученых, принимающих участие в крупных международных научных конференциях, проходящих за рубежом. На различных научных конференциях и симпозиумах, проводимых в России, рабочими языками обычно бывают русский и английский. Соот-

ветственно, на обоих языках готовятся программы, рабочие материалы и т. п. В ходе дискуссий, обсуждений докладов и разного рода незапланированных выступлений часто приходится прибегать к услугам переводчиков, поскольку количество активных билингвов в аудитории, как правило, невелико. Но, с другой стороны, мы неоднократно были свидетелями ситуации, когда двое российских ученых дискутировали друг с другом по-английски, чтобы быть лучше понятыми зарубежными коллегами, мало заботясь при этом, поймут ли их соотечественники.

Английский язык интенсивно используется в разного рода справочных и реферативных изданиях. Издания, содержащие информацию о российских публикациях, дублируют на английском языке названия разделов, заголовки книг и статей, именные указатели, оглавления, видимо, рассчитывая, что ими сможет пользоваться не только российский, но и зарубежный читатель. Часть изданий, напротив, ориентируется на российских исследователей, владеющих английским языком. Так, например, реферативный журнал по физике, издаваемый Всероссийским институтом научной и технической информации (ВИНИТИ), большинство аннотаций работ зарубежных ученых дает на английском языке (по всей вероятности, это просто перепечатки аннотаций книг и статей, приводимых в оригинальных изданиях). Поскольку журнал выходит довольно большим тиражом, можно предположить, что он оказывается востребованным специалистами, и такой способ подачи информации не вызывает у них возражений.

Широко распространен английский язык и в интернете. Причем российские ученые не только используют англоязычные сайты интернета для получения сведений по специальности, но и вводят собственную информацию. Многие институты Российской академии наук имеют в интернете свои сайты, в которых дается параллельная информация на английском и русском языках. Аналогичные персональные сайты имеют и многие ученые, некоторые же вообще предпочитают давать информацию только на английском языке.

В последние годы на базе российской науки сформировалась целая отрасль, функционирующая исключительно на английском языке. В 1991 г. издательство «Наука» совместно с американской издательской фирмой создало Международную академическую издательскую компанию «Наука/Интерпериодика». Эта компания готовит английские версии 88 академических журналов по самым различным отраслям естественных и технических наук. Эти журналы являются полными аналогами русских изданий, которые переводятся опытными специалистами в России и редактируются американцами. Журналы распространяются главным

образом в Америке и некоторых развитых странах. В России издается также несколько международных научных журналов параллельно на русском и английском языках.

В настоящее время академическое издательство выпускает 5–6 книг на английском языке в год. Чаще всего это работы известных российских ученых по математике, физике, биологии и другим естественным наукам, которым удалось получить какие-либо гранты на издание своих трудов.

Факт издания в России журналов и книг на английском языке вряд ли можно рассматривать как свидетельство функционирования английского языка в нашей стране как языка науки. С таким же успехом все эти книги и журналы могли бы переводиться и издаваться на английском языке за рубежом. Видимо, в России это просто дешевле стоит. Но тем не менее эта деятельность оказывает косвенное влияние на распространение английского языка в данной сфере: некоторые авторы предпочитают переводить свои статьи сами или проверять адекватность переводов, формируется слой квалифицированных издательских работников, способных готовить к печати научную литературу на английском языке.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что в настоящее время объемы функционирования русского и английского языков в сфере российской науки несопоставимы. Здесь, безусловно, доминирует русский язык. Основная функция английского языка в данной сфере — служить языком-посредником между российской наукой и остальным научным миром. Однако большой интерес представляет вопрос, как будет развиваться языковая ситуация дальше. Этот процесс, как известно, происходит под влиянием разнообразных объективных и субъективных факторов. Напомним еще раз, что в РФ в настоящее время отсутствует целенаправленная и последовательно проводимая языковая политика в отношении английского языка, поэтому чрезвычайно важно выяснить, как функционирует язык в различных языковых (речевых) коллективах и общностях, какое место он занимает в их социально-коммуникативных системах (СКС). Дело в том, что именно стихийная модификация этих систем может оказаться решающим фактором в ходе развития языковой ситуации в России.

Под языковым коллективом в научной литературе принято понимать совокупность социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих определенное единство языковых признаков, а под речевым коллективом — коллектив, отличающийся от других не инвентарем языковых единиц, а их употреблением в речи⁸⁹. Любой языковой и речевой коллектив характеризуется наличием единой

социально-коммуникативной системы, которая определяется как совокупность языковых систем и подсистем, используемых таким коллективом⁹⁰.

Объектом нашего исследования явилась СКС научных сотрудников одного из физических институтов РАН. Согласно приведенной выше дефиниции они составляют языковой коллектив, поскольку, с одной стороны, работая в одном институте, находятся в определенном социальном взаимодействии, с другой — характеризуются прежде всего таким языковым признаком, как владение языком для специальных целей (языком физики) и соответствующим профессиональным жаргоном.

Однако в центре внимания находилась не эта характеристика, а вопрос о том, в какой мере данный коллектив пользуется английским языком в своей профессиональной деятельности. Для того чтобы ответить на этот вопрос, проведено анкетирование ученых. Анкета состояла из четырех блоков вопросов. Первый касался социально-демографических характеристик респондентов, второй — их владения и употребления английского языка, третий — их знания и употребления других иностранных языков, четвертый — отношения респондентов к широкому распространению английского языка как языка науки.

Все респонденты были мужского пола, возраст колебался от 22 до 61 года, все имели высшее образование (физики и математики), 42 % имели степень доктора наук и 42 % — степень кандидата наук. Распределение по возрастным группам выглядит следующим образом: 21–30 лет — 25 %, 31–40 лет — 8 %, 41–50 лет — 42 %, 51–60 лет — 17 %, старше 60 лет — 8 %, что в целом пропорционально отражает возрастной состав сотрудников института.

Все респонденты ответили, что знают английский язык. Им было предложено оценить свои знания английского языка по шкале: хорошо/посредственно/плохо/совсем не владею по следующим позициям: 1) чтение англоязычной литературы по специальности; 2) перевод научного текста или письма к коллеге с русского языка на английский; 3) разговор на профессиональные темы на английском языке; 4) понимание устной английской речи на профессиональные темы.

33 % респондентов оценили свои знания по всем четырем позициям как хорошие. Они в равной степени распределены по всем возрастным группам, кроме группы 31–40 лет, в которой таковых не оказалось. Половина их имеет степень доктора и половина — кандидата наук. 50 % респондентов оценили свои знания по первым двум позициям как хорошие, а по двум вторым — как посредственные. В этой группе также не прослеживается четко выраженных корреляций между возрастом, уровнем образования и степенью владения языком. И, на-

конец, 16 % респондентов оценили свои знания по первым трем позициям как хорошие и по четвертой позиции — как посредственные.

Все без исключения респонденты хотели бы улучшить свои знания английского языка.

Также все информанты ответили, что используют английский язык для чтения специальной литературы, общения с иностранными коллегами, работы в интернете. 16 % респондентов указали, что пользуются английским языком для перевода (написания) своих статей.

42 % респондентов не знают никаких иностранных языков, кроме английского, и не считают необходимым их учить, поскольку они не нужны для профессиональной деятельности. 42 % знает другие иностранные языки (60 % — немецкий, 20 % — французский, 20 % — другие). Все они знают эти языки хуже, чем английский. 60 % хотели бы улучшить свои знания. 16 % хотели бы выучить немецкий язык, хотя половина из них считает, что для профессиональной деятельности он не нужен.

В последнем блоке вопросов респондентам предлагались следующие варианты ответа на вопрос: как вы оцениваете широкое распространение английского как языка науки в современном мире? (можно указать несколько ответов):

- 1) хорошо, что появился единый язык — посредник для ученых всего мира;
- 2) широкое распространение английского языка ставит в более выгодные условия ученых-англофонов;
- 3) английский язык вытеснит из сферы науки другие языки даже внутри стран, в которых они традиционно использовались в этой сфере, например немецкий в Германии, что делает эти языки менее престижными;
- 4) постепенно российским ученым даже в России придется перейти в научной деятельности на английский язык, что: а) хорошо, б) плохо;
- 5) в ближайшие десятилетия русскому языку как языку науки в России английский язык не угрожает;
- 6) оптимальным вариантом для современного ученого в России является русско-английское двуязычие;
- 7) российскому ученому для успешной профессиональной деятельности достаточно русского языка;
- 8) когда-нибудь и английский язык будет вытеснен из сферы науки другим языком, например(назвать);
- 9) другое.

Все респонденты отметили в своих ответах пункт (1), т. е. положительно оценили тот факт, что в настоящее время английский язык выполняет функ-

цию лингва франка в сфере мировой науки. 33 % посчитали, что такое положение дел дает определенные преимущества ученым-англофонам — пункт (2). 42 % опрошенных полагают, что постепенно российским ученым придется осуществлять свою деятельность на английском языке даже внутри страны, т. е. английский язык вытеснит русский из этой сферы общения, причем только 8 % из них считают, что это плохо — пункт (4). 58 % придерживаются мнения, что в ближайшие десятилетия английский язык не вытеснит русский из сферы науки — пункт (5), но здесь следует отметить, что 28 % из них одновременно отметили в своих ответах пункт (4), причем с положительной оценкой, т. е. их ответы вступают в определенное противоречие друг с другом. 75 % респондентов в качестве оптимального варианта для своей научной деятельности рассматривают владение русским и английским языками — пункт (6). 8 % опрошенных считают доминирование английского языка в сфере науки временным и предсказывают, что его место может занять китайский язык — пункт (8).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что английский язык, бесспорно, является компонентом СКС обследованного языкового коллектива. Характерно, что ни один из респондентов не считает, что может успешно заниматься своей профессиональной деятельностью, владея только русским языком. Показательно также отсутствие явно выраженных корреляций между языковой компетенцией, оценками существующей ситуации и демографическими, а также социальными (уровень профессиональной квалификации) параметрами респондентов, что свидетельствует об устойчивом и стабильном месте английского языка в рассматриваемой системе.

Настораживает, однако, тот факт, что большинство, считающее позиции русского языка как языка науки в России незыблемыми, является не очень значительным (58 %). Это заставляет задуматься о том, что приведенные выше данные о подавляющем доминировании русского языка в сфере науки не дают повода для самоуспокоения. Процессы, достаточно интенсивно идущие в настоящее время в СКС различных языковых коллективов и общностей, могут постепенно нарушить существующий баланс между русским языком, обслуживающим все сферы внутреннего потребления, и английским, позволяющим осуществлять контакты с внешним миром.

Аналогичное исследование было проведено нами в Республике Татарстан, где языковая ситуация дополняется татарским языком. Этот язык в силу своих функциональных характеристик и высокого уровня структурного развития в условиях языковой политики, проводимой в республике, по логике вещей имеет шансы на проникновение и в те доста-

точно немногочисленные, но социально наиболее престижные сферы, где он раньше не функционировал, в частности в сферу естественных и технических наук. Интересно проследить, как этот процесс сочетается с распространением английского языка, и отразится ли все это на позициях русского языка в республике. С этой целью в Казани проведено социолингвистическое исследование, аналогичное тому, которое осуществилось в Москве. Естественно, анкеты были модифицированы с учетом дополнительного компонента языковой ситуации.

Анализ полученных результатов показал, что и у ученых, и у преподавателей, и у студентов, представляющих естественные науки, в профессиональной деятельности, безусловно, доминирует русский язык. Вторую позицию занимает английский, знание которого все без исключения информанты хотели бы улучшить. Характерно, что информанты, которые не знают татарского языка, не испытывают потребности в его изучении.

Большинство информантов указали, что английский язык необходим им для общения с зарубежными коллегами или публикации своих работ за рубежом. Результаты анкетирования достаточно явно демонстрируют обратно пропорциональную зависимость между возрастом и уровнем владения английским языком.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в настоящее время английский язык не составляет значимой конкуренции русскому языку в сферах науки и образования Татарстана. В сфере естественных наук он, скорее, влияет на позиции татарского языка, оттесняя его со второго на третье место в социально-коммуникативных системах рассматриваемых языковых коллективов.

В заключение необходимо отметить, что поскольку сфера естественных и технических наук является одной из самых престижных в иерархии социальных сфер, обслуживаемых языком, общество должно проявлять повышенное внимание к происходящим в ней языковым процессам. Вполне понятное стремление ученых сделать свои исследования достоянием мировой науки, что наиболее легко осуществить при помощи английского языка, не должно приходиться в противоречие с интересами страны, которые состоят, в частности, и в том, чтобы сохранить присутствие государственного языка в данной сфере. Очевидно, что речь идет не о каких-то запретительных мерах. Вряд ли уместны здесь и патриотические призывы. Вполне понятно, что эта проблема тесно связана с укреплением позиций России и, соответственно, русского языка в современном мире.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Статья подготовлена в рамках проекта «Динамика фольклорной традиции в бесписьменных и младописьменных обществах: лингвистический и социокультурный аспекты» по направлению «Культурная и языковая динамика в исторической ретроспективе. § 5. Устойчивость и изменчивость традиционного фольклора» (руководитель проекта — В. Я. Порхомовский).

В ней рассматриваются некоторые аспекты соотношения традиционной культуры и языка в условиях перехода от бесписьменного общества к обществу, в котором постепенно складываются письменные традиции. В этой ситуации формируется письменная норма и происходит письменная фиксация корпуса текстов, представляющих традиционную культуру, с одной стороны, а также создается новый корпус текстов, изначально принадлежащих письменной социокультурной парадигме — с другой.

Прежде чем приступить непосредственно к теме данной статьи, необходимо сделать одно предварительное замечание. Сам термин «письменность» (или «письмо») мы понимаем как такую графическую знаковую систему фиксации и передачи информации, в которой хотя бы частично представлены знаки, непосредственно отражающие фонетику конкретного языка и, следовательно, требующие знания этого языка для понимания письменного текста. Графические знаковые системы, состоящие исключительно из идеографических (иконических) знаков, не являются письмом в указанном выше смысле слова и не предполагают однозначной фонетической интерпретации соответствующих текстов в рамках фонетической системы определенного языка⁹¹.

Идея передавать информацию с помощью рисунков, которые затем упрощаются до вполне абстрактных знаков, частично или полностью теряющих связь с первоначальным рисунком, является вполне тривиальной. Напротив, фиксацию звуков речи с помощью графических знаков, видимо, следует оценивать как одно из величайших (если не самое великое) культурных достижений человечества.

В качестве весьма условной аналогии приведем практическое освоение огня как параллель пиктографии и идеографии, в сравнении с изобретением колеса, что по значимости можно условно сопоставить с изобретением фонетических письменных знаков. В этих последних случаях отсутствуют естественные прототипы, и, следовательно, для их

создания потребовалось высшее проявление «креативности». Огонь и идеографические (пиктографические, иконические) знаки имеют вполне очевидные источники: огонь — это отнюдь не редкое явление в природе, следы зверей и человека и иные естественные отпечатки выступают как прототип пиктографии. Напротив, никаких аналогов колеса, насколько известно, в природе не существует; имеется в виду круглый предмет, надетый на ось, а не использование положенных на землю круглых предметов, например бревен, для перетаскивания по ним тяжелых грузов. Следует отметить, что первое появление колеса фиксируется с середины 4-го тысячелетия до н. э. в Месопотамии, а фонетическое письмо было изобретено там же, но несколько позже, в конце этого тысячелетия (см. об этом ниже). Очевидно, что подобное совпадение отнюдь не случайно.

Сказанное выше означает, что количество абсолютно самостоятельных изобретений фонетического письма, т. е. при полном отсутствии информации о том, что феномен письма и чтения вообще существует, минимально в истории человечества. Безусловно, здесь наличествует обширное поле для дискуссий о том, в какой степени самостоятельными являются те или иные письменности, достаточно архаические, но более поздние по сравнению с самыми древними из известных людям систем письма, а также о том, представлены ли фонетические знаки в некоторых графических системах или они являются чисто идеографическими. Подробное обсуждение этих вопросов далеко выходит за рамки настоящей статьи⁹². Достаточно отметить, что наиболее древние графические системы с существенным фонетическим компонентом, т. е. древнейшие из известных в настоящее время систем письма, сложились на рубеже 4–3-го тысячелетий до н. э. в Месопотамии и долине Нила.

В принципе возможны три варианта решения вопроса о первичности одной из этих двух систем — шумерской или древнеегипетской: 1) обе системы возникли независимо друг от друга; 2) первичной является одна из систем, оказавшая влияние на формирование второй: а) шумерская, б) египетская.

Первый вариант, т. е. независимое формирование обеих письменных традиций, представляется наименее вероятным. Из двух оставшихся более вероятным является шумерский вариант, хотя многие авторы, преимущественно египтологи,

предпочитают считать древнейшей египетскую систему.

В любом случае все остальные письменные традиции, известные в настоящее время, возникли в ситуациях, когда сама идея графической фиксации звуковой стороны речи уже была реализована. В одних случаях появление новых письменных традиций явилось результатом прямого заимствования, например аккадское и эблаитское клинописное письмо; в других — форма знаков и принципы устройства письма вырабатывались самостоятельно, но новая письменность складывалась в рамках общего исторического контекста, в котором письмо уже являлось существенным компонентом культурной парадигмы, например возникновение угаритского или финикийского письма.

Все известные письменные традиции, как более поздние по сравнению с шумерским и древнеегипетским письмом, могли складываться под их воздействием, хотя бы косвенным и весьма опосредованным. Здесь важен сам факт осведомленности о том, что подобный феномен возможен и действительно существует. В некоторых случаях предположения о внешнем воздействии представляются весьма маловероятными, хотя полностью их исключить невозможно. Набор этих случаев достаточно хорошо известен, и нет необходимости приводить здесь весь список. Наиболее важной в историческом и социокультурном отношении является ситуация с возникновением китайской письменности, где имеющиеся данные указывают на отсутствие внешних факторов в процессе ее становления, однако значительно более позднее время появления китайской письменности по сравнению с шумерским и египетским письмом, а также некоторыми другими, более поздними системами письма, не позволяет полностью исключить внешнее воздействие.

Подобные вопросы остаются и по поводу некоторых других графических систем. В отдельных случаях имеется спорная проблема наличия или отсутствия в отдельных графических системах фонетических знаков. Однако возможное решение этих вопросов в пользу полной самостоятельности отдельных графических систем или против подобного предположения не имеет существенного значения в контексте нашей проблематики, поскольку существование этих систем письма было весьма ограниченным во времени и пространстве, и эти системы не имели продолжения в рамках иных этноязыковых сообществ, что, собственно, и послужило причиной возникновения указанных выше проблем, а также означает, что любое решение данного вопроса не сможет серьезным образом изменить общую перспективу. Так, даже если удастся доказать наличие фонетических знаков, например, на знаменитых табличках ронго-ронго с о. Пасхи, это

останется лишь частным загадочным эпизодом в общей картине глобального распространения письменности и последовавших за этим кардинальных социальных и культурных перемен.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в абсолютно подавляющем числе случаев письменные традиции во все эпохи возникали при участии внешних факторов. В этом плане ситуации с возникновением письма и формированием письменной нормы в бесписьменных обществах нового и новейшего времени в принципе мало чем отличаются от общих тенденций, сложившихся в предшествующие эпохи. Некоторые специфические особенности обусловлены здесь воздействием процессов, которые принято объединять под общим названием глобализации. Прежде всего речь идет о глобальном развитии средств массовой информации и коммуникации, особенно электронных, и об их влиянии на процессы перехода к письменности в бесписьменных обществах.

Глубина разрыва между бесписьменными социумами (или, иначе, обществами с преобладанием устных традиций) и социумами с устоявшейся письменностью настолько велика, что едва ли адекватно осознается в современном мире, где наличие письма воспринимается как само собой разумеющееся. Как некоторую параллель известной бинарной оппозиции К. Леви-Строса *“Le cru et le cuit”* здесь можно предложить вариант *“L’oral et l’écrit”*. Это справедливо не только для достаточно редких в настоящее время ситуаций, когда члены каких-либо этноязыковых сообществ вообще не подозревают о феномене письма, но и для вполне обычных случаев, когда носители бесписьменного языка не только прекрасно осведомлены о существовании письменности, но и владеют грамотой на другом письменном языке. Тем не менее сама идея переноса феномена письма на свой язык наталкивается на серьезные психологические преграды.

Приведем пример из опыта полевых этнолингвистических исследований на о. Сокотра (Республика Йемен) в 2000 г. В. В. Наумкина и автора этих строк. Сокотрийский язык никогда не имел и не имеет в настоящее время собственной письменной традиции. Для точной транскрипции и интерпретации текстов, записанных на магнитофон во время поездок по внутренним горным районам острова, необходимо участие носителя языка, который может медленно и отчетливо воспроизводить магнитофонную запись. В этой роли часто выступал школьный учитель, переехавший в Хадибо (столица Сокотры) из того горного района, где производились записи. Чтение и письмо (естественно, на арабском языке, являющемся основным письменным средством коммуникации на Сокотре) не просто знакомо ему, но входит в сферу его профессиональных обязан-

ностей. Тем не менее он проявил высшую меру изумления, когда обнаружил, что можно прочесть (по транскрипции) заведомо незнакомый текст на его родном языке.

Становление письменной традиции и формирование литературной нормы в бесписьменных обществах, особенно в новое и новейшее время, как правило, происходят в ситуациях интенсивного внешнего воздействия. Прежде всего это проявляется в заимствовании графической системы, что влечет за собой значительный объем лексических заимствований и калек из языка, чья система письма была использована для графизации бесписьменного языка, причем этот процесс происходит под воздействием комплекса разнообразных внешних факторов — политических, религиозных, культурных, экономических, которые могут иметь как гомогенное, так и гетерогенное происхождение.

Переход от устного способа хранения и передачи словесной информации к письменному означает кардинальное изменение базовых социальных и культурных параметров в результате взаимодействия внешних и автохтонных культурных парадигм. В условиях воздействия гетерогенных внешних факторов развитие языковой нормы в младописьменном языке, а также складывание письменных жанров словесного творчества в обществе с преобладанием устных традиций происходят в контексте взаимодействия и (или) столкновения различных внешних культурно-исторических парадигм, причем полем этого контакта оказывается культура воспринимающего социума, т. е. автохтонная парадигма. (Отметим, что попытки создания в новую и новейшую эпохи оригинальных систем письма, как, например, для языков бамум, ваи, менде в Западной Африке, что могло бы способствовать сохранению соответствующих социокультурных архетипов, не имели сколько-нибудь значимых практических последствий и представляют интерес лишь для специалистов по истории и теории письма.)

Итак, можно выделить следующие основные варианты формирования письменной традиции:

- 1) первичное изобретение письма;
- 2) заимствование письма;
- 3) изобретение оригинальной системы письма в условиях прямого или косвенного внешнего влияния.

Возможны также ситуации, когда в социуме с уже существующей письменностью возникает новая письменная традиция. Здесь можно выделить еще два варианта:

- 4) заимствование новой системы письма, которая вытесняет уже имеющуюся в данном социуме или функционирует параллельно с ней.

- 5) изобретение оригинальной системы письма при наличии уже существующей письменной традиции.

Первый тип по нашей классификации, т. е. первичное изобретение письма, выходит далеко за пределы хронологических рамок данного проекта. Различие между вторым и третьим типами имеет скорее количественный, чем качественный характер, поскольку довольно трудно оценивать степень новизны. Здесь могут играть роль различные параметры: 1) тип письменности — словесно-слоговая, слоговая, консонантная (как особый вариант слоговой), алфавитная; 2) внешняя форма знаков; 3) добавление новых знаков и различных графических элементов для более точного воспроизведения на письме фонетики языка, для которого предназначена новая письменность.

Необходимо отметить еще один существенный аспект. Важно различать ситуации, где заимствованная письменная традиция отвечает уже сложившимся внутренним потребностям соответствующего бесписьменного общества, и ситуации, в которых потребность в письме приходит извне вместе с самим письмом. В первом случае можно говорить о «творческом» характере заимствования. Наиболее очевидным примером является заимствование греками финикийского письма, когда не только были добавлены новые знаки, но изменился и сам тип письма — на место слогового финикийского пришло первое в истории алфавитное письмо, но при этом в основном сохранились форма знаков, их семитские названия и даже последовательность при перечислении (алфавитный порядок). Во втором случае импортированная письменность длительное время может восприниматься как чуждая автохтонной культуре и функционировать преимущественно лишь в контексте той социокультурной парадигмы, которая и явилась источником заимствованного письма. Именно в подобных ситуациях возникает потребность в изобретении собственной оригинальной системы письма (пятый тип по нашей классификации), чему имеется целый ряд примеров в тропической Африке.

Проблема соотношения устной и письменной сфер в речевой деятельности включает целый ряд аспектов. Когда в качестве объекта анализа выступают младописьменные языки, то, как правило, одним из центральных оказывается вопрос о роли устной традиции в процессе становления письменной нормы. Прежде всего следует отметить, что сама оппозиция «устное — письменное» отнюдь не является совершенно однозначной. Так, наряду с собственно устными текстами, т. е. текстами, процесс порождения и функционирования которых происходит исключительно в устной сфере коммуникации, следует выделять тексты, созданные

в рамках письменной сферы, но предназначенные для восприятия на слух. В англоязычной литературе в этой связи даже используется игра слов *oral ~ aural*, как, например, в заголовке сборника статей “Mesopotamian epic literature. Oral or aural?”⁹³.

Естественно, что язык письменных текстов, ориентированных исключительно на устное восприятие, может обладать чертами, характерными как для устной, так и для письменной речи. Аналогичная ситуация взаимного наложения этих двух сфер в рамках одного текста может иметь место и в случае написания этих текстов под диктовку. Здесь происходит обратный процесс: текст создается устно, но предназначается для функционирования в рамках письменной сферы. В этом последнем случае заметное смещение особенностей устного и письменного вариантов языка может отсутствовать, чему особенно способствует наличие жесткой, устоявшейся нормы устного варианта литературного языка. Однако в обществах, где устная сфера коммуникации сохраняет преобладающую роль, а письменная литературная норма находится на ранних стадиях формирования, подобные ситуации возникновения смешанных «устно-письменных» вариантов оказываются весьма распространенными.

В этом плане несомненный типологический интерес представляет ситуация с языком хауса, где представлены три типа формирования письма по нашей классификации, а именно второй, четвертый и пятый. Поскольку первый тип по определению не может быть здесь представлен, ситуация хауса отличается исключительным типологическим разнообразием.

Язык хауса относится к числу наиболее крупных и важных в социолингвистическом отношении языков тропической Африки. Он обладает одной из наиболее развитых и богатых письменных традиций среди младописьменных языков Африки южнее Сахары. В принципе следует говорить о двух письменных традициях хауса — арабографической и на основе латинской графики. (О третьей системе письма хауса см. ниже, в конце статьи.) Однако в данном случае отсутствует резкое противопоставление обеих традиций, как, например, в ситуации с хинди и урду. Здесь на языковой основе хиндустанни сложились две письменно-литературные нормы, ориентированные соответственно на письменность деванагари, индуизм и санскрит, с одной стороны, и на арабскую графику, ислам, арабский и персидский языки, с другой. Это привело к возникновению двух самостоятельных литературных языков в рамках единой языковой структуры.

В случае хауса письменная традиция изначально сложилась на базе арабской графики, так называемый аджами. Этим термином арабы обозначали «плохие» местные варианты арабского языка,

а также тексты в арабской графике на других языках, прежде всего на персидском. Арабы Андалусии обозначали так испанский язык. В Западной Африке термин «аджами» закрепился за текстами на местных африканских языках в арабской графике. Процесс становления традиции аджами в землях хауса приходится преимущественно на XIX в., охватывая также вторую половину XVIII и начало XX в., но первые тексты хауса на аджами появились еще в XVII в. Судя по данным средневековых хроник, проникновение ислама в земли хауса началось в XIII в. В течение длительного времени единственным средством письменного общения в странах хауса являлся арабский язык. Лишь постепенно наряду с арабским в качестве письменного языка стал использоваться и хауса, естественно в арабской графике.

Как уже отмечалось выше, возникновение и распространение письменной традиции в обществе с абсолютным доминированием устного способа языковой коммуникации означает фундаментальный сдвиг в социокультурной парадигме. Причем есть все основания предполагать, что наиболее радикальные перемены связаны не столько с первичным появлением импортированной письменной традиции в бесписьменном обществе, сколько с приспособлением этой импортированной письменности для автохтонных бесписьменных языков⁹⁴.

В этой связи возникает интересный вопрос о роли европейского фактора в процессе становления письменной традиции аджами. Разумеется, традиция аджами возникла и сформировалась у хауса в контексте арабо-мусульманской культуры. Как правило, авторы наряду с хауса пользовались и арабским языком. Однако в процессе создания первоначального корпуса текстов аджами следует учитывать то обстоятельство, что во многих случаях эти тексты сочинялись или записывались (если речь шла о фиксации памятников устной традиции) по заказу европейских исследователей и коллекционеров — Дж. Ричардсона, Ф. Эдгара, А. Мишлиха и др. Так, один из крупнейших писателей и мусульманских ученых хауса Альхаджи Умару (1858–1934) писал по заказу немецкого африканиста и крупного колониального чиновника А. Мишлиха⁹⁵.

При этом следует иметь в виду, что установка профессионального носителя соответствующей устной традиции, часто имеющего почтенный социальный статус и достигшего высоких степеней традиционной учености, может сильно отличаться от задач, которые ставят перед собой современные исследователи. Если во втором случае мы имеем дело (или по крайней мере вправе ожидать этого) с письменными текстами, точно отражающими все особенности устного оригинала, то в первом случае ситуация оказывается гораздо более сложной. Если

при этом в качестве наиболее престижного (или единственного) в рамках данного общества средства письменной коммуникации используется внешний по отношению к данной устной традиции язык, то ситуация еще более усложняется. Здесь весьма вероятно первоначальная запись устных текстов на этом языке с последующим обратным переводом на язык оригинала. Очевидно, что в данном случае происходит сложное многоуровневое взаимодействие устного и письменного вариантов⁹⁶.

Так, наиболее крупный исторический и культурный памятник хауса «Хроника Кано» написан на арабском языке. Однако ее автор по всей вероятности либо сам был хауса, либо хорошо знал этот язык, о чем свидетельствуют содержащиеся в тексте многочисленные кирари (этикетные формулы хауса), а также термины хаусанского происхождения. По свидетельству Х. Р. Палмера, опубликовавшего английский перевод этого памятника, арабский язык хроники близок скорее к разговорному, чем к классическому, что также указывает на то, что первоначально хроника существовала в устной форме, а запись ее была осуществлена позднее. В своем предисловии к переводу «Хроники Кано» Палмер пишет: «Оригинал хроники, возможно, был написан каким-либо уроженцем Севера, который обосновался в Кано и собрал передававшиеся устно рассказы о правителях былых времен»⁹⁷.

С установлением британского колониального режима в Северной Нигерии возникает и письменная традиция хауса на латинской основе. Эта традиция получила в языке хауса название *boko* — «латиница; светское европейское образование» (из англ. *book* «книга»). При этом следует подчеркнуть, что это английское заимствование полностью фонетически совпадает с хаусанским словом, имеющим значение «подделка, фальшивка, обман», в т. ч. и по суперсегментным характеристикам. Это, безусловно, свидетельствует об отрицательном отношении к европейскому культурному влиянию со стороны традиционной мусульманской элиты хауса. Едва ли здесь следует говорить о прямом заимствовании термина *boko* из английского. Скорее это пример действия аналогии, известной как народная этимология, причем роль «народа» сыграли мусульманские ученые и писатели, негативно относившиеся к деятельности христианских миссионеров, прикладывавших значительные усилия для разработки и распространения латиницы в Западном и Центральном Судане.

Это отношение хорошо видно на примере поэмы, написанной в 1965 г. хаусанским поэтом Алийу Хусайни в рамках предвыборной политической кампании в Северной Нигерии. Поэма посвящена одному из крупнейших политических лидеров Се-

верной Нигерии Ахмаду Белло и возглавлявшейся им политической партии⁹⁸. Автор воспевает родословную Ахмаду Белло и его всевозможные достоинства, важное место среди которых занимает непримиримое отношение к *boko*:

*Sardauna ya ce gadararku boko
In mun ga dama mu d'auke shi soko
Domin fa mu ba mu salla da boko
Can Lahira ba a aiki da boko
Allah ka taimaki mai gaskiya.*

*Mun d'auki boko kamar dai sana'a
Tun fil azal ba mu mugun d'abi'a
Muna da karatu muna da sana'a
Kiwo da noma muna da sana'a
Farkon sana'ar gidan duniya.*

Перевод:

*Сардауна сказал, что ваша латиница —
Это предательство.
Мы должны относиться к ней как к глупости,
Ведь мы не используем латиницу в нашей вере
И на Небесах нет латиницы.
Да поможет Аллах тем, кто на стороне правды.*

*Мы относимся к европейской учености
как к одному из ремесел.
Никогда мы не принимали плохих обычаев,
У нас есть образование и ремесла,
Пастби скот и обрабатывать землю —
таковы наши дела.
Это самые лучшие занятия во всем мире.*

Сардауна — традиционный титул Ахмаду Белло. В приведенном тексте слово *boko* встречается несколько раз, причем как в более общем значении европейской учености, так и непосредственно для обозначения хаусанской системы письма на латинской основе. Разумеется, не следует делать вывод, что Ахмаду Белло действительно стремился положить конец *boko* в Северной Нигерии. Скорее это пропагандистский прием, имеющий целью показать приверженность политического лидера исламу и традиционным ценностям.

Латинская система письма получила распространение в Нигерии в рамках колониального режима. Этот процесс продолжился и после получения этой страной независимости. Причем латиница стала все больше ассоциироваться с современными политическими, экономическими и культурными реалиями. Однако преобладание латиницы не привело к окончательному вытеснению аджами из употребления. В настоящее время можно говорить об относительно стабильной ситуации параллельного сосуществования двух письменных традиций хауса,

характеризующейся преобладанием латиницы, функционально-жанровым распределением текстов между аджами и боко, а также довольно заметными различиями в языковой норме. Ситуация в Республике Нигер имеет ряд специфических черт, вызванных прежде всего различиями в области языковой политики во французских и английских колониях⁹⁹. Однако и здесь достаточно стабильной является ситуация диграфии.

В последние десятилетия прошлого века в творчестве хаусанских литераторов особое развитие получила проблема сосуществования хауса и английского языка в Нигерии, борьба за чистоту языка хауса против чрезмерных заимствований из английского. Так, именно этим проблемам посвящены произведения одного из крупнейших поэтов хауса второй половины XX в. Акилу Алийю¹⁰⁰. Причем здесь уже не затрагивается вопрос о различиях между аджами и боко, т. е. имплицитно они рассматриваются как неотъемлемые компоненты письменно-литературной традиции хауса¹⁰¹. Учитывая существенное преобладание латиницы в последние несколько десятилетий, многие тексты, в принципе относящиеся к традиции аджами, распространяются на латинице.

Автор настоящей работы совместно с Ю. Г. Суетиной осуществил цикл исследований по проблемам формирования письменно-литературной нормы в младописьменном языке на материале языка хауса¹⁰². В качестве основного метода исследования использовался статистический анализ синтаксических структур на уровне предложений и именных групп. Для этого были специально отобраны тексты, отражающие как устную языковую норму, так и различные этапы формирования письменной литературы различных жанров, с учетом параллельного сосуществования двух письменных традиций.

К исследованию были привлечены тексты самой различной жанровой и стилистической принадлежности, относящиеся к основным этапам становления письменной культуры хауса в обеих версиях — аджами и боко, а также тексты, сложившиеся в рамках устной традиции и, следовательно, отражающие устную языковую норму. К этой последней группе текстов относятся исторические хроники и сказки, представляющие разные грани устной традиции хауса. Переходный период от устного творчества к новой письменной словесности представлен как ранними художественными текстами складывающейся хаусанской письменной литературы, так и некоторыми историческими и псевдоисторическими сочинениями. Для анализа современного этапа развития письменно-литературного языка хауса были взяты тексты художественных сочинений, а также выбор-

ки газетных статей, причем привлекались публикации периодических изданий разных лет и ориентированных на читателей разного социального и культурного уровня. Спонтанная письменная речь на языке хауса также явилась объектом исследования. Для этого использовались подборки писем на аджами и боко, приходивших на протяжении ряда лет в хаусанскую редакцию московского радио.

Проведенные исследования позволили определить основные тенденции эволюции синтаксических структур в процессе становления письменной традиции на языке хауса. Собранные в результате этой работы статистические данные дают возможность для формальной характеристики текстов на языке хауса в плане их соответствия синтаксическим структурам, преобладающим в устной или письменной речи, а в этом последнем случае в рамках традиций аджами или боко. Полученные в ходе этих исследований достаточно четкие статистические характеристики даже позволяют примерно датировать однородные газетные тексты, поскольку для анализа привлекались газеты 1950-х и 1980-х гг. Этот 30-летний хронологический интервал оказался достаточным, чтобы определить основные тенденции эволюции синтаксических структур в процессе формирования нового письменного стандарта хауса.

В последней публикации этой серии сравнительному статистическому анализу были подвергнуты тексты переводов на язык хауса историй Иосифа и Моисея в Библии и Коране¹⁰³. Этот выбор был обусловлен необходимостью использовать для статистического анализа однотипные тексты из обоих источников¹⁰⁴. При этом, что также было принято во внимание при отборе материала, выбранные тексты нарративного характера имеют определенные параллели в собственной хаусанской традиции — исторические хроники, беллетризованные биографии и т. п.

Полученные статистические данные указывают на то, что хаусанские переводы коранических текстов, безусловно, ближе к устным формам языка, чем тексты переводов из Библии. Это позволяет сделать вывод, что хаусанские переводы Корана сохраняют ориентацию на традиционный канон, характерный для письменно-литературной словесности на ее ранних этапах, и особенно в рамках письменности аджами. Попутно необходимо отметить, что в нашем распоряжении находилось издание Корана с параллельными текстами на арабском языке и на хауса, причем для хаусанского перевода была использована графика на латинской основе, хотя совершенно очевидно, что общий культурно-исторический контекст этого издания соответствует письменной традиции аджами. Напротив, хаусанские переводы Библии

входят в сферу письменного творчества, связанного с преобладающим европейским влиянием и больше ориентированного на современность, чем на традицию¹⁰⁵.

Статистические данные вполне отчетливо демонстрируют синтаксические различия между хаусанскими переводами Библии и Корана. Напротив, в рамках одной традиции, т. е. при сравнении между собой только переводов соответствующих библейских текстов историй Иосифа и Моисея или только коранических, статистические данные оказываются значительно более однородными. Поэтому в цитированной выше статье нет никаких попыток сопоставительного анализа языка хаусанских переводов историй Иосифа и Моисея в рамках только Библии или Корана.

Тем не менее статистические данные для библейских историй Иосифа и Моисея на языке хауса скорее указывает на то, что синтаксические структуры истории Иосифа являются более разнообразными, т. е. можно предположить, что перевод истории Иосифа с лингвистической точки зрения следует рассматривать как более рафинированный в художественном отношении, чем перевод истории Моисея¹⁰⁶. Весьма показательным является соотношение языка обеих историй и в оригинальном тексте Библии,

что подтверждает эффективность избранного метода исследования.

В заключение необходимо отметить, что в языке хауса недавно, в самом конце XX в., была сделана попытка изобрести третье, оригинальное, письмо в дополнение к двум уже имеющимся системам на основе арабской и латинской графики¹⁰⁷. Это письмо, разработанное в Нигере и именуемое гобири (по названию самой северной из исторических областей хауса), во многом опирается на берберское традиционное письмо тифинаг, восходящее к пунической письменной традиции.

Разумеется, как и более известные оригинальные системы письма у народов бамум, ваи, менде и т. д., эта письменность не может иметь никакого практического значения, хотя, безусловно, свидетельствует о наличии глубокого культурного конфликта, возникшего внутри традиционного общества после появления там заимствованного письма. Следует особо подчеркнуть, что в случае хауса уже имеется устойчивая и достаточно длительная ситуация диграфии, где в оппозиции *ajami* ~ *boko* арабская письменная традиция воплощает именно традиционные ценности.

Биткеева А. Н.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ

В современном мире в условиях глобализации мировое сообщество предъявляет новые требования к многоязычию. Особенно подвержена влиянию социальных факторов функциональная сторона языка; в ней постоянно проявляются динамические тенденции, что в определенной степени влияет на разные уровни внутренней структуры языка. В статье анализируется функциональное варьирование языка в изолированных языковых общностях, рассматриваются структурно-функциональные особенности и общие черты формирующихся в иноязычной среде вариантов языка.

Изолированные этноязыковые группы, утратив связь с основным языковым массивом, образовав диаспоры и включившись в новую социально-коммуникативную систему, как правило, образуют новую языковую общность и обнаруживают ряд специфических особенностей в своем этнокультурном и этноязыковом развитии. Ученые считают, что развитие диаспоры направлено на сокращение культурной дистанции, но аккультурация, утрата

своего этнокультурного своеобразия различна, зависит от условий существования диаспоры. Диаспора является диаспорой до тех пор, пока в ее ментальности сохраняется этнокультурная специфика и ее представители осознают свою инакость в окружающем социуме¹⁰⁸. Если этнической группе характерно дисперсное расселение и малочисленность, то она обычно быстро ассимилируется и растворяется в социальной среде, хотя возможно, что ее представители все еще образуют небольшую этническую общность, национальное самосознание не исчезло, многие знают историю, этнографию и фольклор своего народа.

Первое, что подвергается процессу аккультурации, является родной язык. Осваивая язык принимающего общества, человек осваивает принятые в этом обществе нормы поведения, язык, культуру, что ускоряет адаптацию. Постепенно национальные языки становятся функционально неравнозначными доминирующему языку, менее престижными, поскольку возникает необходимость в освоении

языков, что зачастую объясняет многоязычие такой этнической общности.

В статье данная проблематика рассматривается на примере развития калмыцкого языка в изолированных малочисленных этноязыковых групп ойрат-калмыков. Калмыцкий язык относится к западной ветви монгольской группы языков. В настоящее время, в силу сложившихся социально-исторических причин, калмыцкий язык бытует в разных регионах мира. Основная часть калмыков (историческое название «ойраты») проживает в России (в Республике Калмыкия — 155,9 тыс.), относительно компактно — за пределами России: в Китае (в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе — 180 тыс.), Киргизии (у оз. Иссык-Куль — около 5 тыс.), небольшими группами калмыки проживают в Западной Европе и Америке.

Калмыки, проживающие небольшими этническими группами на территории Западной Европы и Америки, в разное время не раз становились объектом исследований по большей части зарубежных этнологов, социологов, историков, поскольку представляют собой особый научный интерес для исследования. С одной стороны, они являются выходцами из России, с другой стороны, продолжают сохранять свою этническую специфику, культуру, язык. Так, в 1960-е гг. французской исследовательницей Ф. Обэн было проведено этносоциологическое исследование калмыцкой диаспоры во Франции. В 1950–1960-х гг. американские антропологи Д. Эберле, Ф. Эдельман, П. Рубел в разное время проводили исследования среди американских калмыков¹⁰⁹, российские исследователи также не раз посвящали свои исследования калмыкам США¹¹⁰.

Как видим, уклад жизни, положение этнических групп калмыков Европы и Америки в историческом, антропологическом, этнологическом плане достаточно хорошо освещены. Поэтому ограничимся кратким обзором социолингвистической ситуации среди калмыков, проживающих в странах Западной Европы, Америке, где складывалась наиболее интересная в научном плане языковая ситуация среди этнических групп ойрат-калмыков.

Языковая ситуация в калмыцких диаспорах Западной Европы и Америки

В странах Западной Европы и Америки калмыки поселились в начале XX в. Причины эмиграции части калмыков, среди которых было много представителей интеллигенции, разные, но большинство из них, живя вдали от родины, старались сохранить родной язык, свою культуру. В книге «Очерки истории калмыцкой эмиграции» читаем об этом периоде: «Время 1917–1930-е годы... мы можем говорить о политическом, социальном, культурном феноме-

не калмыцкой эмиграции. После Второй мировой войны первая волна эмиграции уже заканчивала свой жизненный путь, а новая формировалась в совершенно иных исторических условиях, носила иной духовно-политический колорит»¹¹¹.

Существует мнение, что в западных странах, где распространена социально-коммуникативная система, включающая местный язык и язык-макропосредник, являющийся средством межнационального общения, обычно доминирует язык господствующего этнолингвистического коллектива, что ведет к постепенному вытеснению языков этнических меньшинств. Такова судьба языков эмигрантов в США, которые в третьем поколении, как правило, забывают родной язык. Подобная ситуация наблюдается и в калмыцких диаспорах Западной Европы и Америки. Ассимилятивные процессы в языке происходят под влиянием социальных факторов, что закономерно, поскольку язык бытует в иной этнической и социоисторической среде. Кроме того, значимым является демографический фактор, роль данного народа среди других этносов ареала. Исследователи отмечают, что для языковой общности калмыков, в частности американских калмыков, при сохранении калмыцкой самоидентификации язык не является определяющим фактором по сравнению с фактором расовой и конфессиональной идентичности. Для зарубежных калмыков существуют три правила: живя вдали от родины, нельзя забывать родной язык, свою историю и религию. Если забывается одно из названных заветов — родной язык, ничего страшного, лишь бы два другие сохранялись¹¹².

Языковая ситуация в калмыцкой диаспоре в Чехии

В начале 1920-х гг. часть калмыков поселилась в Чехии, среди них были и представители калмыцкой интеллигенции, а как известно, это наиболее гибкая в процессе адаптации социальная общность, наиболее общественно активная прослойка, зачастую владеющая несколькими языками. В 1923 г. в Праге была организована Калмыцкая комиссия культурных работников, в задачи которой входило сохранение памятников культуры калмыков посредством записи и издания, а также ознакомление калмыков в условиях эмиграции с национальной и европейской литературой на своем родном языке. Чешское правительство материально содействовало деятельности комиссии, предоставляя возможность публиковать отдельные издания.

Так, например, была издана книга «Хонхо», сборник калмыцких народных легенд, сказок, песен, пословиц, опубликованные на старокалмыцком письме «Тодо бичг» литографским способом, или,

в частности, калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и улусных школах, которая применялась в обучении русскому языку посредством перевода. Книга была составлена учителем Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдыревым. В Пражской русской гимназии, где учились калмыцкие дети, преподавались калмыцкий язык и основы буддизма.

Комиссией культурных работников был опубликован также ряд книг на калмыцком языке, среди них «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «История приволжских калмыков» Н. Пальмова на калмыцком языке, труд польского монголиста В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка».

В 1927–1930 гг. были выпущены 3 номера журнала «Улан Залата», два первых номера были изданы на калмыцком языке, третий номер не содержал калмыцких текстов. В последующие годы было опубликовано несколько номеров журнала «Информации», во Франции издан журнал «Ковыльные волны»¹¹³.

Комиссия культурных работников считала необходимым издавать литературу на зая-пандитской письменности, считая, что только эта письменность культурно свяжет калмыков со всеми их единомышленниками и единоверцами в Европе и Азии, настоящее калмыцкого народа — с его прошлым, калмыцкую интеллигенцию — с ее народом. Представители комиссии высказывались против введения вместо зая-пандитского письма «транскрипции из чужого письма». Кроме того, при письме соблюдались принципы гармонии гласных, знаки долготы и т. п.

Однако по поводу публикации изданий на старокалмыцком (зая-пандитском) письме были критические замечания некоторых представителей Комиссии культурных работников. Так, С. Балыков считал, что среди калмыков-эмигрантов той поры насчитывалось лишь два десятка человек, и то из числа интеллигенции, которые могли читать на малодоступном для простой калмыцкой народной массы старокалмыцком письме.

Следует заметить, что переход со старокалмыцкого письма на кириллическую графическую систему среди калмыков произошел в начале 1920-х гг., поэтому калмыки-эмигранты первой волны к моменту эмиграции были обучены грамоте, уже основанной на кириллице, подзабыв при этом старокалмыцкую письменность, что и было причиной недоступности для чтения вышеупомянутых изданий.

С. Балыков считал, что борьба комиссии за зая-пандитское письмо была безнадежной и следовало бы отказаться от этого шрифта, поскольку потеря национального шрифта не означает потерю

национального языка и что «язык, как всякому ясно — нечто неотъемлемое с понятием национальной особенности; потерять язык — значит уже раствориться в составе другого народа, тогда как народ существует и совсем без шрифта, без всяких форм и знаков письма»¹¹⁴. Калмыцкая комиссия культурных работников прекратила существование в 1930 г.

Калмыков-эмигрантов первой и второй волн эмиграции как таковых в Чехии не осталось, поскольку в основном они перебрались в другие страны, но сегодня в Чехии сформировалась немногочисленная община «новых калмыков», эмигрантов конца XX — начала XXI в., которые приехали в страну в поисках работы либо с целью постоянного проживания.

Языковая ситуация в калмыцкой диаспоре во Франции

Во Францию калмыки прибыли между 1921 и 1926 г. большими группами, благодаря коллективным контрактам, обеспеченными калмыками прибывшими ранее. Это время стабилизации среди калмыцких эмигрантов первой волны эмиграции. Многие калмыки последовали за отступающей армией Врангеля, которая двинулась из Крыма в Стамбул, затем в Болгарию или Чехию, Балканские страны. Географически колонии калмыков располагались в юго-восточном пригороде Парижа (Вальде-Марн), в Сент-Мор-де-Фоссе, Сент-Морис, Жуанвиль-де-Понт, Мэзон-Альфонт. В меньшей степени калмыки расселились в провинции, например в Нантском р-не, в Виши, в окрестностях Монтагри и Лионском р-не, а также в От-Савуа. Калмыцкая община Франции в основном представлена представителями этнической группы калмыков — бузавами, калмыками — донскими казаками. Вторая волна эмигрантов-калмыков почти не затронула калмыцкую диаспору Франции, калмыки-эмигранты второй волны примкнули в основном к калмыцкой общине США, основанной в 1951 г., после отмены конгрессом США запрета калмыкам на иммиграцию в США.

В 1960-е гг. французская исследовательница Ф. Обэн провела этносоциологическое исследование французских калмыков. По мнению исследовательницы, схема внедрения калмыцкой группы во французское общество схожа с общей линией: это тяга к образованию, но остались сильный консерватизм первого поколения эмиграции и сопротивление культурному давлению окружающей среды, в то время как у калмыцкой молодежи наблюдалась тенденция к психологической и социальной ассимиляции, что соответствует ситуации 2000-х гг. Старики были отрезаны от жизни Франции из-за

плохого владения французским языком, дети же уже имели французское подданство и отличались только внешним видом. Но адаптация калмыков все же протекала сложно, т. к. русско-французское влияние постепенно стирало у калмыков культурную основу. Среди французских калмыков все же были такие, которые отказывались от контакта со своими соотечественниками, растворившись во французской массе¹¹⁵. Первое поколение калмыков-эмигрантов входило в русскую эмиграцию, представители второго и третьего поколений были уже французскими подданными.

Жизнь французской диаспоры калмыков Ф. Обэн делит на периоды: до 1925–1926 гг. — устройство; 1926–1945 гг. — приспособление первого поколения к новой ситуации; с 1945 г. — защита традиций вторым поколением¹¹⁶. Эмиграция стерла социально-экономические различия, все эмигранты-калмыки попали в слой городского рабочего класса. Вначале они были заняты в металлургии, затем из-за кризиса в отрасли перешли в шелковую индустрию. Калмыки первого поколения были убеждены, что их пребывание временное, поэтому не пытались внедриться во французское общество. Характер менталитета диаспоры, как правило, определяет второе поколение, т. к. у него уже нет проблемы выживания: эту проблему решили родители, дав ему определенный социальный статус, а также в процессе адаптации сложились свои нормы поведения, общения в иммигрантской среде¹¹⁷. Благодаря детям родители постепенно воспринимали французскую одежду, пищу. В семье же говорили по-калмыцки, придерживались традиционных методов воспитания. В семейной сфере французский язык долго не употреблялся, только в третьем поколении он употреблялся и то ограниченно, если внуки говорили по-французски, то деды отвечали по-калмыцки. Таким образом, калмыки первого поколения эмигрантов плохо знали или не знали французского языка, культуры, предпочитая калмыцкий язык, культурные традиции.

Ф. Обэн отметила при адаптации к новой среде жизни у калмыков покорное вращение во французскую среду и в то же время борьбу с русским влиянием при стойком сохранении традиционных черт. В первой и второй стране пребывания калмыки могли учиться в национальных школах, но здесь они учили больше язык и религию, чем историю народа. Во Франции калмыки не были расселены централизованно, поэтому, к сожалению, такие школы не могли долго существовать. Например, национальная школа в Лионе просуществовала до 1929 г.

Среди эмигрантов первого поколения смешанные браки были редки, но часты свободные союзы, что, наверное, вызвано ситуацией неопределенности, временности того времени. Вопреки рас-

хожему мнению, что восточные женщины сложнее интегрируются в принимающее общество, поскольку являются хранительницами этнокультурной преемственности, они зачастую не знают местного языка¹¹⁸, по наблюдению Ф. Обэн, все же калмычки легче входили в контакт, им легче давался язык — видимо, благодаря посредничеству детей. Представители третьего поколения французских калмыков вспоминали, что матери обычно говорили по-французски, но ругали их всегда по-калмыцки, т. к. в калмыцком языке более богатый выбор ругательств¹¹⁹. Представители второго поколения адаптировались по-другому, т. к. родившиеся в 1920–1930 гг. имели в основном французское подданство, они были более мобильны, сферы занятости калмыков этого поколения были более разнообразны.

Постепенно калмыки переселялись ближе к большим городам, большинство молодых людей переезжали в пригороды Парижа, что объяснялось желанием получить образование для детей и лучший выбор работ. Калмыки второго поколения легче и лучше восприняли французский образ жизни. Хотя среди калмыков были и те, кто пытался сохранить национальную самобытность в иноэтнической среде, враждебно относились к смешанным бракам как угрожающим их идентичности. Интересно, что калмыки второго поколения испытывали переживания из-за того, что отличались от французской окружающей среды; только к 16–18 годам у них возникла гордость за свою расу. Небольшие изолированные провинциальные группы калмыков быстро растворялись во французской массе, чем большие калмыцкие колонии парижского района. У третьего поколения же возникла проблема не интеграции в окружающий социум, а сохранения своего национального своеобразия, национальной культуры¹²⁰.

По мнению ученых, с точки зрения адаптационных процессов, мигранты делятся на следующие категории:

- 1) те, кто первоначально ориентирован на длительное или постоянное проживание в чужой стране, они активно приспосабливаются к жизни в эмиграции, стремятся к ассимиляции;
- 2) те, кто намерен вернуться на родину, сопротивляются ассимиляции, не желают осваивать язык принимающего общества, приспосабливаются к обстоятельствам настолько, насколько необходимо для выживания (это является мощным фактором сохранения у этих людей, обычно представителей первого поколения, этноязыкового самосознания).

Калмыцкая общность первоначально отказывалась слепо имитировать доминирующее общество путем социально-культурной замены, чтобы

Языковая ситуация в калмыцкой диаспоре в Америке

защитить остатки наследия предков, которое считала неотъемлемым для сохранения национальной самобытности. Монгольская внешность играла большую роль в чувстве специфичности этнической группы. Исследовательница приводит пример старика-калмыка, который не принимал изгнания и считал, что если ему предложат возвратиться, то он уедет, но в этом случае его дети останутся во Франции. В этом и заключается противоречие в национальной идентичности второго поколения. Для старика Родина — это степь, для молодых, рожденных в изгнании, — это страна пребывания. Но калмыки сохраняли при этом некоторые психологические черты: желание объединиться, адаптацию к работе, цельный характер, открытый, верный в дружбе, гостеприимность, мораль, интеллектуальное честолюбие, склонность к знаниям, учебе¹²¹.

По мере приспособляемости к окружающей среде ограничения национального наследия отходили на второй план. Пример калмыцкой диаспоры показал, что, когда интеграция усиливается, группа сознательно солидаризуется, но когда самобытность находится под угрозой, этническая группа понимает специфичность обычаев, при помощи сознательных усилий перестраивает вновь обретенную жизнь. Среди калмыков Франции сохранилось этническое деление на бузавов и дербетов, хотя это деление во Франции не столь выражено, как среди американских калмыков.

Некоторые калмыцкие обычаи еще сохранились до нашего времени, видимо благодаря сильной дисциплине внутри семьи. Они не сохранились бы долго без сплоченности социальной группы, которая выполняет воспитательную функцию.

Устное народное творчество не в полной мере сохранено, при исполнении калмыцких песен французскими калмыками исполняются в основном только припевы, т. е. фольклор во многих случаях — это достояние эмигрантов старшего поколения. По мнению исследователей, сегодня среди калмыков, рожденных в эмиграции, почти никто не знает калмыцкие фольклорные тексты наизусть, не говоря об эпосе «Джангар». Среди представителей старшего поколения французских калмыков сохраняется консервативный стиль, они еще сохраняют традиции предков, в чем им часто помогают мужья/жены-французы, такие примеры часто встречаются. Современная калмыцкая молодежь Франции, да и других калмыцких общин более или менее равнодушно относится к своей этнической принадлежности.

Таким образом, калмыки Франции представляют собой результат влияния чужой культуры на национальное меньшинство, дважды подвергшееся давлению разнородной культуры окружающей их среды.

В США калмыки появились в начале 1950-х гг., где по сей день проживают относительно компактно в основном в штате Нью-Джерси (г. Хауэлл), Филадельфии, Вашингтоне. При этом среди американских калмыков заметно деление на этнические группы. Так, бузавы в основном поселились в Филадельфии, дербеты и торгуты в Нью-Джерси, в Фривуд Акре¹²².

Исследователи характеризуют Америку как нацию иммигрантов, в связи с этим бытует несколько концепций формирования американской нации. Одни ученые считают, что американское общество формируется в процессах ассимиляции, действуя по принципу плавильного котла, т. е. происходит культурное взаимодействие этносов, составляющих американское общество, в результате образуя синтезированную культуру Америки. Другие ученые придерживаются концепции культурного плюрализма, т. е. многокультурное американское общество в США сложилось посредством интеграции диаспор в американскую нацию. По мнению З. И. Левина, иммигранты, прибывшие в США в период, когда сформировалось зрелое общество, интегрировались в социокультурное пространство как этнокультурные группы, отчасти ассимилировались, сохраняя этническое, ментальное своеобразие¹²³.

Все эти факторы характерны и процессам интеграции в американское сообщество калмыков. Старшее поколение пытается привить родной язык молодым, но не вся молодежь говорит на калмыцком языке. В повседневном общении используется английский язык. Ранее делались попытки организовать курсы калмыцкого языка. Так, в 1970-е гг. в г. Хауэлл построили хурул (буддийский молебельный дом), где собирались изучать калмыцкий язык. Роль педагогов выполняли ламы, но впоследствии занятия были отменены.

Калмыки в зарубежных диаспорах, до возвращения волжских калмыков из сибирской ссылки, стремились не забыть родной язык, не потерять национальную культуру. После реабилитации волжских калмыков в 1956 г., а затем восстановления статуса республики калмыки зарубежья стали получать национальную литературу из Республики Калмыкия. Калмыцкая интеллигенция в эмиграции продолжала издавать труды по калмыковедению. В настоящее время диаспоры западных стран не издают периодику на калмыцком языке, калмыцкую речь нельзя услышать по радио и телевидению. Калмыцкий язык в странах Западной Европы и Америке в последние десятилетия XX в. находится в состоянии забвения.

К сожалению, в данном случае подтверждается факт, что в третьем поколении родной язык забывается. На родном языке говорят в основном в бытовой сфере преимущественно представители старшего поколения. Большинство калмыков-эмигрантов владеют 2–4 языками. Калмыкам-эмигрантам первой волны в начале XX в. приходилось менять места проживания, мигрируя из одной страны в другую, поэтому многие представители старшего поколения калмыков Европы и Америки говорят на 2–4 языках, языках стран предыдущего проживания.

Судя по словам самих информантов, в родную речь они первоначально добавляли некоторые слова, выражения из местного языка, затем постепенно осваивали язык и впоследствии уже свободно общались на бытовом уровне. В речи стариков наблюдаются интерферентные явления на лексическом, морфологическом, синтаксическом и других языковых уровнях. Например, по наблюдению Э. Б. Гучиновой, выявляются такие случаи, когда в одном предложении используются слова двух, трех, четырех языков, калмыцкие окончания присоединяются к английским словам: *Би ганцхн uncle-нь* — «Я единственный дядя», *News үзүлжэнэ* — «Новости показывают», *Мини lipstick чилжоч* — «Моя губная помада закончилась» и т. д.

Старшее поколение калмыков хорошо владеет русским языком, поскольку, лелея надежду вернуться на родину, они считали, что русский язык им будет нужен, детей старались отдать в русскую школу, русский язык считался вторым по значению после родного языка; но русская речь старшего поколения отличается архаичностью средств и форм выражения. В 1960-е гг. для детей калмыцкий язык еще был первым языком, это был язык общения в семье, пойдя в школу, они становились двуязычными, общались с родителями на калмыцком, со сверстниками на английском¹²⁴. Молодое поколение американских калмыков плохо знает или вообще не знает родного языка, в основном используя английский язык.

У американских калмыков более сильны традиции, вера. По мнению исследователей, американская диаспора живет в закрытой среде вопреки сравнительной интеграции. Так, они создали культурную ассоциацию в Филадельфии (Общество содействия калмыцкой культуре), калмыки же Франции опасались, что за это преимущество придется платить потерей политической независимости¹²⁵. Сплоченность американских калмыков, в отличие, например, от французских, возможно, объясняется не только относительной многочисленностью, а возможно, и более сложными условиями интеграции в стране поселения, что способствовало более сильной сплоченности. Известно, что чем благо-

приятнее среда для диаспоры, тем меньше потребность в объединении, тем слабее диаспора, а чем труднее процесс интеграции мигрантов, тем сильнее взаимная поддержка в их среде, община более сплоченная, жизнеспособная.

То, что американские калмыки очень ревностно стараются сохранить национальные традиции, заметно по обрядовому церемониалу, многие обычаи, сохраняемые ими давно, вышли из употребления у волжских калмыков, во многих случаях даже не понятны им. Например, сохранился обычай использования табуированной лексики при обращении к старшим родственникам мужа мужского пола, в современной Калмыкии этот обычай уже не соблюдается, для молодого поколения волжских калмыков он уже не понятен. Старшее поколение хорошо знает свои родословные. Если говорить о языковом самосознании, языковой компетенции калмыцкой диаспоры США, то, по наблюдению исследователей, родным языком представители диаспоры считают калмыцкий язык; самоидентифицируют себя как калмыки-монголы; считают, что нельзя забывать родной язык; стараются использовать русский язык как разговорный с русскими эмигрантами, как язык чтения, но повседневным языком общения, языком СМИ для них является английский язык. Калмыки постепенно отказываются от многоязычия и переходят на английский язык, при этом они не готовы поменять свою идентичность¹²⁶.

Итак, у большинства американских калмыков всех поколений наблюдаются устойчивое этническое самосознание, солидарность, симпатия к людям своей национальности, ощущение общности происхождения. Старшие представители диаспор стараются сохранить, укрепить этническую идентичность молодых калмыков. Главное, по их мнению, сохранить культуру, язык, но при этом они чувствуют себя частью американской нации, у них доминируют американские социокультурные привязанности. Следовательно, можно сказать, что калмыки западных диаспор обладают двойственным этническим самосознанием. Этнические общности калмыков западных стран, особенно молодое поколение, переходят от двуязычия, многоязычия к моноязычию, т. е. английский язык постепенно становится родным языком.

В результате анализа изолированных этнических групп калмыков в разных регионах мира установлено, что у калмыков наблюдается тенденция к интеграции, т. е., оказавшись в новой среде, они признали культурные различия своей и новой, например, американской общности, целенаправленно овладели американской культурой, без большого ущерба своей национальной. Но этот факт применим только по отношению к калмыкам-эмигрантам первой волны, новое поколение американских кал-

мыков теряет родной язык и переходит постепенно на английский язык, на культурные традиции Америки. Здесь, вероятно, сказывается проживание не на своей исторической родине, оценка американского образа жизни, английского языка как намного экономически выгодного, социально престижного.

Таким образом, можно сделать ряд общих выводов:

- 1) несмотря на специфические черты становления развития и функционирования этнических групп, все же у них присутствует важность сохранения этнической специфики, которая зависит от внутренней сплоченности группы;
- 2) социальные условия, численность, компактность/некомпактность расселения влияют на образ мышления этноса, а затем и на степень

сохранности языка в той или иной этнической группе, поскольку язык — это «главный инструмент трансформации менталитета диаспоры»¹²⁷;

- 3) более благоприятные, стабильные условия жизни способствуют устойчивости этноязыкового самосознания и сплоченности этнической группы;
- 4) ассимиляционные процессы свидетельствуют об ослаблении внутренней сплоченности этнической группы, усилении адаптации, влиянии доминирующей культуры, языка, этноса.

Таково состояние родного языка в калмыцких диаспорах в странах Западной Европы и Америке на современном этапе. Социолингвистическое изучение калмыцкого языка в разных этнолингвистических ситуациях позволило вскрыть не только особенности его функционального развития, но и закономерности его эволюции.

Плотникова А. А.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУМЫНСКИХ КАРПАТ В БАЛКАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Полевое этнолингвистическое исследование румынской части Карпат проводилось по проекту «Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии». Основной задачей, решаемой участниками проекта, была апробация этнолингвистического вопросника¹²⁸, предназначенного первоначально для сбора диалектного материала в рамках «Малого диалектологического атласа балканских языков»¹²⁹, севернее Дуная в карпатских селах (т. е. в северно-балканском ареале, как его называл С. Б. Бернштейн).

Было важно определить наличие балканизмов, т. е. общих для всех балканских традиций явлений, в терминологической лексике народной духовной культуры и особенностях соответствующих экстралингвистических феноменов.

Этнолингвистический вопросник включает вопросы, сформулированные таким образом, чтобы собрать терминологическую лексику в генетически разных языках (принцип «от значения к слову»)¹³⁰, а также и экстралингвистические сведения о самих реалиях, для чего введены темы для бесед по народному календарю, семейной обрядности (рождение, свадьба, смерть) и народной мифологии. Разработанная методика опроса предполагает выявление наиболее существенных для исследуемой традиции

культурных явлений с последующим выяснением их местных наименований.

Одной из частных задач полевых исследований стало также выяснение степени сохранности как терминологии, так и архаических контекстов исполнения того или иного ритуала, представлений о народной мифологии и т. п. Терминологическая лексика традиционной духовной культуры села (пункта обследования) и соответствующие культурные феномены находились в центре внимания собирателя полевого материала.

При расширении территории полевого обследования на север предполагалось охватить часть карпатского ареала (Южную Румынию и западную часть Украины) с целью апробации вопросника на материале неславянской карпатской традиции (Румыния) и восточнославянской карпатской традиции (Западная Украина).

В результате в 2006–2008 гг. были успешно обследованы Южные Карпаты в Румынии (регионы Вылча в Олтении и Бузэу в Мунтении) и бойковские¹³¹, гуцульские¹³² и верховинские закарпатские говоры¹³³ Западной Украины.

По мере работы над проектом полевые исследования по этнолингвистическому вопроснику были распространены также на регионы Средней Словакии (Малая Фатра, Орава)¹³⁴. При этом постоянно

продолжалась работа над пополнением базы фактографических данных по южнославянским селам новыми полевыми материалами, собранными по единому этнолингвистическому вопроснику: в 2006 г. было исследовано с. Осмар в Северо-Восточной Болгарии, в 2007 г. — с. Тенево, обл. Ямбола, в Юго-Восточной Болгарии, в 2008 г. — с. Момчиловцы, обл. Смоляна, Южная Болгария¹³⁵.

Всего в рамках проекта за три года было проведено 14 этнолингвистических экспедиций, составивших основу исследований по проекту.

В Южных Карпатах в Румынии основное внимание было уделено предгорным районам Олтении¹³⁶ и Мунтении, причем мунтянский регион Бузэу (на изломе Карпат) был обследован по этнолингвистическому вопроснику как в своей западной предгорной части¹³⁷, так и в северной, горной¹³⁸. Выбор Южной Румынии в ее (пред)горной части, т. е. исторической области Валахии, был предопределен, во-первых, соседством балканославянских традиций, болгарской и сербской, во-вторых, стремлением обнаружить следы карпатской миграции славян в позднепраславянскую эпоху, а также и обратного движения балканских народов на север в Средние века (XIV–XVII вв.) на материале терминологической лексики традиционной народной духовной культуры и соответствующих экстралингвистических явлений¹³⁹. Архаические традиции зоны Южных Карпат в Румынии представлялись особенно интересными для полевого этнолингвистического исследования и с учетом параллельного изучения украинских Карпат, что подтвердилось данными состоявшихся экспедиций.

К культурно-языковым признакам изученных региональных традиций Олтении и Мунтении, имеющим непосредственные аналогии в балканославянских (и неславянских балканских традициях) на уровне как культурной терминологии, так и обозначаемых обычаев, обрядов, ритуалов, поверий, мифологических образов, можно отнести целый ряд отмеченных культурно-языковых феноменов. Приведем некоторые из них.

В сфере народного календаря:

- 1) *so rcova* — новогодний обычай с использованием обрядовых атрибутов — «оплодотворяющих» палочек (олт., мунт.);
- 2) *plugușo ru* — новогодний обычай с плугом (олт., мунт.);
- 3) *ba bele* — первые 9 дней марта (олт.)¹⁴⁰, *ba bele, zi lele ba belor* — дни старух, 01–09.03 (мунт.)¹⁴¹, связанные с легендой о мартовской старухе наименования первых дней марта;
- 4) *m rîșo r* — украшение-оберег в день 1 марта (олт., мунт.);
- 5) *c lușa ri* — троичские обходы домов (олт.);

6) *paparu da* — окказиональный обряд вызывания дождя с обливанием водой участников/основной участницы (олт., мунт.);

7) *caloia n* — окказиональный обряд вызывания дождя, включающий имитацию похорон специально сделанной для этого куклы (мунт.).

Из народной мифологии:

1) *urs tóri(le)*¹⁴², *céle tréi urs tóri, ursitóri* (олт.), *ursitoare* (мунт.) — женские мифологические существа, предсказывающие судьбу новорожденного;

2) *le sfinte* (олт.), *ie le(le), s nz ie ne(le)* (мунт.) — мифологические существа в облике чудесных девушек, оставляющих следы в виде необычного круга травы после ночного танца (серб., хорв., словен. *vila*, макед., болг. *самовила*, болг. *самовила, самодива*);

3) поверья о демонологических свойствах ребенка, рожденного в рубашечке, точнее — в шапочке (*cu tichi e pe cap*), который считается потенциальным вампиром после смерти (олт.).

Из сферы семейной обрядности:

1) поверья о неразрывной связи судьбы одномесячников (т. е. рожденных в один и тот же месяц), называемых *luna tici* от *lun* — месяц (олт., мунт.);

2) повторное погребение покойного — *re nmorm nta re* (букв. «перезахоронение») (олт., мунт.).

Далее будет кратко охарактеризован балканский контекст части указанных явлений в дополнение к тем, что уже исследованы в этом аспекте в сборнике «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой»¹⁴³ по проекту.

1. Записанный в Олтении и Мунтении новогодний обычай *so rcova* с использованием обрядовых атрибутов, приносящих здоровье и удачу палочек (прутьев), которыми участники обряда ударяют хозяев по спине с целью наделять их здоровьем, распространен преимущественно в Южной Румынии, в областях, примыкающих к болгарскому культурно-диалектному континууму (*umbl*, *merg cu sorcova* — идут с «сорковой»). Этот обряд широко известен в восточной части южно-славянского культурно-языкового континуума, где он обозначается развитой терминологией от ⁺*surva*¹⁴⁴. Кроме того, и в северогреческих областях фиксируется весь спектр значений ⁺*surva*, известных в болгарском и македонском языках.

«вечер перед Новым годом»; «группа детей или взрослых, обходящих дома с благопожеланиями на Новый год»; «новогодняя ночь»; «дары колядующим и ритуальный хлеб для них», а также и «кизиловая палка или ветка, которой колядующие били встречаемых

в ночь на Новый год»¹⁴⁵. В данном случае очевиден непрерывный карпато-балканский ареал обычая и обозначающей его терминологической лексики.

По греческой версии происхождения обряда и обслуживающей его терминологии σοῦρβα «обряд новогоднего битья ветками», «ветка, обрядовый атрибут» связаны с σοῦρβα «плоды дикой груши» (σοῦρβιά «дикая груша» из лат. *sorbus* «груша») ¹⁴⁶. Высказывается гипотеза о том, что обычай болгарского «сурваканья» первоначально появляется в Македонии и Восточной Фракии под влиянием подобных обычаев в Византии (известных до настоящего времени в Понте и Кападокии), в свое время заимствованных от римлян ¹⁴⁷.

Славянская версия происхождения термина связывается с *суров-* в значениях «сырой, влажный», «дающий жизнь» (Т. Тодоров) или же со значением «крепкий», «твердый» (Ст. Младенов). При этом северогреческие термины рассматриваются как заимствования (вместе с обрядом) из болгарского, поскольку это территория тесных славяно-греческих контактов ¹⁴⁸. В этой связи представляются важными периферийные формы *суровари* (Южная, Юго-Восточная Сербия), *суроваритине* (Западная Болгария), иногда рассматриваемые сторонниками греческой этимологии как действие «народной этимологии» в южнославянских языках, усиливающей сходство со значениями «сырой, влажный» и т. п. В славянской версии происхождения термина подчеркивается изначальное функционирование ⁺*surva* в качестве заклинательной формулы (зачины благопожеланий: *Сурва, сурва година* или *Сурова, сурова година*), при этом вторичными являются глагол *сурвакам*, отглагольные существительные *сурвакане* и т. п. ¹⁴⁹

Достаточно логично в таком случае, что рум. *sorsova* «ветка для новогоднего обхода с битьем» рассматривается как существительное от глагола *a sorsovi*, которое, в свою очередь, происходит от болг. *сурвакам*. Любопытно, что именно в румынской традиции на уровне самого обрядового текста сохраняется идея битья «живой, сырой, свежей» веткой: в Олтении в день св. Андрея дети отрезают ветки плодовых деревьев — яблони, груши, черешни, сливы — и ставят в теплое место в сосуд с водой, чтобы на Новый год при обходе для битья родителей и родственников использовать уже давшие листву и расцветшие ветки ¹⁵⁰. Эти наблюдения, записанные в начале прошлого века, подтвердились и при полевом исследовании в с. Сэрата-Монтеору (регион Бузэу в Мунтении): собеседники рассказывали, что на св. Андрея приносят и ставят в кувшин с водой ветки яблони, груши, вишни, мирабели, сирени, которые расцветают до Нового года. Во время обхода участники бьют по спине хозяев «этими цветочками», приговаривая: «Весе-

лая *So'rsova*, живите до старости, как яблоня, как груша, как стебель розы...»

Ареальная картина бытования термина не исключает первую, греческую, версию, согласно которой распространение обряда и термина шло с юга на север (из Греции через всю Болгарию в Румынию), захватывая примыкающие к болгарско-македонской зоне и области Южной и Юго-Восточной Сербии, где известны формы типа с *суров-* (*суровари* и т. п.). По второй версии, центр иррадиации термина следует искать на территории восточной части южнославянского континуума, возможно, на территории греко-славянских контактов, т. е. у славян в той же Фракийской области Греции, откуда они распространились далее на север, либо же в зоне архаического сербско-болгарского пограничья, в южной его части, где до сих пор сохраняются формы с *суров-*, т. е. на периферии всего южнославянского ареала ⁺*surva*. Обе версии о балканском, южнославянском или греческом, заимствовании культурного термина *sorsova* вместе с обозначаемым им обрядом подтверждаются ареальным критерием.

2. Новогодний обычай с плугом, называемый *plugușo'ru* (олт., мунт.), проходил в канун Нового года, при этом в регионе Бузэу зафиксированы обряды *Plugușo'ru Mic* «маленький плужок», *cu Plugușo'ru ăl Mic* «с маленьким плужком» и *Plu'gu ăl Ma're* «большой плуг», *cu Plu'gu ăl Ma're* «с большим плугом» (Сэрата-Монтеору). С «большим плугом» совершали обход взрослые парни, они запрягали четырех волов в плуг и тянули, чтобы сделать борозду; на день раньше (или в тот же день, но раньше) совершался обход детей с «маленьким плугом» (с миниатюрной моделью плуга). Во всех случаях исполнялись колядки с пожеланием хорошего плодородного года ¹⁵¹.

Обычаи обхода с плугом в балкано-славянских традициях не имеют названий, связанных с ^{*}*plugъ* ¹⁵², однако сам ритуал имитации пахоты с последующим «севом» (т. е. разбрасыванием семян) отмечается у южных славян в отдельных болгарских областях (обряд *кукери*) и на крайнем западе Южной Славии — в Хорватии, и особенно Словении ¹⁵³.

Если у румын ритуальная пахота совершается в день св. Василия (на Новый год) и первая борозда проводится по снегу, то у южных славян аналогичные обрядовые действия исполняются на Масленицу, а также в первый день после Масленой недели (болг. *Кукеровден, Куковден* «день кукеров»). Болгарский обряд *кукери* известен в Восточной и Южной Фракии, в Родопах, Средней Горе и отдельных областях Восточной Болгарии. Кульминацией игр «кукеров», в которых обязательно карнавальное распределение ролей («царь», «баба» и др.), является обрядовая «пахота и засевание». Обычно «царь» или главный «кукер» делает на главной площади

три борозды и «засевает» их с пожеланием плодородия.

Следует отметить, что следы ритуальной пахоты в весенние праздники сохранились и у западных славян, в частности у чехов¹⁵⁴; на территории Украины также ранее фиксировались обычаи *хождіння с плугом, плуг, оранка волами*, включающие имитацию пахоты и сева¹⁵⁵. Обряд с плугом в самой Румынии локализуется в ее восточной части: «Молдова, Буковина, Мунтения, Добруджа, реже Олтения, отдельные островки в Трансильвании, МССР»¹⁵⁶.

Вместе с тем второй компонент обряда — годовое ритуальное посевание — широко распространен и у восточных славян (Украина, юг России).

Пока не созданы этнолингвистические карты, фиксирующие терминологию обычаев, семантику сходных наименований и типы обрядовых компонентов на территории карпато-балканской зоны, чтобы определить единые (и (или) противопоставленные) ареалы, позволяющие говорить о генетической общности фиксируемых явлений. Румынский обычай *plugușo ru* можно считать балканизмом в типологическом аспекте (принимая во внимание особую специфику балканской типологии, как ее трактует Т. В. Цивьян¹⁵⁷).

3. Зафиксированный в полевом обследовании Олтении и Мунтении термин *ba be(le)*, диал. *babi(le)* как обозначение первых девяти дней марта известен на значительно широкой румынской территории (Горж, Нямцу, Тутова, регион Сибиу в Трансильвании, Яломица)¹⁵⁸ и точно соответствует макед. *babu(me)* обычно в применении к трем первым дням марта, причем ареал южнославянского наименования захватывает и примыкающие к Македонии регионы Южной Сербии и Юго-Западной Болгарии¹⁵⁹. Обозначение отдельных дней начала марта как *baba bun* «хороший, погожий день» (букв. «хорошая баба», олт., мунт.) и *baba rea* «плохой дождливый день в марте» (букв. «плохая баба», олт., мунт.) достаточно точно соответствует македонскому материалу: «Три баби — это первые дни марта: если окажется день хорошим, говорим, что первая баба была хорошая, другая — тоже такая, а третий — обычно сырой, непогода, значит, плохая баба — лоша баба»¹⁶⁰.

В Южно-Румынских Карпатах женщины также выбирают себе один из дней и по погоде в выбранный день определяют, «какой будет женщина в течение года — доброй или злой»¹⁶¹; иногда таким же образом в целом судят о характере женщины, девушки: если в выбранный ею день идет снег, дождь, значит, в душе человек такой же плохой — *baba rea* «плохая женщина» (Сэрата-Монтеору, Бузэу).

Столь явные карпато-македонские лексические параллели далеко не единичны, они прослеживаются и на западноукраинском/македонском лексиче-

ском материале¹⁶². В нашем случае пример с *babe(le)* демонстрирует межъязыковое лингвокультурное сходство дакорумынской и балканославянской традиции крайнего юга Южной Славии. Ареал названия первых трех мартовских дней *баби* (именно в этой форме, в отличие от других типов, например серб. *бабини дани* и т. п.) на крайнем юге Южной Славии представляет собой замкнутый ареал¹⁶³.

Семантическое соответствие названию *баби* находим у албанцев — *plakat* «старухи», что относится к обозначению трех последних дней марта (30.III–1.IV)¹⁶⁴, но имеет общие корни в балканской легенде о капризной старухе; новые полевые данные и в этом случае подтверждают записи из середины XIX в.¹⁶⁵

4. Наименование мартовской нити-оберега — *m rîșo r* — у румын не единственное, хотя и наиболее распространенное. На карте № 597 из «Малого лингвистического атласа Румынии» отмечены и некоторые другие названия, в частности: *Luna lui Marta* (Телеорман), *Luna lui Martie* (Вылча), *Mart*, *Marte* (Яши), *Marț* (Западные Карпаты), а также и *Dochia* (Бакэу)¹⁶⁶.

У балканских славян наименование украшения-оберега практически повсеместно связано с названием месяца: дериваты от ⁺*mart-* фиксируются в болгарских и македонских областях (болг. *мартеница*, *марта*, *мартичка*, макед. *мартинка*, *мартинче*). Редкими являются наименования от глагола болг. *китя* «украшать» (болг. *китица*, *китичка* и т. п.).

В Западной Македонии отмечается особый термин *моњак* (*мльак*), связанный со специальной мужской обрядовой практикой носить на праздник *Летник* (1/14.III) эти изделия, изготавливаемые для всех членов семьи мужского пола, для защиты от молнии¹⁶⁷. Ареал распространения данной обрядовой реалии охватывает также и неславянские балканские зоны, греческие и албанские, причем название там также связано с семантикой месяца марта: сев.-греч. ¹⁶⁹, ¹⁶⁸, на о. Карпатос — ¹⁶⁹, алб. *ver'or/e*¹⁷⁰. Западная граница южнославянского ареала «мартеницы» практически совпадает с государственной границей Болгарии.

Таким образом, в восточной части Балкан наблюдается непрерывный и значительно большой ареал культурного явления и соответствующего его наименования от корня *mart-* или с семантикой «март».

У балканских славян с мартовской нитью связан целый комплекс ритуально-обрядовых действий, направленных на обеспечение здоровья и благополучия членов семьи. В этот комплекс входят особые способы изготовления украшения; подбор цветов ниток или пряжи, имеющий символическое значе-

ние; сроки обязательного ношения нити; гадания по сброшенному с тела оберегу и т. д.

Так, в Юго-Западной Македонии ритуальное украшение *мартинка* принято плести молча, зажмурив глаза или же отведя руки за спину, после чего по количеству вплетенных вслепую красных и белых ниток гадают об урожае соответственно вина и жита в следующем году¹⁷¹.

Иногда в украшение вплетаются дополнительные предметы: монетки, металлические амулеты, сухой чеснок, ракушки и др. Например, в с. Галичник (р-н Дебара в Юго-Западной Македонии) в мартинку, сделанную из белой и красной ниток, вставляется и золотая монетка: украшение вешают на шею детям, «чтобы были здоровыми и крепкими, как золото»¹⁷². Мартовское украшение-оберег привязывают на руки, ноги, шею, прикрепляют к одежде; нередко их вешают на шею скоту, преимущественно молодняку, а также на саженцы плодовых деревьев, виноградные лозы, и различные постройки во дворе (двери дома, загоны, ульи и т. д.).

У балканских славян мартовские нити принято носить в течение трех, девяти (до праздника Сорок мучеников), 25 (до Благовещения) дней (или пока не расцветет первое плодое дерево, пока не увидят первую весеннюю птицу, пока не услышат первое кукование кукушки и т. п.). Затем их снимают и прячут под камень, вешают на плодое дерево или куст розы, бросают в реку, закидывают на крышу дома.

В южных областях Болгарии по оставленной под камнем мартенице гадают о приплоде скота (иногда — о здоровье), тогда как в Северной и Центральной Болгарии, а также в Западной Македонии преобладает форма ритуального обмена с птицами, при виде которых украшение подбрасывают вверх или вешают на дерево, желая получить взамен здоровье, благополучие¹⁷³.

В Румынии, по мнению Й. Гиною, с начала XX в. мэртишор в большей степени становится подарком для детей, девушек и юношей (его дарят утром 1 марта, до восхода солнца). Мартовская нить, к которой привязывают золотую или серебряную монету, носят на руке, иногда на груди или на шее, до определенного весеннего праздника (Сорок мучеников, Вербного воскресенья, Пасхи, дня св. Иереми) или до начала цветения определенных кустов и фруктовых деревьев (шиповника, дикой или домашней розы, боярышника, черешни и т. д.), когда ее привязывают к цветущим веткам. Получивший в подарок мэртишор верил, что его не обожжет весеннее солнце, что он будет здоров и красив, как цветы, приятен и любим, богат и удачлив, защищен от болезней и сглаза¹⁷⁴.

В диссертации Н. Г. Голант «Мартовский обрядовый комплекс румын и болгар в этнокультурной

традиции карпато-балканского региона» уже более определенно выражена мысль о том, что в современной Румынии «теряется древняя функция мартовской нити — функция украшения-оберега»¹⁷⁵, на первый план выступает функция подарка.

Однако при всей точности замечания относительно сохранения обрядового характера мартовской нити в современной Болгарии и, возможно, постепенного исчезновения такового в наши дни у румын, как раз полевые исследования под Бузэу показывают несколько иную ситуацию, которая представляется чрезвычайно интересной в плане адаптации традиции к процессам глобализации. В с. Сэрата-Монтеору действительно в день 1 марта распространяются разнообразные подарочные экземпляры (зачастую напоминающие броши на одежду), однако до сих пор там же сохраняется и сакральная функция магической мартовской нити. С повязанной мартовской нитью на руке до сих пор ходят кормить кур, «чтобы велись цыплята, чтобы велась домашняя птица»; в течение всего месяца сажают овощи на огороде, «чтобы завязывались огурцы, завязывались помидоры». Конструкция с глаголом *a lega (leg)* «завязывать(ся)» получает дополнительный смысл по принципу вербальной магии: нить, *завязанная* на руке, способствует *завязыванию*, т. е. плодоношению, овощей. Именно эту ниточку, приносящую удачу, носили на руке до тех пор, пока не расцвел шиповник, а потом вешали на этот цветущий куст. Архаический культурный слой в данной традиции сохраняется до сегодняшних дней.

5. Троицкие обходы домов, называемые *c luşa ri*, отмечены в полевых исследованиях Олтении: в коммуне Мэлая в 1960–1970-е гг. такая группа насчитывала 20–30 или 6–10 молодых парней, приходящих «издалека». Они были одеты в традиционную одежду, к их ногам были привязаны бубенчики (*clopoṭei*). Участники обхода исполняли танцы, которые местные жители обозначают терминами *hor* и *s rb*, пели, подпрыгивали. Большинство местных жителей воспринимало их танцы как развлечение, хотя некоторые утверждают, что они могли излечивать больных. «Хозяева домов, к которым они подходили, давали им деньги. Быть вовлеченным в их танец (*a ntra n hora c nd jucau ei*) считалось большой удачей. Девушки заранее готовились к их приходу и надевали свои лучшие наряды. По словам жителей с. Мэлая, *c luşarii* перестали приходить в село после того, как однажды произошла драка между ними и парнями из Мэлай»¹⁷⁶.

Г. И. Кабакова отмечает, что от *cal* «конь» с помощью деминутивного суффикса *-uş* образовано валашское название как самого обряда, так и знамени участников *c luş*, а также и самих участников — *c luşar(i)*, локальное (Долж) *c luşiṭe* и др.¹⁷⁷

Один из атрибутов участников обряда — конская голова на шесте. Указанные в работе Г. И. Кабаковой пункты фиксации обряда (Банат, Долж, Олтения, Западная Мунтения)¹⁷⁸ образуют южный ареал, соседствующий с болгарской территорией¹⁷⁹. В той же (олтянской) форме это название (*калушари*) обозначает обход целителей в Северной Болгарии¹⁸⁰, что, очевидно, объясняется прямым заимствованием названия из румынского. Что касается самого обряда, то в болгарских областях он исполняется уже без конской головы, основного атрибута, породившего название всего обряда. Другие сакральные характеристики сохраняются: ритуальный танец, излечивающий больных; обрядовые атрибуты (знамя, шесты и др.).

Существует и иное название этой обрядовой группы у болгар — русалии; оно связано с приуроченностью обряда к Троице (как и у румын), болг. Русаля, Русалия, а также и с другим значением термина — русалии «опасные мифологические существа, появляющиеся на Троицу». Как известно, уподобление сверхъестественным существам на период исполнения ритуала (с последующим очищением) — необходимое условие достижения результата «преображения», которое соблюдается и у румын, и у болгар.

В региональной традиции под Бузэу нами также был зафиксирован термин *Rusa lii (le)* в двух значениях — «праздник Троицы» и «опасные на Троицу мифологические существа»: *c te ia rusa liile... și te du ce* — «если будешь работать на Троицу, тебя заберут русалии и унесут». (Вопрос о происхождении в румынском языке и его диалектах лексемы *Rusa lii* «Троица», существующей именно в этой форме, следует рассматривать с привлечением широкого славянского контекста бытования данного хрононима.)

Ареальный критерий, а именно общий южно-румынско-североболгарский ареал обряда *s lușar(i)*, свидетельствует либо в пользу культурного заимствования из румынского (вместе с названием), либо его общих дако-фракийских корней (ср.: культ коня в древней Фракии¹⁸¹).

6. Окказиональный обряд вызывания дождя с обходом домов и обливанием водой основной участницы/участника (или всех участников), называемый *paparu da*, в традициях Олтении и Мунтении фиксируется достаточно последовательно. Он известен во всех балканских традициях, славянских и неславянских (помимо румынской, в греческой и албанской). Его другое, также распространенное название — *dodola*.

У южных славян восточной части Балкан преобладают наименования типа *peperuda*, в западной — *dodola*¹⁸², что подтверждается и этнолингвистическими исследованиями балканских

неславянских традиций, албанской и греческой¹⁸³. Обряд представляет собой ярко выраженный балканизм по ареальному критерию. По мысли В. В. Иванова и В. Н. Топорова, оба его названия связываются с индоевропейским наследием, отраженным в латыш. *dūdina pērkuonin* «погромыхивает громом»¹⁸⁴.

7. Окказиональный обряд вызывания дождя, во время которого исполняется имитация похорон специально сделанной для этого куклы, называемой *Caloia n (Scaloian)*, в полевых исследованиях отмечен только в мунтянской традиции (регион Бузэу), в западной и средней части этого региона¹⁸⁵. На вопрос, что такое *Paparuda*, собеседница родом из с. Грабичина (коммуна Скорцоаса) под Бузэу объяснила, что «папаруда» совершалась, когда не было дождей: «Мы делали Калояна». Из земли лепили человечка, клали на дощечку его, цветы; два парня несли Калояна, один парень нес крест; шла молодежь и пожилые женщины, которые кричали и плакали по-настоящему. Детей в процессии не было, зато участвовали сельский священник и дьякон. Когда куклу пускали по реке вниз по течению, то бросали туда и крест, зажигали свечи, а старые женщины причитали, как по покойнику:

*Caloie ne, Ie ne, Ie ne,
deschi de porti țele,
s cu rg ploii țele.
C de c nd n-a mai ploua t,
tot p m ntu s-a cr pa t
și ia rba s-a usca t...*

(Калоян, -ян, -ян, открой воротца, чтобы полились дождички, потому что с тех пор, как у нас не было дождя, вся земля потрескалась и трава высохла...) ¹⁸⁶

После этого прямо около воды устраивали поминки. В предгорном с. Сэрата-Монтеору обряд совершался детьми: «Когда мы были детьми, мы делали Калояна»: лепили из глины туловище, голову, глаза, руки, ноги, на доске («носилках») в коробочке («гробу») Калояна, обложенного цветами, несли на речку, при этом плакали и причитали, как по покойнику. «Его бросают в воду, чтобы пришел Калоян с водой». Пели: «Калоян, -ян, дай, Господи, чтобы пошел дождь...», после чего справляли поминки у воды (поминки готовили старики, но ели только дети — участники обряда). В этом селе священника и дьякона изображали сами дети. При этом обряд был приурочен к пасхальным праздникам (за два-три дня до Пасхи).

Обряд *Caloia n*, по сведениям этнографических источников¹⁸⁷, практиковался на юго-востоке и востоке страны (регион Тульчи в Добрудже; Брэила, Яломица, Бузэу в Мунтении, далее на север — Яши,

Сучава). На территории всей Северной и ряде областей Восточной Болгарии (включая Странджу) известен аналогичный обряд, называемый *Герман*, реже *Георги*, *Гошой* т. п., а в Северной Добрудже также и *(С)калоян*, *Кабаиван*¹⁸⁸.

Болгарские варианты обряда несколько отличаются от записанных вариантов под Бузэу в Мунтении: например, болгары куклу закапывают¹⁸⁹ у воды (иногда на 3-й, 9-й, 40-й день выкапывают и бросают в воду, в придунайских селах сразу бросают в воду); могут заменить мертвой или живой лягушкой, котом, гусем и пр.; возвращаясь в село, женщины переходят от плача к смеху¹⁹⁰. Если в мунтянских причитаниях по Калояну присутствует обращение к условному герою — погребаемой кукле за помощью (его просят открыть воротца или отправляют за ключами от них¹⁹¹), то для болгарских мотивов причитания по Герману характерно описание трудовой жизни Германа, который умер от засухи¹⁹².

Тем не менее структура имитации похорон, процедура формирования главного субъекта обряда и его именование, обязательные атрибуты похоронной процессии указывают на единый тип обряда. Восточная локализация единого болгарско-румынского ареала обряда, который неизвестен в других балканских и славянских зонах, свидетельствует о его общих древних корнях, видимо местно происхождения.

8. Женские мифологические существа, предсказывающие судьбу новорожденного *ursitoare* и т. п., отмечены в полевых исследованиях и в Олтении, и в Мунтении. В Сэрата-Монтеору под Бузэу о них говорят, что *ursitoa re* — это три женщины в черном, которые предсказывают судьбу ребенка при рождении; в соседнем с. Дара вечером перед их предполагаемым приходом красиво накрывали стол, клали золото, деньги и другие вещи (например, книги, карандаш), чтобы повлиять на будущую судьбу ребенка. Любопытно, что, по полевым записям из Олтении, одна из этих трех существ — румынка, другая — венгерка, третья — цыганка (возможны и другие похожие варианты, отражающие этническую пестроту соседних регионов). Там родители в первую ночь после рождения ребенка готовили угощение для этих мифологических существ «стол предсказательниц», где размещали еду и напитки, чтобы предсказательницы были добры к ребенку¹⁹³.

Соответствующие им персонажи известны по всей Южной Славии, а также в редких регионах у восточных славян (гуцульщина)¹⁹⁴; есть и отдельные сведения о существовании таковых у западных славян. В Греции их называют «мойры», однако в болгарские и румынские традиции пришло несколько иное заимствование из греческого, от *οριζω*

«определить, установить», ср.: серб.-хорв. *odurisati* «определить, назначить» (XV в.)¹⁹⁵.

Наименования от этого корня *орисници*, *урисници* и т. п. распространены в Центральной и Северной Болгарии, а также фиксируются и на юге в соседствующих с Грецией регионах, однако там, как и в Македонии, преобладает термин славянского происхождения — наречници и под., от **rek-*¹⁹⁶.

Такое перераспределение грецизмов и славизмов (грецизм — на севере, славизм — на юге Балкан), очевидно, связано со стремлением славянских народов, проживающих в зонах, контактных с греческими, сохранить свой исконный лексический фонд. В результате на севере балкано-славянской зоны образуется единый с румынским ареал названий женских демонов судьбы, восходящих и по праву определяемых как балканские грецизмы¹⁹⁷.

9. Представления о мифологических существах в облике чудесных девушек, оставляющих следы в виде необычного круга травы после ночного танца, зафиксированы в полевых исследованиях и Олтении, и в Мунтении. В Олтении после танца персонажей, называемых *le sfinte* «те святые», «трава либо выжжена, либо более темная и сочная, чем в других местах»¹⁹⁸. В мунтянских представлениях под Бузэу там, где водили хоровод *ie le(le)* («они», табуированное именование), трава оставалась засохшей, выжженной, нетронутой оставалась только середина (с. Бышчень, коммуна Мынзэлешть).

Представления о круге необычной травы (приямтой, сухой, почерневшей, утопанной вокруг дерева, обозначенной кругом ядовитых грибов и т. д.) фиксируются практически повсеместно в восточной части Южной Славии, серб. *вилно коло*, *вилнско коло*, болг. *самодивско хоро*, *самодивско игриште*, макед. *самовилско место*¹⁹⁹.

Другой признак, по которому эти румынские и соответствующие южнославянские мифологические существа идентифицируются как единый тип персонажей, — это ветер, вихрь, в котором они танцуют ночью и который приносят вместе со своим появлением (*luat de iele* «закрученный вихрем»). Одно из их румынских наименований — *V ntoasele* «ветренные, ураганные»²⁰⁰; у южных славян подобным представлениям соответствуют македонские, болгарские и восточносербские верования, образующий единый ареал²⁰¹.

Появление этих персонажей вместе с ветром, вихрем определяется в ряде мест на крайнем западе Южной Славии, но этот факт в большей степени характеризует этногенез южных славян.

В этот балканский набор признаков мифологических персонажей следует включить и поверье в заболевание от «вил», «самовил» у южных славян, ср.: рум. *luat din iele* «парализованный»²⁰². Анало-

гичные греческие персонажи («нереиды») и албанские («заны», «оры») обладают тем же набором признаков (помимо прочих других). Это случай формирования балканизма в содержательном, экстралингвистическом плане — основные наименования же данных персонажей почти во всех случаях автохтонны (романского, славянского, греческого происхождения).

10. Поверья о демонологических свойствах ребенка, рожденного в рубашечке, точнее в шапочке (*cu tichi e pe cap*), который считается потенциальным вампиром после смерти, зафиксированы в Олтении. При полевом обследовании под Бузэу нам не удалось зафиксировать подобные поверья, но, по сведениям из того же региона, собранным в конце XIX в., аналогичные верования в Мунтении существовали: люди верили, что ребенок, рожденный в шапочке (*cu s iŃ pe cap*), после смерти превратится в вампира²⁰³.

У южных славян (сербов, черногорцев, хорватов, словенцев) свойства демона при жизни и после смерти приписывались ребенку, рожденному в рубашке (*y koшуљици*). В восточной части южнославянского культурного континуума, родившийся в рубашке считался счастливым, непобедимым, обладающим героическими свойствами, причем для сербской традиции характерны оба типа по-

верий, при этом Западная Сербия по этому признаку противопоставлена восточной части²⁰⁴. Поверья об отрицательных демонических свойствах ребенка, рожденного в рубашке, отмечены также в Северо-Восточной Сербии, примыкающей к юго-западным румынским областям. Однако редкое по частотности сходение румынских поверий с традициями именно западной части Южной Славии требует специальных дополнительных изысканий.

Представленный выше список румынско-южнославянских культурно-языковых соответствий можно считать открытым. Уплотнение сетки полевого обследования румынских локальных традиций по единому этнолингвистическому вопросу будет способствовать увеличению подобных аналогий и их интерпретации.

Многие вопросы происхождения тех или иных явлений в терминологической лексике народной духовной культуры и соответствующих контекстах ее функционирования могут быть прояснены только при сопоставлении ареалов на основе картографирования материала, собранного в Карпатах по густой сетке.

Гуров Н. В., Дубянский А. М.

ДРАВИДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЮЖНОАЗИАТСКОГО ЯЗЫКОВОГО АРЕАЛА

Дравидийские языки входят в южноазиатский языковой союз вместе с индоарийскими языками, языками мунда (австроазиатская семья) и некоторыми тибето-бирманскими языками. В пределах Индии они составляют важный компонент индийского языкового ареала.

В связи с этим важно отметить, что работа по проекту производилась во взаимодействии с двумя другими проектами, которые координируются группой «Языки мира» Института языкознания РАН — проекта по современным индоарийским языкам и проекта по австроазиатским языкам. Такое взаимодействие позволило описать структуру дравидийских языков не только в ареальном, но и в структурно-типологическом плане. Помимо всего прочего, благодаря этому описанию выявлено соотношение исконных и благоприобретенных черт дравидийских языков.

Есть основания полагать, что эта семья восходит к древнейшему языковому слою Индийского

субконтинента. Как показали исследования письменности протоиндийской цивилизации (3500–2000 гг. до н. э.), структура языка, на котором говорили древние жители долины Инда, более всего соответствует структуре дравидийских языков. Протоиндийская цивилизация пришла в упадок еще до прихода в Индию арийских племен, и люди, населявшие ее города и селения, стали мигрировать в разные части индийской территории, смешиваясь с другими этносами — австроазиатскими аборигенами и теми же ариями. Как полагают, в результате этого длительного и сложного процесса произошло образование собственно дравидийских языков.

Серьезное знакомство европейцев с индийскими языками вообще и дравидийскими в частности относится к началу колонизации Индии. В хлынувшем в Индию после визита Васко да Гамы в 1480 г. потоке чиновников, миссионеров, военных находились люди, проявлявшие живой интерес к местной культуре. Постепенно проявлялась и языковая

ситуация, хотя многие важные ее аспекты долгое время не были известны европейцам. Так, еще в XVI в. некий Фернандо Лопец де Кастаньеда писал о четырех языках Южной Индии, однако считал их производными от санскрита. Это заблуждение существовало довольно долго. Уильям Кэрри, глава колледжа Форта Уильямс в Калькутте в 1816 г., произвел лингвистический обзор Индии и отметил единство тамильского, каннада и телугу, но также возвел их к санскриту.

Однако ближе к середине XIX в. стали появляться и другие суждения. Р. Стивенсон заподозрил, что в языках Южной Индии много общих слов, которые не могут быть возведены, как он выразился, к брахманическому языку. А норвежец Кристиан Лассен в 1844 г. установил, что язык брахуи следует связывать с Южной Индией. К этому следует добавить, что к тому времени уже существовали описания таких языков, как мальто, тода, брахуи, гонди, бадага, куи и др. Конечно, их авторы работали на уровне своего времени и рассматривали эти языки просто как языки аборигенов, но накопленный таким образом материал позволил подойти к важным обобщениям. В 1856 г. появилась эпохальная книга Р. Колдуэлла «Сравнительная грамматика дравидийской, или южноиндийской, семьи языков»²⁰⁵. Р. Колдуэлл впервые обособил группу языков, названную им дравидскими, от индоарийской, коларийской (мунда) и гималайской (тибето-бирманской), причем отметил наличие влияния языков этой группы на другие индийские языки. В русле открытий Колдуэлла двинулись другие ученые, в т. ч. Стен Конов, автор пяти томов в многотомном компендиуме²⁰⁶, в котором число дравидийских языков увеличилось с 12 до 15.

Несмотря на то что вопрос о влиянии дравидийских языков на индоарийские ставился по крайней мере с середины XIX в., ученые-индоевропейцы довольно долго игнорировали эти данные. «Санскритский этимологический словарь»²⁰⁷, равно как и «Индоевропейский этимологический словарь»²⁰⁸ не обращаются к работам Колдуэлла и других дравидологов. Лишь Манфред Майрхофер в своем этимологическом словаре, издававшемся с 1956 г., стал учитывать данные дравидологии²⁰⁹.

Появившийся в начале XX в. компендиум Дж. А. Грирсона, ставший самой известной обобщающей работой по языкам Индии, содержал краткие описания отдельных индийских языков. Предложенная в нем классификация дравидийских языков по трем группам — северной, центральной и южной, в основном принята и сейчас. Но в целом этот труд давно устарел и нуждается в многочисленных дополнениях и исправлениях на основании обширной литературы по соответствующим языкам, появившейся за последние 100 лет. Кроме того, целый ряд

языков Южной Азии, представляющих значительный интерес как для индологической лингвистики, так и для общей типологии, остался за рамками грирсоновской энциклопедии — сюда относятся, в частности, целый ряд языков Индийского субконтинента, почти или полностью неизвестных исследователям в начале века. Не следует также забывать, что компендиум Грирсона не затрагивал проблемы развития и эволюции индоарийских языков и ареальных контактов между ними.

Между тем в XX в. дравидология достигла больших успехов благодаря работам таких ученых, как Ж. Блок, М. Б. Эмено, Т. Барроу, Ф. Б. Я. Кёйпер, К. Звелебил, С. Бхаттачарья и др.²¹⁰ Достаточно назвать такую важнейшую веху в истории изучения дравидийских языков, как «Дравидский этимологический словарь» Эмено и Барроу²¹¹. Обобщающие работы последних десятилетий, принадлежащие перу таких индологов, как К. Масика, Г. А. Зограф, М. С. Андронов, Б. Кришнамурти и др.²¹², продемонстрировали, насколько насущной является задача описания важнейших языков Индии в рамках одного издания и по единой исследовательской схеме. Применение такой единой типологической схемы позволит вывести на новый уровень как понимание грамматической основы дравидийских языков, так и изучение их взаимодействия с другими языковыми семьями Южной Азии и проблемы формирования южноазиатского языкового союза. Данное исследование, таким образом, способствовало разработке фундаментальной проблемы возникновения и развития языковых союзов в целом.

Необходимо такое обобщающее исследование и для общего и типологического языкознания. До последнего времени типологическая характеристика языков Южной Азии и в отечественном, и зарубежном языкознании преимущественно ограничивалась материалами нескольких наиболее известных языков этого ареала, таких как хинди-урду, бенгальский, маратхи и тамильский. Привлечение максимально большого количества языков, в т. ч. и малоизвестных, к структурно-типологическому описанию на едином научном основании может дать новые результаты как для общей типологии, так и для дравидийской лингвистики.

В настоящее время носители дравидийских языков в подавляющем большинстве проживают в Республике Индия. Исключение составляет язык брахуи (ок. 1,7 млн чел.; оценка 1991 г.), на котором говорит часть населения Центрального и Восточного Пакистана (провинция Белуджистан, Синд), Южного Афганистана и Западного Ирана (долина р. Хильманд).

В пределах Индии основная масса дравидоязычного населения сосредоточена на юге, на террито-

рии штатов Тамилнаду, Керала, Карнатак и Андхра-Прадеш, где языки тамильский (св. 53 млн чел.; оценка 2001 г.), малаялам (св. 30 млн чел.; оценка 2004 г.), каннада (ок. 33 млн чел.; оценка 2004 г.) и телугу (св. 66 млн чел.; оценка 2004 г.) признаны официальными языками.

В тех же южных штатах распространены относящиеся к дравидийской семье языки тода (1,6 тыс. чел.; горы Нильгири и прилегающие к ним районы на границе штата Тамилнаду, Керала и Карнатак), кота (1,4 тыс. чел., тот же район), ирула (ок. 5 тыс. чел.; тот же район), кодагу (ок. 100 тыс. чел.; округ Кург, штат Карнаката), куруба или курумба (ок. 10 тыс. чел.; тот же район), бадага/бадагу/вадагу (св. 120 тыс. чел.; тот же район), тулу (ок. 1,7 млн. чел.; округ Юж. и Сев. Канара, штат Карнаката; округ Касаргод, штат Керала), корага (ок. 1,5 тыс. чел., округ Юж. Канара, штат Карнаката).

На территории штатов Махараштра, Чхаттисгарх, Мадхья-Прадеш, Джаркханд и Орисса, расположенных в Центральной Индии, проживают племена и народности, говорящие на дравидийских языках колами (ок. 100 тыс. чел.), найкри (ок. 2 тыс. чел.), найки/найки-чханда (ок. 54 тыс. чел.), парджи/породжа/дхурва (ок. 50 тыс. чел.), гадаба (ок. 30 тыс. чел.), оллари (ок. 10 тыс. чел.), гонди (самоназвание коитор) с диалектами гонди, мариа, койя, муриа и др. (св. 2,5 млн чел.), конда или куби (самоназвание конда-дора) (св. 30 тыс. чел.), пенго (ок. 2 тыс. чел.), манда (численность неизвестна), куи (самоназвание куинга; другие наименования: кандх, кхонд, коду) (ок. 700 тыс. чел.), куви (самоназвание кувинга; другие наименования: кхонд, коду, коджу, саманту, джатапу) (ок. 250 тыс. чел.).

На территории штатов Бихар, Мадхья Прадеш и Орисса распространен язык курукх или ораон (ок. 1,4 млн чел.), а к северу от него, на Раджмахальской возвышенности (штат Бихар) — близко родственный ему язык малто (св. 100 тыс. чел.).

За пределами Южной Азии отдельные группы дравидоязычного населения проживают в настоящее время на островах Индийского и Тихого океанов (Республика Маврикий, Республика Фиджи и др.), в странах Юго-Восточной Азии (Мьянма, Малайзия, Сингапур и др.) и в Южной Африке.

В состав дравидийской семьи входит, таким образом, 25 языков и свыше 50 диалектов. В настоящее время на дравидийских языках говорит около 220 млн чел.²¹³ Свыше 85 % из них пользуются четырьмя языками: телугу, тамильским, каннада и малаялам.

В современной дравидологии остается недостаточно исследованным вопрос о генетических связях дравидийской семьи языков с другими языковыми семьями, несмотря на то что, начиная с Р. Колдуэл-

ла, различные ученые пытались сопоставить дравидийские языки с языками самых различных семей и структурных типов. Наиболее убедительной и перспективной представляется гипотеза о родстве (или тесных праязыковых контактах) между дравидийскими языками и уральскими (финно-угорскими и самодийскими) языками. Заслуживает внимания также гипотеза о родстве дравидийских языков с эламским языком²¹⁴, однако делать какие-либо определенные выводы по этому поводу в настоящий момент преждевременно ввиду недостаточной изученности эламского материала.

До начала 1960-х гг. общепринятой считалась классификация, предложенная Ст. Коновом и Дж. А. Грирсоном, согласно которой дравидийские языки подразделялись на три группы: 1) южную (тамильский, малаялам, каннада, телугу, кодагу, кота, тода и тулу); 2) центральную (гонди, куи, куви, парджи, колами); 3) северную (курукх, малто, брахуи).

Эта классификация с некоторыми дополнениями за счет вновь открытых и описанных дравидийских языков была принята в работах многих ученых еще в 1970-х гг. В 1975 г. Бх. Кришнамурти разработал новую схему классификации дравидийских языков, выделив в составе дравидийской семьи наряду с северной (курукх, малто, брахуи) и центральной (колами, найки, парджи, гадаба; возможно также — тулу, корага и беллари) группами большую группу южнодравидийских языков, делящуюся, в свою очередь, на две подгруппы: южнодравидийскую I (тамильский, малаялам, каннада, кодагу, тода, кота, ирула, куруба и др.) и южнодравидийскую II (телугу, гонди, конда, пенго, манда, куи, куви).

М. С. Андронов²¹⁵ подразделяет дравидийские языки на семь групп: 1) северо-западную (брахуи); 2) северо-восточную (курукх, малто); 3) центральную (колами, найки, парджи, гадаба); 4) гондванскую (гонди, пенго, конда, манда, куи, куви); 5) юго-восточную (телугу); 6) юго-западную (тулу, корага, беллари); 7) южную (тамильский, малаялам, каннада, кодагу, тода, кота, куруба, корава; к этой же группе следует отнести и малоизученные языки ирула и касаб).

Наиболее совершенными представляются классификации, приведенные в работах Кришнамурти²¹⁶ и Андронova²¹⁷, поскольку первая точнее других отражает диахроническую реальность — динамику исторического развития дравидийской семьи от распада первичной (праязыковой) общности до образования современных языков, а вторая наиболее четко фиксирует соответствия между отдельными дравидийскими языками в синхронном плане.

Историческое развитие отдельных дравидийских языков и их групп недостаточно исследовано.

Большинство исследователей признает существование протодравидийской языковой общности, распадение которой, по данным глоттохронологии (М. С. Андронов), началось в 4-м тысячелетии до н. э. Предполагается, что миграции носителей дравидийских языков на территории Индийского субконтинента происходили раньше, чем миграции носителей других языков южноазиатского лингвистического ареала (индоарийских языков и мунда языков).

Судя по данным культурной лексики, носители дравидийских языков уже на протодравидийском этапе занимались (наряду со скотоводством и охотой) подсечным, а затем пахотным земледелием. О развитии земледельческой культуры протодравидов говорит наличие в составе протодравидийского культурного слоя целых серий терминов, связанных с различными стадиями этого производственного процесса — пахотой, севом, сбором урожая, обмолотом зерна. Наряду с земледелием большую роль в жизни протодравидов играло также (по данным лингвистической археологии) пастбищное (скорее всего кочевое или полукочевое) скотоводство. На протодравидийском (а также «прадеканском») уровне обнаруживается целый ряд терминов, свидетельствующих также о том, что протодравидам были знакомы такие виды ремесел, как гончарное дело, прядение, ткачество, плотницкое ремесло, плетение корзин и т. д.

Для фонологической системы дравидийских языков типична реконструируемая для протодравидийского языка модель, насчитывающая 5 пар чистых гласных фонем, различающихся по долготе-краткости и 18 согласных — 6 рядов смычных (велярные, палатальные, ретрофлексные, альвеолярные, денальные, лабиальные: парами шумный — носовой) и 6 щелевых и сонантов (в т. ч. щелевой и латеральный ретрофлексного ряда). Придыхательные смычные и сибиланты отсутствуют. Позиционная и комбинаторная дистрибуция фонем характеризуется рядом ограничений: недопустимость зияния, отсутствие в начальной позиции ретрофлексных, альвеолярных, латеральных и вибрантов (дрожащих); ограничения на сочетаемость согласных и др. Противопоставление глухих и звонких согласных нефонематично; смычные шумные представлены напряженными и ненапряженными вариантами, различающимися также по дополнительному признаку звонкости-глухости.

В современных дравидийских языках изменилась дистрибуция некоторых протодравидийских фонем, образовались новые фонологические единицы за счет фонемизации позиционных вариантов (например, фонемизации назализованных гласных наряду с «чистыми» в таких языках, как

куви, курукх и брахуи; сокращения ретрофлексного ряда с утратой во всех языках, кроме тамильского и малаялам, ретрофлексного щелевого; утраты во всех языках, кроме тамильского, фонемного статуса альвеолярных смычных; фонемизации звонких и глухих, а также аспирированных и неаспирированных согласных и т. д.). Изменяется также комбинаторная и позиционная дистрибуция гласных и согласных.

Для морфологии дравидийских языков характерно сочетание аффиксального словоизменения и словообразования с развитым аналитизмом. Морфема, как правило, односложна; наиболее характерный тип корневой морфемы — (C)VC и (C)V. Преобладающий тип морфемной связи — суффиксальная агглютинация. Средняя длина морфемной цепочки 3–4 морфемы, максимальная — 9–10 морфем.

Система частей речи включает 3 класса знаменательных слов: 1) имена с подклассами имен существительных, прилагательных, числительных, подражательных (имитативных) слов и наречий; 2) местоимения; 3) глаголы (с подклассами личных и неличных форм), а также служебные слова (послелого, союзы, союзные слова, частицы) и междометия.

Имя характеризуется грамматическими категориями числа, рода, падежа, склонения и притяжательности. Категория рода, отмеченная во всех языках, кроме тода, куруба, касабана и брахуи, носит лексико-грамматический характер.

В единственном числе в большинстве дравидийских языков к мужскому роду относятся названия лиц (и мифологических персонажей) мужского пола. Эта группа противопоставляется всем прочим одушевленным и неодушевленным предметам (немужской род; включающий, в частности, наименование женщин). В языках тамильском, малаялам (диалекты), каннада, ката, тода, кодагу, тулу и пенго, наряду с мужским родом, выделяется также граммема женского рода (человеческие существа и мифологические персонажи женского пола). В этих языках, таким образом, наименования детей, животных и неодушевленных предметов относятся к одной и той же родовой категории — среднему роду.

Во множественном числе в языке пенго сохраняется оппозиция мужской/женской/средний род, а в других языках Центральной Индии (группы парджи-колами и гонди-куи) оппозиция мужской/немужской род; в южнодравидийских языках (классификация М. С. Андропова), а также в языках тулу, корага, телугу, курукх и малто выделяются названия групп людей (в т. ч. организованных коллективов) — эпиценовый род, противопоставленные названиям групп животных и

неодушевленных предметов — средний род. В отдельных диалектах тамильского и каннада имена множественного числа не различаются по категориям рода (общий род, формально совпадающий со средним).

В склонении имен различаются 2 основные формы падежа — именительный падеж и общекосвенный (атрибутивный), который в большинстве дравидийских языков выступает как основа для образования конкретных падежей и дифференцирует типы склонения. Грамматические значения конкретных падежей передаются с помощью аффиксов и послелогов. Число падежных форм колеблется в различных языках от 4–5 до 10–11. Категория притяжательности выражается особой притяжательной (посессивной) формой, образованной от атрибутивной формы имени обладателя (или имени обладаемого) с помощью местоименных показателей рода и числа. Притяжательная форма означает «относящийся к (принадлежащий) данному предмету/лицу, наделенный данным признаком». Притяжательные формы всех именных подклассов изменяются как имена существительные.

Все названные грамматические категории характерны для двух подклассов имени — существительных и числительных. Прилагательные изменяются только по категории притяжательности (но в атрибутивной форме неизменяемы), наречия — по категориям притяжательности и падежа, подражательные слова — по категориям числа и падежа. Числительные подразделяются на количественные и порядковые.

Подкласс наречий в дравидийских языках, как и во многих других языковых семьях, включает значительное количество слов и лексикализованных словосочетаний, соотносимых с другими именными подклассами (существительными, прилагательными, числительными) и грамматическими классами (местоимениями, неличными формами глагола). Ядро подкласса наречий составляет группа слов пространственной и (или) временной семантики («верх», «низ», «прошлый»/«задний», «передний»/«будущий», «вчера», «завтра» и т. д.). Будучи нейтральными по отношению к категориям рода и числа, они сохраняют в то же время категории склонения и притяжательности. Морфологические характеристики наречий позволяют рассматривать их как имена с «дефектной» или, если наречие формально совпадает с какой-либо одной именной словоформой, нулевой парадигмой.

К подклассу подражательных (имитативных) слов относятся слова, передающие человеческие ощущения, как «внешние» (слуховые, зрительные, обонятельные, тактильные, кинестетические), так и «внутренние» (интрацептивные, эмоциональ-

ные): например, «журчание (воды)», «быстрота, проворство», «вспышка», «приятный запах», «блеск, сияние», «раздражительность» и т. д. Фонологическая и ритмическая структура имитативных слов обнаруживает сходные черты в различных дравидийских языках: наиболее характерные типы — $C_1V_1CVC_2V_1$ (встречается обычно в удвоении) и $C_1V_1C_2V_2C_3$.

Местоимения в функциональном плане делятся на местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и местоимения-наречия. По лексико-семантическим признакам выделяются личные, возвратные, указательные и вопросительные, в южнодравидийских языках, телугу и куи — также собирательные местоимения. В большинстве дравидийских языков имеется особая форма инклюзивного личного местоимения (я/мы + ты/вы). Указательные местоимения различают несколько дейктических подразрядов (4 «плана» — в куи и куви, 3 — в тулу, пенго, манда, курукх и брахуи, 2 — в остальных дравидийских языках).

Класс глаголов характеризуется противопоставлением нескольких образованных от одного корня основ — переходных и непереходных, а также позитивных («делать») и негативных («не делать») основ. Переходные и негативные основы в большинстве дравидийских языков маркируются особыми аффиксами. В словоизменении и словообразовании глагола используются также аналитические формы, образующиеся с помощью глаголов-связок «быть, существовать» и «становиться, делаться кем-либо/чем-либо». В функции вспомогательных глаголов используются также глаголы со значением «уходить», «ставить», «класть», «падать», «есть», «желать», «мочь» и т. д.

Глаголу присущи словоизменительные категории времени, наклонения, лица и числа. Временная система основана на противопоставлении прошедшего и настоящего-будущего (общего) времени. На современном этапе развития дравидийских языков наблюдается тенденция к формальному разграничению настоящего и будущего времени и к усложнению временных оппозиций видовыми (граммемы длительности, завершенности и т. д.), в результате чего в различных дравидийских языках насчитывается от 2 до 5–6 временных форм.

Категория наклонения включает формы изъявительного и нескольких косвенных наклонений — повелительного, желательного, сослагательного и пермиссивного, в некоторых языках также условно-предположительного. Категории рода, лица и числа являются согласовательными. Залог как особая грамматическая категория отсутствует. Типичная структура личной формы: основа + (аффикс переходности) + (аффикс негатив-

ности) + аффикс времени, склонения + аффикс лица, рода, числа.

В группу неличных форм глагола входят причастия, деепричастия, инфинитивы, супины, глагольные имена (имена действия), причастные имена и условно-временные деепричастия. Неличные формы глагола дравидийских языков сохраняют свойственную этому классу слов активную синтаксическую валентность (управление субъектом, косвенным или прямым объектом и т. д.). Они сохраняют также связь с категориями переходности, позитивности/негативности и времени. В большинстве дравидийских языков «негативность» (отрицание действия) выражается особым набором личных и неличных форм.

Служебные слова генетически соотносятся со знаменательными: послелогои восходят, как правило, к падежным словоформам существительных и к наречиям, союзы и союзные слова — к неличным формам связочных и вспомогательных глаголов.

Сфера употребления частиц в дравидийских языках охватывает различные языковые уровни — предложения, словосочетания, словоформы. Частицы служат как для выражения (или коннотации) некоторых конкретных грамматических значений (звательный падеж, условно-предположительное склонение в языках тулу и найки; сослагательное склонение в парджи, куви, курукх), так и для выражения различных оттенков отношения говорящего к содержанию высказывания — вопрос, сомнение, эмпфаза или к собеседнику — категория вежливости. Особым видом частиц являются форманты, образующие так называемые эхо-слова. Этот тип сложных частиц придает значению слова, к которому они присоединяются, пренебрежительно-снихождительный оттенок. При этом парное слово полностью воспроизводит фонологическую структуру исходного слова с заменой инициального слога звуковым комплексом *ki-/gi-* (в телугу и языках группы парджи-колами также *ti-, ti;* в брахуи *m-*).

Основные способы словообразования — суффиксация и словосложение. Наиболее распространенные типы сложных слов — сочинительный («отец + мать» > «родители») и детерминативный («дерево + коробка» > «деревянная коробка»).

Для синтаксиса характерен фиксированный *порядок слов* в простом предложении [подлежащее + (дополнение) + сказуемое] и атрибутивной синтагме [определение + определяемое]. Вопросительные предложения и сочинительные словосочетания образуются с помощью особых частиц. Характерно

употребление (в утвердительной и отрицательной форме) двух связок со значением «быть, существовать» и «являться, делаться». Именное сказуемое без связки согласуется с подлежащим в роде и числе, если подлежащее выражено местоимениями первого (ед. и мн. числа) и второго (ед. число) лица — также и в лице. В сложноподчиненных предложениях функции придаточных выполняются, как правило, самостоятельными причастными, деепричастными, инфинитивными и глагольными оборотами.

Письменная и литературная традиция существует лишь на четырех «больших» языках Южной Индии (тамилском, телугу, каннада и малаялам). В каждом из этих языков используется особый вариант силлабической письменности индийского типа. Генетически все эти варианты восходят к древнеиндийскому письму брахми. Древнейшие эпиграфические памятники тамилского языка (надписи тамилским брахми) относятся к II–I вв. до н. э.; первые надписи на каннада и телугу датируются соответственно 450 г. н. э. и 575 г. н. э.; наиболее ранние надписи на малаялам — X–XI вв. Начало тамилской литературной традиции относится, по мнению большинства исследователей, к I в. до н. э. — III в. н. э. (героическая и лирическая поэзия «эпохи Сангам»). Литература на телугу, каннада и малаялам возникает в период раннего средневековья под влиянием санскритской классической литературы; самыми ранними памятниками на этих языках являются переложения древнеиндийского эпоса «Махабхараты» (каннада IX–X вв.; телугу — XI в.) и «Рамаяны» (малаялам — XIII в.).

Литературная традиция дравидийских языков Южной Индии характеризуется созданием особых форм литературного языка («высокий тамилский», «старый каннада», «книжный телугу»), отличающихся от разговорного языка стилизованной архаичностью фонологической и морфологической системы, и в литературных языках телугу, каннада и малаялам — обилием лексических заимствований из санскрита.

Остальные дравидийские языки Индии бесписьменны. В настоящее время в Индии в рамках федеральной образовательной программы в различных штатах осуществляется издание учебной литературы на языках, не имеющих своей письменности племен и народностей «адиваси», в т. ч. гонди, конда, куви, конда, куви, колами и др. Для издания текстов на этих языках используются модифицированные формы письма деванагари, ория, каннада и телугу.

РАННИЕ КОНТАКТЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

В настоящей статье рассмотрены результаты исследований, проведенных отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН в рамках проекта «Типы и хронология языковых контактов: тюркские языки» (по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»). Речь пойдет о свидетельствах наиболее ранних контактов тюркских народов, а именно свидетельствах, относящихся к пратюркскому языковому состоянию.

Пратюркский язык — это языковое состояние, существовавшее до хронологически первого разделения тюркского языка, отделения болгарской группы. Это отделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике и морфологии рядом ярких изоглосс, которые с полной определенностью свидетельствуют об относительно самом первом разделении языков²¹⁸. На глоттохронологическом дереве²¹⁹ соответствующий узел датируется около 100–0 г. до н. э. (эта дата могла бы быть верифицирована зафиксированным историческим событием: миграцией части сюнну из Западной Монголии на запад, через Северный Синьцзян в Южный Казахстан, на Сыр-Дарью в 56 г. до н. э.²²⁰). Но абсолютную датировку первого распада можно получить и другими методами. А именно встает проблема датировки иноязычных заимствований в пратюркский (т. е. таких, закономерные рефлекс которых мы находим и в болгарской группе, и в общетюркском) и из пратюркского (т. е. отражающих соответствующие фонетические особенности). Эти заимствования должны были происходить в результате контактов до первого распада, который таким образом получает датировку «не раньше чем».

Древнекитайские контакты пратюркского языка

Такую возможность предоставляют в первую очередь китайские заимствования. Для датировки китаизмов в пратюркском мы воспользовались уточненной периодизацией китайского языка С. А. Старостина²²¹. Оказывается, что в общем все лексические контакты пратюркского с китайским падают на эпохи Западной Хань (III в. до н. э. — рубеж эры) или Восточной Хань (рубеж эры — начало III в. н. э.). Учитываются следующие фонетические развития. Восточная Хань уже дает возможность предполагать переход латералов во фрикативные

перед краткими гласными²²² и даже $l > d$ в инициалах²²³. Окончательно переход $L > D$ установлен для раннего постклассического древнекитайского (с III в. н. э.), и тогда же окончательно $r, rh > l, lh$ ²²⁴. Переход $pr- > p-$ также окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском. Сочетания типа $Tr-$ дали ретрофлексные еще в Западной Хань. Терминаль $-r$ уже в классическом древнекитайском дала $-n$ ²²⁵. $Lh > \acute{z}h$ — перед кратким в Восточной Хань²²⁶, $T > \acute{c}$ — перед кратким в Восточной Хань.

Китайские параллели приводятся по базе китайских иероглифов, составленной С. А. Старостиным (проект «Tower of Babel»)²²⁷.

Позднедревнекитайские заимствования в пратюркский язык:

1. **(a)la u-k* «хижина, шалаш, маленькая юрта»: поздн.-др.-кит. *la-lia?* 廬舍 «деревенский домик».
2. (?) **altun*, чув. *ilt n* «золото»: поздн.-др.-кит. *dōn* 銅 «медь, латунь, бронза».
3. **gümül* «серебро»: др.-кит. *kəmliw* 金鏐, «bright silver».
4. **Temür* «железо»: поздн.-др.-кит. *tiēt-mhawit* 鐵物 «железная вещь», диал. *Tiēr-mwür*.
5. **kōnüg suv* «ртуть»: поздн.-др.-кит. **kōuŋ* 汞 «ртуть».
6. **bek* «титул»: поздн.-др.-кит. *pēk* 伯 «быть старшим, старейшиной рода».
7. **erig* «войско», первоначально «воинский строй, построение»: поздн.-др.-кит. *cjāt*, диал. *cjær* 節 «колени»; подразделение, звено, отряд».
8. **sü* «войско»: поздн.-др.-кит. *šwò* 戍 «охранять границы; пограничный гарнизон».
9. **biti-* «писать»: поздн.-др.-кит. *pit* 筆 «кисть для письма, инструмент для письма».
10. **kujn* «свиток, книга»: поздн.-др.-кит. *kwén* 卷 «reel, coil, volume».
11. **bengü* «вечный»: поздн.-др.-кит. *mwən* «be ten-thousand, myriad» 萬+ поздн.-др.-кит. *gók* «быть старым, древним».
12. **in* «правда»: поздн.-др.-кит. *ṭen* 貞 «to test, try out, correct».
13. **deng* «равный»: поздн.-др.-кит. *tēŋ?* «равный».
14. **dōn* «одежда»: поздн.-др.-кит. *tōn* «black straight robe».
15. **kög* «мотив»: поздн.-др.-кит. *khok* «музыкальное произведение, мелодия».

16. **sir* «цвет, краска, лак»: поздн.-др.-кит. 漆 *shjít* «lacquer tree, lacquer (*Rhus vernicuflua*)».
17. **jin ü* «жемчуг»: поздн.-др.-кит. 真 *čín* «настоящий, подлинный» + 珠 *čwo* «жемчуг».
18. **avli* «вид сокола»: поздн.-др.-кит. 鷂 *žawh* «ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*)».
19. **Turma* «редька, хрен»: поздн.-др.-кит. 土卵 *thārhwān* «ямс» (букв. «земляное яйцо»).

Что можно сказать о фонетической адаптации китаизмов в пратюркском? На более или менее надежных случаях заметны следующие моменты.

Консонантизм. Похоже, что в большинстве случаев китайские начальные непродыхательные взрывные адаптируются как пратюркские звонкие = слабые (и, возможно, продыхательные — как пратюркские глухие = сильные). Многообразная система позднедревнекитайских аффрикат, естественно, сводится к ПТ * и *j, который, видимо, был фонетически близок к аффрикате. Китайский латерал перед гласным заднего ряда адаптирован как ПТ *l, перед гласным переднего ряда — как ПТ *λ. Адаптация финалей -ŋ и -n как будто происходит однозначно (за исключением сомнительного случая **al-tun*). Большинство заимствований — из r-диалекта.

Вокализм. Долгота китайских гласных, пожалуй, никак не коррелирует с пратюркской долготой. Огубленные гласные и восходящие дифтонги с w-, как правило, передаются огубленными гласными, причем краткие — передними, долгие — задними, если не попадают во второй слог, где подвергаются гармонии по ряду с первым. Постклассические древнекитайские *iē* и *ē* адаптированы как ПТ **e* краткое закрытое, постклассические *ə* и *āi* как ПТ **e* краткое открытое (кроме * *er-ig* «войско» — неправильная этимология?).

Сам набор заимствованных слов очерчивает определенный круг культурного взаимодействия: ремесло — в частности, металлообработка, война, письменность, искусство, предметы роскоши, философские понятия. Датировки по фонетическим особенностям заимствований в совокупности указывают на III в. н. э. Как объясняется расхождение этой датировки с глоттохронологической (рубеж эры)? Если принять, что последняя соответствует времени выпадения первого слова из 100-словного списка, то следует полагать, что после этого еще по крайней мере три века разделившиеся тюрки продолжали довольно активные контакты и в их языках не проходило существенных фонетических изменений. В частности, из описанных выше связанных изоглосс для датировки третьей материала нет, также и для четвертой и пятой, но для первой получаем нижнюю границу: не раньше III в. н. э. (по слову **gümül* «серебро»). Что касается второго процесса, как будто наблюдается палатализация

*s перед *i — болгарская черта; впрочем, возможно, что в пратюркском она присутствовала не фонологически, а чисто фонетически; ср. упоминаемое О. А. Мудраком²²⁸ написание в орхонских надписях *sub* «вода» через руну S для переднерядных слов, т. е., возможно, с палатализованным.

Одним из свидетельств ранних китайско-тюркских контактов являются китайские транскрипции «варварских» слов, которые могут иметь отношение к ранним тюркам. Проблема языковой атрибуции записанных китайцами «сюннских» слов принадлежит к разряду «вечных» и имеет обширную литературу. Очевидно, что какой-либо прогресс в этой области может быть достигнут исключительно в связи с уточнением фонетических чтений использованных для записи иероглифов на момент записи, а также с уточнением фонетического облика слов предполагаемых языков-источников и соответствующими датировками. Нам показалось полезным пересмотреть эту лексику с использованием имеющихся новых данных и уточненной С. А. Старостиным исторической фонетики китайского языка.

Мы отдельно рассматривали более ранние транскрипции, в основном из «Исторических записок» Сыма Цяня (Ши цзи) и Хань шу, т. е. относящиеся к периоду –III — +III вв., и более поздние — после падения Восточной Хань, из Вэй шу и позже. Соответственно, транскрипции первого периода читаем в фонетике Западной и Восточной Хань, а второго периода — в фонетике постклассического древнекитайского (по С. А. Старостину). Оказалось, что для раннего, ханьского, периода фиксации слов из языка (языков?) сюнну имеется явное преобладание тюркских слов среди аппелятивной лексики. Титулатура и имена собственные — в меньшей степени тюркские, в большей — иранские, при этом имеются некоторые фонетические основания считать иранские по происхождению слова уже прошедшими через тюркскую языковую среду (как в случае с **hva-tuñ* > *yāt-tāj*). Возможно, иранская титулатура — наследие юэчжийского владычества. В поздний период все слова — тюркские; надежно иранских слов среди транскрипций не встретилось.

Пратюркские экзотизмы в китайском языке:

Ханьские транскрипции:

1. 撐黎 **thāñ-rāj* «небо» < **tanri*.
2. 瀧 **roŋ* «трон, ставка» < **oron*.
3. 徑路 **kēñh-rāh* «меч» < **Kiŋrak*.
4. 廓洛 **k(h)wā(k)-r(h)āk* «пояс» < **Kur-yak*.
5. 服匿 **bwək-ŋək* «сосуд для молока с узким горлом» < **bök-lüg* («сосуд» с пробкой).
6. 馱驪 **kwjāt-d(h)ē* «вид лошади» < **Katir* «мул».
7. 駙駘 **Łhāw-Łhā* «низкорослая лошадь» < **ilala* «плохая лошадь».
8. 驪驪 **d(h)ān-gēh/ kēh* «дикая лошадь» < **Taki*.

9. 蛩蛩 *g(h)oŋ-g(h)oŋ «вид (масть?) лошади» < *Koŋur «бурый».
10. 橐駝 *thāk-lhāj «верблюды» < *taj-lag «верблюжонок».
11. 馱脫 *γwā-lwāt «стоянки» < *Kol-ut.
12. 隔昆 *krēk-kwān «кыркызы» < *Kirkiř.
13. 匈奴 *ŋōŋ-nhā «сюнну» < *hunga.
14. 屠耆 *dā-grjaj «справедливый» < *dogro «прямой».
15. 谷蠡 *kōk-r(h)ə «вотчина» < *Kor(i)yi.
16. 且居 *chiá-ka титул < *ika-n.
17. 稽粥 *kjāj-tauk имя собств. < *Kařik «твердый».
18. 呼廚泉 *wā-řwa-zjwan имя собств. < *oto i-n «лекарь».

Постклассические транскрипции:

1. 秀支 *səw-kje «войско» < *sü-ge.
2. 替戾岡 *thiēj-liet-kāŋ «выходить» < *tali-t-kan «выведший».
3. 僕谷 *bwōk-kwōk «титул» < *bökö-g «богатырь».
4. 劬秃當 *g(h)wo-thwōk-tāŋ «схватить» < *götök-ta-ŋ «схватишь, пожалуй».
5. *bāt «сам, господин» < *bod.
6. 鐵伐 *thiēt-b(h)wāt «железо» < *Teřür.
7. 迦沙 *kā-řa «яшма» (?) < *Kāl.
8. 逗落 *d(h)ōw-lāk «курган» < *durak.
9. 昆子 *kwān-cji «бобр» < *Kuntřz.
10. 夾兜 *kiēp-tōw «маслобойка» < *küp-i.
11. 屈孑 *khwit-kwāt «низкий» < *Kodku-t.
12. 托 *thāk «земля» < *Tog.
13. 赫連 *hēk-len «рыжий» < *jēgren.
14. 丁菱 *tiēŋ-liŋ этноним < *Teleŋ.

Что касается возможности уловить по китайским транскрипциям фонетические характеристики соответствующих тюркских языковых состояний, то, во всяком случае, нет явных противоречий наличию оппозиции придыхательный-непридыхательный у начальных взрывных; в ранних транскрипциях отражается латерал *l; в поздних, возможно, имеются l- и ř-диалекты, причем второй — кыргызский. По отражению вокализма трудно о чем-либо судить.

Кажется, на этом старый спор о том, кто такие сюнну по языку, можно завершить; в частности, можно окончательно отказаться от енисейской гипотезы.

Соответствующую лингвистическим данным историческую ситуацию можно видеть в истории разделения сюнну на северных и южных: первое такое разделение и уход северных сюнну на запад произошли, как было сказано выше, в 56 г. до н. э., причем считается, что эта группа сюнну была уничтожена китайцами, а оставшиеся сюнну оказались под властью Китая; второй раскол сюнну на северных и южных происходит в 48 г. н. э., с этого времени северные сюнну постепенно смещаются в Западную Монголию и далее в Восточный Туркестан,

в Джунгарию, а в 155 г. мигрируют в Восточный Казахстан и Семиречье, где живут до V в. н. э.²²⁹ Вероятно, что первая группировка не была уничтожена физически, а только потеряла государственность, а затем вторая слилась с ней, принеся с собой культурные китайские заимствования.

Возможные восточноиранские заимствования в пратюркский язык

Одна из проблем тюркской этимологии, вызывающих споры исследователей, — это проблема заимствований в пратюркский язык из предположительно контактных с ним индоевропейских языков. Таким источником могут выступать какие-то восточноиранские языки среднеиранского периода, прежде всего язык восточноиранского населения, оставившего памятники «звериного стиля» в Саяно-Алтайском регионе и южнее.

С появлением достаточно полных и достаточно надежных этимологических источников по хотаносакскому языку²³⁰, сводного лексического источника по согдийскому языку²³¹, а также достаточно полно учитывающих новый восточноиранский материал этимологических словарей иранских языков²³², с другой стороны — с развитием исследований по тюркской этимологии и, в частности, с составлением достаточно полного словаря алтайских этимологий, разговор о возможных заимствованиях между языками Центральной Азии в древности и раннем средневековье становится менее умозрительным, чем ранее. В частности, можно надежно определять направление заимствований и опираться при доказательстве заимствования на установленные фонетические соответствия.

Восточно-иранские заимствования в пратюркский язык:

1. *e kü «домашняя коза»: родовое название «самка»: иран. *ař-ya-k-ā, от *ařa-.
2. *dāna «телка»: иран. *daiŋu-kā, хсак. řinū «корова».
3. *dorak «сыр»: ср.-иран. *tura-ka, хсак. řūra «сыр».
4. *kumlak «хмель»: иран. *hauma-aryaka «арийская хаома», осет. x°ymællæg «хмель» (*hauma «хвойник, эфедра»).
5. *bütnük «мята»: ср.-иран. *bodina-ka (осет. bit'na / bet'ina «мята», шугн., барт. wiřn, руш. wiřn, вахан. wařn, мундж. wālān, пушту welā'na).
6. *arpa «ячмень»: (?) иран. *arba- «ячмень», вост.-иран. *arbasyā- (или *arpasyā): ишк. řurčs, сангл. řurčs, йидга yarřio, пушту orbā'ři, urbā'ři.
7. (?) *dura «башня, укрепление; четырехгранная бревенчатая или каменная постройка»:

ср.-сак. *ttaura* «стена», осет. *tyrg* «сени, навес, балкон, двор».

8. **gel* «жилище, двор, дом, подворье; *перс.* семья»: иран. **grda-* «дом, жилище», ср.-перс. *gilstak* [glsty, glystk] «дэвовское жилье, капище», зор. пехл. **gil-šāh* «хозяин дома», хсак. *ggalū* «семья».
9. **dām* «стена стационарного жилища или дома, глинобитная или земляная»: иран. **dam-* «дом, жилище» (авест. *dam*, согд. *-dam* «мир», язг. *-dom* в топонимах, ср. также хсак. *damānu* «дом»).
10. **darkan* титул или должность; компонент имен собственных: ПИЕ **tlk-*, индо-иран. *tark-* «решать, предполагать, судить», согд. *try'n, trx'n* [*tarxān*] титул, сак. *ttarkana-* титул, осет. *tærxon* «суд».
11. **qayan*: «глава конфедерации племен», «повелитель»: ср.-иран. **hva-kama-* «autokrator» (*hva-* «само-» и *kam-* «желать»), ср. согд. *xutkame* [*xwt-k'm'-k'*] < **hvata-kama*²³³ в том же значении и парность таких образований, как авест. *hvata-data-* и *hva-data*. Начальный кластер в тюркских (и монгольских) языках запрещен, и в случае сочетания с глайдом его устранение могло проходить путем выпадения этого глайда. Конечное *-n*, возможно, из *-m*, ср. собственно тюркские отглагольные образования на *-m/n*.

Судя по полученным глоттохронологическим датировкам для иранского древа, заимствования из восточноиранских языков в пратюркский должны были проходить в период после распада сакской и аланской ветвей (лексикостатистическая датировка 660 г. до н. э.), уже из каких-то среднеиранских языков, но, возможно, до распада сакской и пуштунской ветвей (лексикостатистическая датировка 290 г. до н. э.). Что касается заимствования в обратном направлении, в настоящее время трудно искать возможные тюркизмы, допустим, в общем праязыке сакской и пуштунской ветвей, поскольку судить о словарном составе локальных иранских праязыков можно будет разве что после выхода всех томов «Этимологического словаря иранских языков» В. С. Расторгуевой, Д. И. Эдельман. В трех первых томах этого словаря, во всяком случае, подходящих кандидатов не обнаружилось.

Сравним набор иранских экзотизмов среди «сюннских» китайских транскрипций — термины молочного хозяйства и титулы:

1. 酪 **rāk* «кумыс» — ПИран. **ranka-* (с суф. *-aka*), сак. *ragai* «fermented liquor»; осет. *rong* «хмельной медовый напиток».
2. 湩 **toŋh* «молоко, кумыс» (значение засвидетельствовано с Хань; употребляется при

описании приготовления напитка из сбитого кобыльего молока) — ПИран. **dauy-na* (производное от глагола **du* — «доить») > осет. *donq/dony* «молоко одного удоя», вахан. *dingjū* «молочные продукты» (собр.).

3. 酥酪 **sā rāk* «сливки, масло» — ср.-иран. ***saraka* < ПИран. ***sarah-*, др.-инд. *śaras-* «пенка на молоке, сливки, кислые сливки».
4. 醍醐 **t(h)ē-g(h)ā* «светлый кумыс или осветленное масло» — ср.-иран. **doga-(ya)*: ПИран. **dauga-* > кл. перс. *dōy* «пахтанье», совр. перс. *duy* «прохладительный напиток из сбитого кислого молока», курд. *dō* «пахтанье», пушту *lway* «удой, надой», шугн. *d y*, язг. *dəy*, вахан. *diy* «пахтанье, сыворотка».
5. 單于 **tān-wa* «шаньюй» (титул). Обычно интерпретируется как тюрк. **darxan*, с передачей конечнослогового *r* финалью *n*, ср. **krāš-pin* «Кашмир». В Хань шу имеется замечание, что «титул шаньюй означает “обширный” и показывает, что носитель этого титула обширен подобно небу». Ср.: др.-уйг. *tarqan-* «рассеиваться, распространяться», *tarqar-* «распространять» (*in kertü nom erdeni tarqarmış erür*) «он распространяет сокровища истинного учения» и формы современных языков в²³⁴; может быть, народная этимология на основе производного от этого глагола?
6. 闕氏 **yāt-tāj* «жена шаньюй» (титул): интерпретируются как тюрк. *xatun* (из согд.). Кажется, что его легче связать со среднеиранским прототипом тюркского слова: ср.: согд. *xuten* < **xwatāyn*, < **hva-tāvyaini* (ж. р. от **hva-tāvyā-*) «господин». Если предположить, что такое среднеиранское (раннесакское?) заимствование действительно проникло в язык сюнну, то для тюркского языка естественно, во-первых, упростить начальный кластер; во-вторых, отразить *-yn* источника как *ń*, который в китайской передаче изображен как *-j*. В согдийском (как показывает Е. Benveniste²³⁵) отмечено кроме *xuten* как наименования царицы еще *xātūn* [*x'twn*]²³⁶, которое употребляется прежде всего как «госпожа, знатная дама», в одном конкретном случае — при именовании второй жены царя (причем рядом с *xuten*, именовани-ем первой жены). Это слово, вслед за Бенвенистом, можно расценивать как заимствование, но не из тюркского, а из сюннуского, адаптировавшего, допустим, раннесакское **hwatuń*, а зафиксированные тюркские формы считать более новым заимствованием из согд. *xātūn*.
7. 鞞鞞 **r(h)wan dē* (царский род сюнну, род из которого должен происходить «шаньюй»). Ср.: сак. *runde* «цари» (NPl от *rre* «царь» < **rwant-*).

8. 自次 **z(h)jās shjās* (второй по важности титул после шаньюя). Очевидно, китайское сочетание «сам» + «следующий, последующий», т. е. «после самого», может быть калькой известного среднеиранского титула «второй после царя» — ср.-перс. *pasāgrīv*, парф. **pašāgrīv*, согд. *pš'γryw*, из *pas/š-* «после, следом» и *grīv* «тело, сам».
9. 日逐 **njət Lhəuk* титул персонажа — сына левого *дацзяна*, который вопреки обычаю не мог стать наследником престола, а потому получил этот титул. Ср. авест. *noit*, отрицание при прилагательных и причастиях плюс иран. *(*v*)*rau-ka-* «неправящий».
10. 居次 **ka shjās* «принцесса» — ср.-иран. **kan-a a* (согд. *kn y*, *kn yg*, пехл. *kanī ag*, мундж. *kin äkä* «девочка, девушка» от ПИран. **kan-* «молодой, маленький».

Пратюркский и тохарский языки

Список предположительных тохаризмов в пратюркском, предлагаемый А. Рона-Ташем в ряде его работ, кажется содержащим ряд сомнительных предположений. Кроме общепринятых поздних (т. е. уже не в пратюркские, а в древнетюркские языки) заимствований, значительная часть этих предполагаемых заимствований имеет достаточно обоснованные алтайские этимологии²³⁷. Ниже приведены те слова, для которых гипотеза о заимствовании была бы наиболее оправдана.

Возможные тохаризмы в пратюркском языке:

1. ? **jEř* «медь»: ПТох. **w'äsā* (f.), ПИЕ **awäs-* «золото».
2. ? ПТ **jigirmi* «двадцать»: ПТох. **w'ikän* < ПИЕ *(*d*)*wi-* «два» + **d(e)k'(o)mt-* «десять».
3. ? ПТ **alma*, *alimla* «яблоко». Ср.: ИЕ **amel-* «плодовое дерево, его плод» (яблоня, груша).
4. ? ПТ **ejkel* «желудь, шишка». Ср.: ИЕ **aig'-* «вид дуба»; **aig'-el-* «его плод».
5. ? ПТ **e/ilme* «ильм, осина, вяз». Ср.: ИЕ **elm-* «вяз».
6. ? ПТ **abs-ak* «осина». Ср.: ПИЕ **ap[uj]s-/asp-* «осина, тополь».

Последние 4 слова — пратюркские (имеющие закономерную чувашскую параллель) фитонимы, которые пока не имеют удовлетворительных алтайских этимологий и при этом довольно успешно могут быть истолкованы как заимствования из какого-то индоевропейского, но не иранского (демонстрирующего индоевропейское различие **r* и **l*) языка, возможно, группы кентум. Единственный известный представитель таких индоевропейских языков на близких к местам первоначального обитания тюрков территори-

ях — тохарский. В тохарских памятниках каких-либо возможных параллелей к этим тюркским фитонимам не обнаружено, но надо сказать, что и известный лексикон тохарских фитонимов не изобилует исконной лексикой, в основном включая названия экзотических растений, заимствованные из буддийского гибридного санскрита, или лекарственных растений, заимствованных из сакского. В словаре Адамса²³⁸ (тохарский В) имеется 20 фитонимов, не заимствованных из санскрита или сакского; этимология остальных неизвестна, в большинстве случаев неизвестно и их точное значение. Все это делает более реалистичной идею о возможности заимствования в пратюркский утерянного тохарского названия растения.

Возможные тохаризмы в языке сюнну:

1. Сушеная молочная закваска: 煨蠶 *mēk rwa*. Ср.: тох. А *malke*, В *malk-wer* «молоко» (комполит), имя по глаголу *mälk-* «доить» (ПТох. **mälk-* < ПИЕ **melg'-* «доить, выжимать, стирать»).
2. Почтительный к родителям (часть титула шаньюя): 若鞮 **ñak d(h)iē*. В Хань шу говорится, что это постоянный эпитет, прилагавшийся к имени шаньюя в дипломатических письмах, которые посылались к ханьскому двору; толкуется он как «почтительный к старшим» (т. е. к ханьскому императору). Однако ср.: тохарское В *n kte* «бог, господь», вос. *n kta* часто использовался как почтительное обращение к царю. Возможно, китайский хронист был введен в заблуждение относительно значения эпитета?

Как было показано²³⁹, основная масса китайских транскрипций из сюннуского — это тюркские и восточноиранские по происхождению слова. Восточноиранские связи сюнну в области становления государственности подтверждаются историческими сведениями о первоначальном вассалитете сюнну по отношению к юэчжам (например, известно, что шаньюй Маодунь — основатель сюннуской империи — в детстве был аманатом у юэчжей). Что касается языковой идентификации юэчжей, то их связывают и со скифо-сакской общностью, и с тохарами²⁴⁰. Вероятно, это был этнически неоднородный племенной союз; во всяком случае, как указывает С. Г. Кляшторный²⁴¹, археологические данные подтверждают северно-юэчжийскую принадлежность пазырыкцев и их восточноиранские связи; что касается южных юэчжей, то их действительно имеются основания связывать с тохарами. Возможно, имеющиеся довольно слабые следы ранних тюрко-тохарских контактов обусловлены опосредованностью этих контактов через иранцев.

Пратюркский и самодийский языки

Тюркские заимствования в прасамодийском языке:

1. ОТ **Karun* «шмель» < Палт. **k'ar'u* «кусающее насекомое». Предположительно заимствовано в ПСам. **keru* «Wespe», без уральской этимологии.
2. ПТ **balik* «рыба» < Палт. **páli* «вид рыбы». Предположительно заимствовано в ПСам. **pâjkz* «юкола, балык, вобла» (без уральской этимологии).
3. ПТ **bEkre* «вид осетровой рыбы» < Палт. **bek'ú* «вид рыбы». Предположительно заимствовано в ПСам. **wekänä* / **wekzз* «осетр».
4. ПТ **ortan* «щука» < ПА **'örV* «щука». Предположительно заимствовано в ПСам. **cu/o(R)ta-* (энецкое тундровое *d'udađo, d'uddáđo* «щука»).
5. ПТ **kil* «соболь». Может быть заимствовано в ПСам. **ki, kilz* «соболь».
6. ОТ **junt* «лошадь, кобыла». Предположительно заимствовано в ПСам. **juntz* «лошадь».
7. (?) ОТ **dal* «ветка, ива» < Палт. **lü* «вид лиственного дерева». Предположительно заимствовано в ПСам. **ta(ə)j* «ветвь, сук» (без уральской этимологии).
8. ПТ **bat-* «погружаться, тонуть, заходить (о солнце)». Предположительно заимствовано в ПСам. **pät-* id. (без уральской этимологии).
9. ПТ **Kil* «зима». Предположительно заимствовано в ПЮСам. **ke* «зима».
10. ПТ **ür* «жир». Предположительно заимствовано в ПСам. **jür* id.
11. ОТ **jama-* «латать, штопать» < Палт. **néte* «латать, штопать». Предположительно заимствовано в ПСам. **jemhá-* «латать» (без уральской этимологии).
12. ОТ **balmak* «вид обуви». Возможно, заимствовано в ПСам. **pâjta* «сапог, обувь» (без уральской этимологии).
13. ПТ *(*h*)*ējke-* «пилить, точить». Предположительно заимствовано в ПСам. **jikâ-* «точить, пилить».
14. ПТ **kijn* «ножны». Предположительно заимствовано в ПСам. **ken* id.
15. ОТ **jasa-* «строить, устраивать» < Палт. **dasa-* «управлять, регулировать». Предположительно заимствовано в ПСам. **jesaj-* «ставить чум» (без уральской этимологии).
16. ПТ **Kami* «черпак» = ПИран. **kapi i, *kapi -aka* «ложка, черпак». Может быть заимствовано в ПСам. **kâps/šâ* «Zauberl ffe» (шаманская ложка для окроплений).

17. ПТ **kân* «правитель». Предположительно заимствовано в ПСам. **kân* id. (без уральской этимологии).
18. ПТ *(*h*)*ejkir* «близнецы». Предположительно заимствовано в ПСам. **jekâ* «близнец».
19. ПТ **jök* «нет», **jök-a-l-* (рефлексив отыменного глагола) «потеряться, исчезнуть». Предположительно заимствовано в ПСам. **jokâ-* (? **jok-*) «sich verirren» (без уральской этимологии).
20. ПТ **dört* «четыре». Возможно, заимствовано в ПСам. **tettâ* «vier» (без уральской этимологии).
21. ПТ **jür* «сто». Предположительно заимствовано в ПСам. **jür* «сто».
22. ОТ **Kir* «серый, седой». Возможно, заимствовано в ПСам. **kir* «седой, светлый, белый».

Самодийские заимствования в пратюркском языке:

1. ПСам. **käsa* «кора» > ОТ **käs* «кора» (др.-уйг. *qas, qasuq*, крх.-уйг. *qas, qasuq* (СМК), хал. *qäs*). Самодийское слово имеет нормальную уральскую этимологию (ПФУ **ko(n)čkz* «кора») и может считаться источником др.-тюрк. и халадж.
2. (?) ПСам. **kaätjâ* «ель» > ПТ **Kadi* «сосна».
3. (?) ПСам. **titej* «сибирский кедр» > ОТ **Tit* «лиственница».
4. ПСам. **koajâ* «гора, водораздел» > ОТ **K(i)aja* «скала, гора». Самодийское слово имеет уральскую этимологию (хотя и необщепринятую: ПУр. **kad'a* > венг. *hegy* «верхушка, гора»), тюркское серьезно нарушает стандартную схему развития Палт. **d* > ПТ **d*, демонстрируя **j* вместо **d*.
5. ПСам. **weniz* «мясной или рыбный суп, бульон» > (?) ОТ **bün* (**büjn?*) «мясной суп, похлебка, рыбный навар».

Вопрос о датировке соответствующих тюрко-самодийских отношений решается пока совершенно неоднозначно. Достоверные самодийские заимствования могут быть оценены и как заимствования в общетюркский, т. е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское) состояние. Распад прасамодийского, как уже упоминалось, специалисты датируют последними веками до нашей эры, связывая его с вторжением сюнну во II в. до н. э.²⁴²

Что касается фонетики, здесь стоит отметить специфическое отношение к тюркским **ř* и **λ*, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты (отпадение конечнослогового **λ* скорее следует связывать не с его пратюркским качеством, а с регулярным переходом

ПУр. *l в первой позиции кластера в самод. j, как и в заимствованном слове *pəjkə «балык»). ПТ *h- получает в самодийском (в надежных случаях) нулевое отражение.

Довольно единообразно отражается тюркский вокализм; различное отражение ПТ *a связано с открытостью (*e, *e) и закрытостью (*a, перед *j — *ä, *â) слога; различия в отражении ПТ *i, возможно, связаны с разным качеством конечного согласного и наличием *-j- в основе. Самодийские заимствования единообразно отражают взрывные как глухие и не отражают различий по долготе гласных.

Пратюркский и праенисейский языки

Ниже мы ориентируемся на реконструкцию праенисейской фонетики С. А. Старостина²⁴³ и праенисейский лексикон, реконструированный им же²⁴⁴, а также расширенный и учитывающий новейшую литературу вариант его, опубликованный в интернете²⁴⁵. Распад праенисейского языка по этим данным датируется глоттохронологически рубежом нашей эры, когда выделяются две ветви — кетская и коттская. От кетской отделяется в V в. н. э. пумпокольский язык, затем в XII в. н. э. распадаются кетский и югский языки. Коттская группа в VI в. н. э. распадается на коттский и аринский.

Довольно хорошо известен ряд заимствований между енисейскими и сибирско-тюркскими языками в исторические времена. Ниже предлагается список возможных заимствований в праенисейский и отдельные енисейские группы из пратюркского и, возможно, отдельных тюркских групп (все предполагаемые тюркские слова — источники заимствования имеют алтайскую этимологию²⁴⁶).

Пратюркские заимствования в праенисейский язык (не позднее рубежа эры):

1. ПЕН. *χətyr «сукно, войлок» < ПТ *kidir «войлок» > ОТ *kidiz.
2. ПЕН. *ʔiʔn «игла» < ПТ > ОТ *(j)igne, jinne.
3. ПЕН. *ʔVʔr₁ «петь, песня» < ПТ > ОТ *ir.
4. ? ПЕН. *dam- в *dam-χux «окно» (второй компонент композита обозначает «дырка») < ПТ > ОТ *dām «стена».
5. ПЕН. *KVlpV «ложка» < ПТ **kalbuk > ПТ *kaluk > ОТ *kašuk.
6. ПЕН. *dəli «ива» < ПТ > ОТ *dal «ива».
7. ПЕН. *χəpVr «пена» < ПТ *köp — > ПТ *köpük «пена», ОТ *köpür- «пениться».
8. ? ПЕН. *bat «ленок» < ОТ *biñit «ленок».

Заимствования, происшедшие не позднее VI в. н. э. (только в коттской ветви):

1. ПЕН. *KuPurKVn «лук (растение)» (коттско-ассанско-аринское) < ОТ *gEmürgen «дикий лук или чеснок»: др.-тюрк. kövürgen (СМК), kömürgen (СМК — огуз.), возможно, заим-

ствование из тюркских языков Сибири (кыргызское?), ср.: хак. köbargen, галт. köbürgen, кирг. köbürgön (> камас. Kuburgan²⁴⁷).

2. ПЕН. *jus «сто» (коттско-аринское) < ОТ *jüz < ПТ *jür «сто».

Заимствования, происшедшие не позднее XII в. н. э. (только в кетско-югской подветви):

1. ПЕН. *pälGV «ерш» (кетско-югское) < ПТ *bālik «рыба».
2. ПЕН. *ʔiGV — «точить» (кетско-югское) < ПТ *ēke — «пилить, обтачивать».
3. ПЕН. *ʔuʔž — «поясница» (кетско-югское) < ПТ *ū a.
4. ПЕН. *siʔ id «ремешок» (кетско-югское) < ПТ *sid — «кайма, тесьма».
5. ПЕН. *soʔ/G/χom «стрела с тупым наконечником» (кетско-югское) < ОТ *sokom/n «свистящий наконечник стрелы».
6. ПЕН. *doʔs «идол; дух» (кетско-югское) < ПТ *tör «корень; происхождение, основание, род, предки».

Возможное заимствование из праенисейского языка в пратюркский:

1. ПТ *gejik «дичь, дикое животное как предмет охоты» (без надежной алтайской этимологии) < ПЕН. *gəʔj «охота; дикое животное».

Заметим, что слова «рыба», «точить» и «ива» попали в списки праязыковых заимствований и в прасамодийский, и в праенисейский. Очевидно, заимствования между всеми тремя праязыками происходили на контактной территории, включающей енисейскую и самодийскую прародины. Датировать эти контакты было бы естественно начальным периодом продвижения тюрков на северо-запад, соответственно, согласуя с другими датировками и локализациями — II–I вв. до н. э. (шаньюй Маодунь подчинил гуннской державе племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея в 203–202 гг. до н. э.²⁴⁸).

В связи с этим можно предполагать, что современная глоттохронологическая датировка распада самодийского праязыка несколько заглублена; возможно, следует вернуться к традиционной датировке рубежом эры²⁴⁹.

Пратюркский и угорский языки

Возможные контакты между пратюркским и обско-угорским языками и даже контакты между пратюркским и праугорским широко обсуждались финноугроведами. С кратким изложением проблематики можно ознакомиться у А. Рона-Таша²⁵⁰. Естественно, часть обсуждавшихся схождения может быть объяснена ностратическим или урало-алтайским родством.

По нашим данным, достоверные общеугорско-тюркские схождения, объяснимые контактами, —

это три праугорских слова, для которых можно предполагать направление заимствования из праобско-угорского состояния в пратюркский или общетюркский язык:

1. ПТ **kunduř* «бобр» < ПОУ **kuntz-l'* < ПУг. **kuntz* «бобр».
2. ПТ **Kutan* «пеликан, цапля» < ПОУ **kotij* < ПУг. **kottVηV* «лебедь».
3. ПТ **ijir* «вьючное седло» < **ingri* < ПОУ **näyrä* < ПУг. **närkV* «седло».

Возможные заимствования из пратюркского языка в праобско-угорский:

1. ПОУ **ürj* «приемлемый, подходящий, мастерство, искусство» < ПТ (ОТ) **ür* «мастер».
2. ПОУ **tarma* «бог» < ПТ **Taŋri* «бог»?
3. ПОУ **wüjma* «моток пряжи» < ПТ **ojma* «войлок».
4. ПОУ **perya* «трубка, трубчатый стебель» < ПТ **burgu* «дудка, манок; трубчатый стебель».
5. (?) ПОУ **pehta* «навоз, испражнения» < ПТ **bok* «грязь, навоз».
6. (?) ПОУ **qer-sj* «бесснежный (об осени)» < ПТ **Kiär-siř* «без снега».

Эти случаи могут быть заимствованиями в праобско-угорский язык из пратюркского (или из раннего состояния языка болгарской ветви; как уже упоминалось, различить эти две возможности можно было бы по наличию «чувашской палатализации» — развитию **s > ř* перед **i, *i*).

Итак, оценивая праязыковые контакты тюрков и угров, можно с уверенностью сказать, что результатов таких контактов для пратюркского и праугорского состояний не наблюдается (что в определенной степени подтверждает глоттохронологическую датировку распада этих состояний: праугорское состояние распалось задолго до того, как носители пратюркского языка или праязыка болгарской ветви дошли до территорий, на которых жили угорские народы).

Хронологически реальны контакты пратюркского и праобско-угорского языков; при этом эти контакты явно проявлялись значительно слабее, чем, допустим, пратюрко-праамодийские или пратюрко-праенисейские контакты, и, в частности, допускают интерпретацию как контакты в рамках торговых путей.

Пратюркский (?) и палеоазиатские языки

К настоящему времени благодаря значительной работе, проделанной в первую очередь О. А. Мудраком, можно считать доказанным родство по крайней мере двух палеоазиатских семей — чукотско-камчатской и нивхской²⁵¹. С корпусом лексических сближений можно ознакомиться на сайте www.starling.rinet.ru, система баз данных niodet.dbf. Не-

сомненно, реконструкция, представленная в этой базе, еще будет дорабатываться, но уже теперь, во всяком случае, понятно, что очевидных тюркско-чукотско-камчатских параллелей найти не удастся (в отличие, например, от тунгусо-маньчжурско-чукотско-камчатских — ср. несколько табуистических заимствований названий частей тела животных в пратунгусо-маньчжурский и более поздние тунгусо-маньчжурские группировки²⁵²).

Пранивхская реконструкция, видимо, менее надежна, чем прачукотско-камчатская, будучи бинарной — построенной на двух нивхских диалектах. Имеется несколько любопытных параллелей — возможных заимствований из более раннего состояния тюркских языков в пранивхский (тюркские слова имеют алтайские этимологии, нивхские слова не имеют палеоазиатской этимологии). Если это не случайные совпадения, то они должны быть довольно древними хотя бы потому, что ничего не известно о контактах соответствующих этносов в историческое время.

Заимствования из (пра)тюркского языка в пранивхский:

1. ПНивх. **duki* «осетр», нивх. *tuki*. Ср.: тюрк. **duki* «осетр» (< Палт. **taku* вид крупной рыбы).
2. ПНивх. **Bil* «рыба кета», нивх. *vel* «летняя кета». Ср.: тюрк. **beł* вид лосося (*Salmo taimen*) (< Палт. **melo* вид рыбы).
3. ПНивх. **kël* «ступка», нивх. *k'al (x-)*. ПТ **kejlig* «ступка» (< Палт. **k'êłñi* «ступка»).
4. ПНивх. **älc* «раб», нивх. *älc', älc*, сахал. *alc'*. ОТ **ējl- i* «посол». Тюрк. слово — производное от ПТ **ējl* «мир».

Пратюркский и монгольские языки

К настоящему времени чрезвычайно затруднительно говорить о заимствованиях между пратюркским языковым состоянием и современным ему состоянием монгольской языковой семьи. Реконструируемое прамонгольское состояние, т. е. состояние монгольской системы в момент первого распада монгольской семьи, явно не синхронно пратюркскому; глоттохронологически оно датируется самое раннее VI в. н. э. Общемонгольские китаизмы, которые мы находим, могут быть датированы не ранее среднекитайского состояния, т. е. опять же VI–VII вв. н. э. При этом насколько то, что реконструируется — действительно прамонгольское состояние, собственно говоря, неясно. Фактически мы имеем большой объем лексики, которую можно ввести в сравнение, из северных монгольских языков и ничтожные по объему словники из южных монгольских языков, т. е. из сильно креолизованных монгольских языков

Китай; больше всего монгорский словарь, но и он невелик. Исконная лексика южной группы в сильной степени затерта китайскими и тибетскими заимствованиями и почти недоступна наблюдению. Кроме того, древнейшие, досреднемонгольские памятники монгольских языков — записи табгачской и киданьской лексики — также очень малы и частично нерасшифрованы. В результате то, что называется прамонгольским, в очень большой степени может отражать прасеверомонгольское состояние, тюркизмы которого явно происходят уже в основном просто из древнетюркского. В частности, В. И. Рассадин²⁵³ считает общемонгольскими слова, если они встретились в трех основных северных языках, не рассматривая даже ордосский, не говоря уже о монгорском.

В это время пратюркский уже давно распался. Тюркизмы, которые могут быть восстановлены для прамонгольского состояния, известно довольно много. Среди них названия металлов, в т. ч. китаизмы ПТ **altun* «золото» > ПМонг. **altan*, **Temür* «железо» > ПМонг. **temür*; скотоводческие термины — ПТ **Kojn* «овца» > ПМонг. *qoni(n)*, ПТ < ПАлт. **giabo(nV)* «самка копытного» (ПМонг. **gewü-n* «кобыла», ПТМ **gibu-* «косуля»); названия съедобных растений (ср. китаизм ПТ **Turma* «редька, хрен» > ПМонг. **turma* (со ср.-монг., есть в монгорском); другие цивилизационные слова (ср. китаизм ПТ **biti-* «писать» > ПМонг. **bi i-*). Многие из таких слов можно найти в соответствующем разделе книги В. И. Рассадина²⁵⁴. Но они заимствованы явно уже не из пратюркского языка, а из древнетюркского.

Остается вопросом, можно ли определить случаи тюрко-монгольских заимствований более раннего периода. Алтайская этимология еще не настолько разработана, чтобы отделять такие заимствования от слов, связанных как алтайские этимологические параллели в тех случаях, когда фонетические соответствия позволяют и то, и другое решение. Критерии разделения должны выглядеть примерно следующим образом.

К пратюркским заимствованиям в раннепрамонгольском (из лексики, которая не допускает интерпретации как заимствованная из древнетюркского в позднепрамонгольском, старомонгольском или среднемонгольском) можно относить те случаи, когда рассматриваемое прамонгольское слово содержит характерный тюркский морфологический/словообразовательный признак или для пратюркского слова имеется альтернативное монгольское сближение, для которого гипотеза о заимствовании менее вероятна из-за сильных поверхностных фонетических различий.

Кроме того, любая гипотеза о заимствовании должна иметь какие-то культурно-исторические

основания. Несколько возможных заимствований из пратюркского в раннепрамонгольском, соответствующих этим критериям, описано И. А. Грунтовым²⁵⁵. Это такие слова, как ПТ **arīg* «клык» > ПМонг. *ariya* «клык» при ПМонг. *aral* «клык», *ara-tai* «хищник» < ПАлт. **arī*; ПТ **bōr* «серый» > ПМонг. **boro* «серый» при ПМонг. **buyurul* «седой» < ПАлт. **bagur-*.

Естественно, поскольку большинство языков, заимствовавших из пратюркского (как было показано выше), отражали ПТ **r* и **l* как *r* и *l*, не работает традиционный алтаистический критерий, согласно которому существование между парой слов соответствия тюрк. *-r₂* — монг. *-r-* или тюрк. *-l₂* vs. монг. *-l-* является диагностическим признаком наличия родственных отношений. При этом, допустим, соотношение ПТ **j-* — ПМонг. **d-* вряд ли возможно при раннем заимствовании, поскольку и в древнекитайском, и в прасамодийском ПТ **j-* интерпретируется либо как глайд, либо как аффриката (в зависимости от следующей гласной), поэтому нормальным случаем для ранних заимствований можно считать интерпретацию ПТ **j-* как ПМонг. **ž-* и не считать контактным соответствие ПТ **jajī* «враг» — ПМонг. **daji(n)* «война».

Ранние контакты, хронологически близкие к пратюркскому периоду (тюркизмы в табгачском — IV–V вв. н. э. и их отражение в монгольских языках: 比德填 *pjī tāk cín* «писец» < ПТ **bitig* «письмо», 樸大填 *bōk dhāj cín* «гардеробщик» < ПТ (?) **bog-taj* «узел с одеждой», 可薄填 *khā bāk cín* «привратник» < ПТ **kapog* «дверь», 威填 *giām cín* «служащий почтовой станции» < ПТ **jam* «почтовая станция»), рассмотрены в статье А. В. Дыбо²⁵⁶. По разобранной лексике видно, что контакты протекают в сугубо цивилизационной области; это, в частности, показывает тот факт, что заимствованная из тюркского в табгачский лексика в основном не прижилась в более поздних состояниях монгольских языков, терминология прожила столько же, сколько элементы государственной структуры, к которым она относилась. Конечно, такие контакты, которые привели бы к созданию языкового союза, впоследствии конвергентно развившегося в алтайскую семью, должны были бы выглядеть иначе.

Предполагаемые прамонгольские заимствования в пратюркский язык должны удовлетворять аналогичным критериям. Пратюркское слово должно содержать какой-то характерно монгольский признак, а монгольское слово должно иметь альтернативное тюркское сближение, проходящее по алтайским соответствиям, но сильно фонетически отличающееся от монгольского. Пока не удалось обнаружить достоверных случаев

такого заимствования (впрочем, имеется один случай в языке сюнну, очень похожий на монголизм: 犀毗 *slāj b(h)jəj* «пряжка», ср.: монг. **silbi* «пуговичная петля»).

Наиболее ранние из предполагаемых монгольских заимствований в тюркские языки оказываются заимствованными уже не в пратюркский, а в общетюркский, т. е. после отпадения болгарской ветви, или уже в древнетюркский. Ср.: ОТ **talpi-* (в различных залоговых формах) «болтаться, размахивать», начиная со СМК (*talpy-n-*, *talpy-r-*, *talpy-š-*), далее во всех типах памятников и в различных группах тюркских языков (от галт. *talby-* до тур. *tal(a)by-*, *dalaby-*; болгарский рефлекс отсутствует): из ПМонг. **dalba-* «качать, трясти»; ОТ **dōruy* «гнедой (масть лошади)» (с рунич. (Бильге-каган), др.-уйг. (Суджи), СМК *torug*, во всех группах тюркских языков, в т. ч. в якутском (но чув. *turč*, возможно, заимствовано из тат. *tury*)? < ПМонг. **dorugun* «барсук», специфический раскрас лошади, таким образом, может иметь внутреннюю форму «барсучий», т. е. «пестрый», с более темной головой и хвостом, мотивация поддерживается многочисленными примерами: тюрк. *bulan* «буланный» < «лось», *jigren* «игрений» < «джейран», монг. *xal'uun* «буланный с черной гривой» < «выдра»); ОТ *aksum* «ярость, буйство»: начиная со СМК *aχsun*, *axsum*, (QB) *aqsun*, чаг. *aqsum*, *axsum*, аз. *aqsyn*, кирг. *aqsym* и т. п. < ПМонг. **agsum* «буйство», стандартное отглагольное производное от монг. **agsa-* «биться в судорогах; буйнить», и некоторые другие.

Рассмотренный набор заимствований из пратюркского языка и в пратюркский представлен в табл. 5.

Предполагаемое рассмотренным материалом время и место существования тюркского праязыка достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и Южным Саяно-Алтаем в конце 1-го тысячелетия до н. э. — первых веках н. э. и соответствует имеющимся сведениям о культуре и истории, в частности о передвижениях и развитии народов, входивших в образование сюнну. Все это относится именно к пратюркскому состоянию, т. е. языковому состоянию, еще не разделившемуся на болгарскую и общетюркскую ветви, но уже выделившемуся из праалтайского, отдельному от монгольского и тунгусо-маньчжурского языковых состояний. Достаточно четкое выделение именно такой стадии производится с помощью классического сравнительно-исторического метода вполне формализованным путем, т. е. относительно каждого языкового факта исследователь может построить верифицируемую гипотезу о том, принадлежал ли он к этому состоянию или нет, что соответствует общеметодологическим представлениям о научном установлении фактов.

Заметим, что, по-видимому, рассмотренный материал не дает никаких аргументов в пользу гипотезы о контактах языков Сибири с каким-то отдельным тюркским языком (языками), принадлежавшим к болгарской ветви. Действительно, заимствования из китайского и восточноиранского, которые можно оценить как пратюркские (отразившиеся и в болгарской, и в общетюркской ветвях), говорят в пользу R-языка как пратюркского; соответственно, R-заимствования в прасамодийский и праенисейский могут быть расценены как заимствования из того же пратюркского; а сибир-

Таблица 5

Заимствования из пратюркского языка и в пратюркский язык

Контактный язык	В пратюркский язык	Из пратюркского языка
Поздний древнекитайский	19 заимствований «культурного» характера	18 заимствований — в эпоху Хань, 14 — позднее, в основном явные экзотизмы, хотя два из них прижились (названия пони и верблюда)
Некий восточный среднеиранский (ранний сакский? прасакско-ваханский?)	11 заимствований сугубо культурного характера; ср.: значительное число иранских заимствований в языке сюнну	Неясно (возможно, в силу неизученности общей сакско-ваханской лексики; ср.: наличие более поздних тюркизмов в хотаносакском)
Прадохарский	6 (ненадежно); ср., возможно, 2 тохаризма в языке сюнну	5 (ненадежно; ср.: наличие более поздних тюркизмов в тохарском B)
Прасамодийский	5	22, в основном «культурные»
Праенисейский	1 («дичь»)	8–14, термины материальной культуры
Праобско-угорский	3 (торговые)	6 (культурные)
Табгачский (монгольский)	Неясно	4 (из них одно, «ям», стало общемонгольским)

ская контактная лексика, фиксирующаяся в более поздний, чем определяемый как пратюркский, период (в отдельных енисейских и самодийских ветвях), демонстрирует скорее общетюркские особенности. Для отдельного болгарского языка в сложившейся картине контактов не остается, так сказать, ни места, ни времени.

Возникает еще один интересный вопрос. Кажется, удалось показать, что «северные варвары» китайских хроник интересующего нас периода действительно могут быть сочтены по языку тюрками (сюнну), монголами (табгачи) и тунгусо-маньчжурами (жуань-жуани?), при этом со значительными следами восточноиранских контактов. Насколько при этом можно считать, что язык сюнну, отдельные факты которого засвидетельствованы в китайских текстах, — это то же самое, что пратюркский язык? С одной стороны, исторические события, связанные с сюнну, предполагают возникновение социолингвистической ситуации, развитием которой как раз могли бы стать оживленные контакты с позднедревнекитайским языком в качестве в основном акцептора, но в небольшой степени и донора; с самодийскими, енисейскими и обско-угорскими языками в качестве прежде всего донора и в меньшей степени акцептора; наконец, сам распад пратюркской языковой общности и экспансия одной из ветвей на запад. С другой стороны, засвидетельствованные факты языка сюнну только отчасти прослеживаются как пратюркские. Из ранних сюннских слов могут быть сочтены унаследованными как формально пратюркские **taŋri* «небо», **ilala* «небольшая лошадь», **Taki* «дикая лошадь», **Koŋur* «бурый», **Kol* «лагерь», **darxan* «титул»; из позд-

них — **götök*, имя по **göt* — «подниматься», **bod* «сам», **Kuntʰz* «бобр», **Temür* «железо» (из них одно иранское, одно обско-угорское и одно китайское заимствование).

По-видимому, действительная ситуация может быть оценена приблизительно так же, как известный случай с романскими языками и латынью. Общеизвестно, что зафиксированная в памятниках письменности классическая латынь не может считаться точно тем же языком, который явился предком современных романских языков. Зафиксированная китайцами сюннская лексика, по-видимому, по большей части принадлежала к «верхнему» функциональному стилю языка соответствующих общественных образований, который скорее всего не стал предком тюркских языков, а, как это и свойственно таким функциональным стилям, распался вместе с обществом, в котором функционировал.

Особенно это касается, конечно, имперской титулатуры, отчасти, по-видимому, заимствовавшейся в языки наследовавших государственных образований, но в довольно слабой степени унаследованной тюркскими языками (примечательным примером может служить заимствованное из иранского **hvatuyn* сюннское **qatuñ*, из сюннского заимствованное в согд. *xātūn* и затем уже из согдийского попавшее в древнетюркский).

Примерно такие же отношения могут обусловливать отсутствие серьезных свидетельств ранних тюрко-монгольских языковых контактов в тюркских и монгольских языках, при наличии, например, терминов тюркского происхождения (следовательно, сюннских?) среди в целом монголоязычной табгачской титулатуры.

Норманская Ю. В.

ДРЕВНЕЙШИЕ УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Параллели в уральских и тюркских, позже в алтайских языках издавна привлекали внимание исследователей. Первым, кто привел конкретные параллели между уральскими и тюркскими языками, был, вероятно, Г. В. Лейбниц (1646–1716)²⁵⁷.

После возникновения сравнительно-исторического языкознания и выделения нескольких больших языковых семей в XIX в. начали появляться работы, в которых исследовалось сходство между уральскими и алтайскими языками. Сначала они

были посвящены анализу лексики²⁵⁸, затем сходству в области грамматики и синтаксиса²⁵⁹.

Но эти исследования основывались на очень ограниченном фактическом материале, и поэтому большинство наблюдений, которые были в них сделаны, в настоящее время уже утратили актуальность. Настоящий прогресс в исследовании сходства уральских и алтайских языков был возможен лишь при выходе на новый этап исследований в области сравнительно-исторической уралистики и алтаистики.

В работах В. М. Иллича-Свитыча, M. Stachowski можно найти интересное описание того, как постепенно формировались эти дисциплины²⁶⁰. Все авторы, занимающиеся историей лингвистики, солидарны в том, что прогресс в области сравнительно-исторического финноугроведения и шире уралоистики был достигнут значительно раньше, чем в алтаистике. Уже к 1920–1930 гг. становятся ясны основные очертания уральского праязыка. В работе В. Collinder²⁶¹ приводятся материалы к уральскому этимологическому словарю и предлагаются основные фонетические соответствия между уральскими языками, которые и в наши дни в несколько модифицированном виде используются уралоистами во всем мире.

В алтаистике в конце 1950-х гг. не было единого мнения по поводу состава семьи языков (речь идет о принадлежности к алтайской языковой семье тюркских, тунгусских и монгольских языков; согласие по поводу принадлежности к алтайским языкам корейского и японского языков, насколько известно, не достигнуто и по сей день). В частности, в своей работе D. Sinor²⁶² склонен делить урало-алтайские языки на тюрко-уральскую и тунгусо-монгольскую подгруппы.

Важный шаг в урало-алтайских штудиях был сделан М. Рясняном²⁶³. В его исследованиях впервые точность обработки алтайского материала может быть сравнима с точностью обработки уральского²⁶⁴.

Не имея возможности в этой статье подробно останавливаться на истории изучения урало-алтайских языковых отношений, отметим, что в большинстве работ этого периода вплоть до конца XX в. основное внимание исследователей было направлено на поиск генетически общих лексических и морфологических архаизмов в уральских и алтайских языках.

Конечно, в этом поиске революционной была работа В. М. Иллича-Свитыча²⁶⁵, в которой системным образом было доказано, что уральские и алтайские языки наряду с индоевропейскими, картвельскими, дравидийскими и семитохамитскими²⁶⁶ принадлежат к ностратической семье языков. В. М. Иллич-Свитыч предложил фонетические соответствия, которые связывают архаическую лексику в этих языках. Эти соответствия и собранный им словарь ностратического праязыка доказывают, что предыдущие исследователи, которые занимались сепаратными индоевропейско-уральскими, урало-алтайскими, урало-дравидийскими лексическими и грамматическими сходствами, анализировали лишь верхушку айсберга.

Надо сказать, что после публикации революционного открытия В. М. Иллича-Свитыча и его скоропостижной кончины последовали десятилетия,

когда существенных открытий в области ностратики сделано не было. На Западе ностратическая теория до сих пор не является общепризнанной. Российские исследователи сконцентрировались на улучшении качества этимологической обработки и уточнении набора фонетических соответствий в отдельных ностратических семьях, в частности алтайских. В 1991 г. С. А. Старостин доказал генетическую принадлежность японского языка к алтайским языкам²⁶⁷.

В последующие годы С. А. Старостин, А. В. Дыбо и О. А. Мудрак объединили усилия в создании алтайского этимологического словаря (EDAL)²⁶⁸. Публикация EDAL ознаменовала начало новой эры в сравнительно-историческом изучении алтайских и шире ностратических языков. Несмотря на наличие некоторых не вполне надежных семантических и фонетических сближений в корпусе этого словаря, которые, видимо, неизбежны в первом издании этимологического словаря любой достаточно древней семьи языков, в настоящее время исследователи ностратического праязыка и урало-алтайских отношений могут работать не с сепаратным материалом тюркских, тунгусских, монгольских языков, а с праязыковой лексемой, из которой по фонетическим соответствиям могут быть выведены формы в языках-потомках.

Но обратимся к мысли, которую высказывает в своей монографии М. Стаховский²⁶⁹. Он отмечает, что, судя по количеству исследований XX в., посвященных изучению родства уральских и алтайских языков, можно предположить, что «родственные отношения между уральскими и алтайскими языками исчерпывали всю палитру отношений, существовавшую между этими языковыми семьями». Конечно, это не так. Между уральскими и алтайскими языками после их генетического разделения многие тысячелетия существовали интенсивные языковые контакты.

По мнению М. Стаховского, появление работ Я. Пустаи²⁷⁰ ознаменовало новый этап в изучении урало-алтайских отношений. В этих статьях и монографии автор специально подчеркивает, что исследует не генетически общие элементы в уральских языках, а ареально возникшие сходства. В последние годы это направление исследований становится все более популярным на Западе и в некоторых российских регионах (особенно хочется отметить достижения новосибирских ученых)²⁷¹.

Но, как совершенно справедливо отмечают в своих исследованиях М. Стаховский и А. Рона-Таш²⁷², анализ урало-алтайских отношений только с точки зрения ареально-типологических сходств тоже является неполным. Ученые, занимающиеся поиском синхронных общих элементов, часто не могут правильно оценить статус тех или иных схожих черт в

лексике или грамматике. Возникли ли они под влиянием контактов между языками, являются общим праязыковым наследием в уральских и алтайских языках (или представляют собой типологическую фреквенталию).

В 2001 г. М. Стаховский написал: «Пришло время для перехода на новый уровень изучения урало-алтайских отношений: необходимо научиться различать генетически общие элементы в уральских и алтайских языках и те, которые возникли в результате контактов»²⁷³.

Представляется, что при переходе на этот новый уровень исследований российские ученые находятся в наиболее выгодном положении. С одной стороны, они имеют прекрасную подготовку в области сравнительно-исторического языкознания (ср. достижения московских ученых как в области ностратики²⁷⁴, так и в области уральского и алтайского сравнительно-исторического языкознания²⁷⁵). С другой стороны, работы российских ученых отличает пристальное внимание к живым уральским и алтайским языкам: постоянные экспедиции к носителям языков²⁷⁶, работа в архивах с неизданными материалами по языкам Сибири²⁷⁷ дают возможность собрать и отследить инновационные и архаические особенности, возникающие в современных уральских и алтайских языках.

Конечно, задача комплексного (сравнительно-исторического и ареально-типологического) изучения урало-алтайских языковых отношений — это дело не одного десятилетия. Представляется, что в разработке этого направления должны быть объединены усилия специалистов из разных областей, не только лингвистов, но и историков. Необходимо и дальнейшее тесное сотрудничество между московскими учеными и исследователями из регионов, которые благодаря постоянным экспедициям к носителям уральских и алтайских языков имеют в своем распоряжении обширнейшие материалы по бесписьменным языкам, которые часто находятся на грани исчезновения и должны быть как можно более полно задокументированы в кратчайшие сроки.

Ниже кратко сформулированы задачи и приведено несколько примеров их решения в рамках проекта «Статус древнейших урало-алтайских языковых отношений».

Уточнение реконструкции прауральского языка и дочерних языковых семей

Уточнение фонетической реконструкции

В монографии Ю. В. Норманской «Реконструкция прафинно-волжского ударения»²⁷⁸ представ-

лена реконструкция прафинно-волжского ударения.

Одной из самых трудноразрешимых проблем в уралоистике является реконструкция системы вокализма. Родство прауральских языков считается общепризнанным; в этимологический словарь уральских языков К. Rédei «Uralisches etymologisches Wörterbuch» (UEW)²⁷⁹, по мнению специалистов, вошли этимологии с очень надежными в отношении консонантизма и семантики рефлексами по языкам. Однако даже на материале этимологий данного словаря в настоящее время не сделано системное описание развития системы вокализма. От надежной и полной реконструкции уральского вокализма можно было бы ожидать, что на ее основании выполнима следующая задача: имея реконструированную форму уральской основы, с помощью предложенных правил фонетического перехода (и, возможно, дополнительных объяснений, основанных на предположении аналогичных развитий) вывести формы тех языков, на которых построена эта реконструированная форма. Однако даже описание развития вокализма от прафинно-угорского языка к современному мордовскому языку выглядит не вполне системно (считается, что наиболее хорошо описано развитие вокализма в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках).

В книге Г. С. Ивановой²⁸⁰, посвященной историческому описанию вокализма в мокшанском языке, представлена схема развития гласных от прафинно-угорского языка к мокшанскому (табл. 6).

Таблица 6

Схема развития гласных от прафинно-угорского языка к мокшанскому

ФУ	ПМ	морд. (I ¹)	морд. (II, III ²)
* <i>ï</i>	<i>e, i, u, o, ə</i>	<i>e, i, u, o, 0</i>	<i>i, i//ə, u, ə, o, 0</i>
* <i>i, *ī</i>	<i>i, e, ə</i>	<i>i, e, 0</i>	<i>i, 0</i>
* <i>ä</i>	<i>ä, a, e, i</i>	<i>ä, a, e, i</i>	<i>e, a, i, i//ə</i>
* <i>e</i>	<i>e, i</i>	<i>e, i</i>	<i>i, i//ə</i>
* <i>a</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u//ə</i>
* <i>o</i>	<i>o, u</i>	<i>o, u, ə</i>	<i>o, u//ə</i>
* <i>u, *ū</i>	<i>u, o, ə</i>	<i>u, o, ə</i>	<i>u, u//ə, o, 0</i>
* <i>ē</i>	<i>ä, i</i>	<i>ä, i</i>	<i>e, i</i>
* <i>ō</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>	<i>a, u</i>

¹ I тип говоров — акающий (традиционно центральный диалект и северо-западная группа говоров западного диалекта).

² II тип говоров — икающий (традиционно юго-восточный диалект и юго-западная группа говоров западного диалекта); III тип говоров — экающий или переходный.

Часто финно-угроведы даже не пытаются предложить системных объяснений для появления всех рефлексов праязыковых гласных, а удовлетворяются тем, что отмечают наиболее частотный рефлекс.

Действительно ли неосуществимо системное описание развития прауральского вокализма? Правы ли те исследователи, которые утверждают, что в основном фонетические переходы в системе прауральского вокализма были несистемными и аналогическими? Или все-таки возможно системно описать изменения вокализма от прауральского к современным языкам, принимая во внимание какие-то ранее неучтенные лингвистические факторы? Выявление этих факторов и построение системного описания развития вокализма представляется чрезвычайно актуальным.

В монографии решаются пять задач уральского сравнительно-исторического языкознания, которые кажутся на первый взгляд не связанными между собой:

- 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках;
- 2) условия распределения основ по двум типам спряжения в марийском языке;
- 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке;
- 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке;
- 5) генезис системы вокализма в саамском языке.

Эти вопросы были в последнее столетие предметом оживленных дискуссий. Удовлетворительные ответы на них до сих пор не найдены.

Основная цель работы — доказать, что эти далекие от друга фонологические и грамматические явления развивались в зависимости от одного и того же ранее не учитывавшегося праязыкового фактора, а именно подвижного ударения, не фиксированного грамматически или фонетически. Для прафинно-волжского языка реконструируется место этого ударения (на корне или на окончании), которое без изменения сохранилось в современном мокшанском языке.

Увеличение корпуса сравнений, обработка существующих этимологий

В настоящее время автор данной статьи и др. работают над увеличением корпуса уральского этимологического словаря. Надо отметить, что прасамодийский словарь Ю. Янхунена «Samojedischer Wortschatz» (SW)²⁸¹ невелик по объему, и далеко не

все этимологии из этого словаря имеют уральские этимологии. В результате исследований сделан вывод о том, что корпус прасамодийских этимологий может быть значительно увеличен и для многих из них удастся предложить уральские этимологии. В настоящее время корпус прауральских этимологий увеличен на 150 лексем. И это бесспорно является только началом.

Вот некоторые примеры новых прауральских этимологий.

1. ПУр. **kase* «роса, иней»: фин. *kasi, kaste* «роса»; эст. диал. *kasi*; саам. (In.) *kāsaniđ* «kostua»; хант. (DN) *kelə* «роса»; ман. (LU) *kǝ́ǝ́l-: kǝ́ǝ́l-wut* «роса»; ПСам. **kətV* «иней»; энец. *kodi?* «иней»; селькуп. *qád* «иней»²⁸².

Финно-угорская этимология в полном объеме впервые представлена в работе «Suomen Sanojen Alkuperä» (SSA)²⁸³. Предлагаем добавить сравнение с ПСам. **kətV* «иней»; энец. *kodi?* «иней»; селькуп. *káđk* «иней». Фонетически это сравнение хорошее. Развитие ПУр. **a* > ПС **ə* встречено в ряде этимологий UEW, например ПУр. **an V* ~ **a V* «schreiten, gehen»²⁸⁴ > ПСам. **t1ənt13-*; **jaka-* «teilen, scheiden, trennen»²⁸⁵ > ПСам. **jəkə* и т. д. Семантическое соотношение значений рефлексов ПУр. **kase*: ФУ «роса» ~ ПСам. «иней» встречается достаточно часто, например на синхронном уровне такая многозначность представлена в коми *puž* (S Pe . P) «иней, роса».

2. ПУр. **acV* «холодная погода, север»: морд. *u o* «наружность, погода»²⁸⁶; хант. (V, Vj) *ətəy*, (DN, Kr) *ətək*, (Ni) *iskə, iskə, əškə* (Š), (Kaz) *iski* «мороз»²⁸⁷; ман. *aserem* «холодный, холод, мороз»²⁸⁸; венг. *észak* «Norden»²⁸⁹; ПСам. **osVtV-*: матор. *osderá* «стужа»²⁹⁰.

Это сравнение предложено автором данной статьи и др. В словаре «Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen» (EWUng)²⁹¹ предлагается объяснять *észak* «Norden» как композит *é-* и *szak* «Teil». Однако это объяснение кажется сомнительным. Аналогичное развитие вокализма в венгерском языке наблюдается в ПУр. **racV* > венг. *rés* «Lücke, Öffnung, Ritze, Spalte». Принадлежность мордовского слова к этой этимологии не вполне надежна по семантическим причинам. Фонетически морд. *ušo* «наружность, погода» является стандартным рефлексом ПУр. **acV* «холодная погода, север» при предположении, что в прафинно-волжском языке ударение падало на второй слог **ac'á*²⁹².

Происхождение матор. *osderá* «стужа», по мнению Е. А. Хелимского, не вполне ясно. Он предлагает трактовать это слово не как существительное, а как глагольную форму со значением «es friert»²⁹³.

Но в предложенном сравнении нет необходимости постулировать в маторском языке глагольную форму.

3. ПУр. **wälV*- «дух, божество»: саам. *vealga* (N) «Geist»²⁹⁴; морд. (E) *ulǵaj* «духи — покровители поля»²⁹⁵, *ultava* «имя властительницы Земли»²⁹⁶; хант. (Trj) *улэр*, (KoP) *-ūtэр*, (Ni) *wūtэр*, (Kaz) *wйлэр*, (Kaz) *wулэр* «злой дух»²⁹⁷; манс. (So) *ūlpi*; ПСам. **ilkV*: нен. *gileka* «1) злое страшное сверхъестественное существо, вызывающее болезнь, 2) черт, 3) перен. волк»²⁹⁸; селькуп. *ylkāj* «черт, дьявол» (бранное междометие)²⁹⁹.

В большинстве языков (за исключением саамского и хантыйского) имел место переход **wä-* > *u-*. Такое развитие анлаутного сочетания достаточно часто встречается в уральских языках, ср.: ПУр. **waja* «sinken, einsinken, untersinken»³⁰⁰ > ман. (LM) *ujt-* «hinuntersinken», (N) *uj-* «sinken», *ujt-* «versenken»; ПУр. **wäge* «Schwiegersohn, Bräutigam»³⁰¹ > морд. (M) *ov* «Schwiegersohn»; ПУр. **wole* (**wōle*) «Stange»³⁰² > ПСам. **uj* «Stange». К сожалению, правила сохранения vs. исчезновения анлаутного **w-* еще не вполне изучены.

Развитие вокализма ПУр. **u* > ПС **i*, хотя и не является частотным, встречается и в ряде других этимологий из UEW, например ПУр. **kuge* «Mond; Monat»³⁰³ > ПСам. **kij*. Привлекает внимание семантическое соотношение рефлексов этого слова. В мордовском и саамском языках (если привлекать это слово в рассматриваемую этимологию) его рефлекс имеет значение «добрые божества», а в обско-угорских и самодийских языках, наоборот, «злой дух, черт». Аналогичное соотношение названий добрых и злых божеств наблюдается в иранских и индийских языках, т. е. рефлекс одного и того же индоиранского слова обозначают в иранских языках доброе божество, а в индийских — злое, и наоборот.

К сожалению, в настоящее время известно крайне мало этимологий уральских божеств, для того чтобы делать культурно-исторические выводы о реалиях, приведших к таким соотношениям в названиях божеств в уральских языках. Возможно, дальнейшая этимологическая работа позволит увеличить количество реконструируемых реалий духовной культуры и расширить наши знания о соотношении мифологических сюжетов у западных и восточных уральцев.

4. ПУр. **šula* «дурак»: фин. *hullu* «blöde, verrückt»³⁰⁴; эст. *hull* «blöde»; морд. *šola-* «бездельник, лентяй»³⁰⁵; хант. *lełəm* «Art Gespenst (бука), mit dem man den Kinder Angst macht, indem man den Pelz verkehrt anzieht»³⁰⁶; венг. *alamuszi* «unbeholfen,

unbeschikt»³⁰⁷; ПСам. **səla*: нен. *cä'la* «глупец, дурак»; энец. *sola* «дурак».

В угорских языках представлено не вполне стандартное развитие вокализма. Но в UEW аналогичное развитие вокализма встречается и в других этимологиях, ср.: ПУр. **jukta-* «sprechen, erzählen»³⁰⁸ > венг. *játsz-* «spielen, eine Rolle spielen, darstellen», *játék* «Spiel»; ПУр. **kurV* «Korb, Fass aus Rinde»³⁰⁹ > хант. *χerə* (DN), *χir* (O) «Sack».

Эта этимология интересна, во-первых, с точки зрения семантики. Во-вторых, как отмечается в работах Ю. Янхунена и П. Саммаллахти, неизвестны надежные прасамодийские соответствия ПУр. **š-*. В этой, как представляется, очень надежной этимологии ПУр. **š-* > ПСам. **s-*. Интересно, что такое развитие ПУр. **š-* наблюдается и в ряде других, предложенных автором данной статьи и др., этимологий.

5. ПУр. **pela* «портить, тот, кто портит»: саам. (N) *bilidit* «kaputt machen»³¹⁰, (I) *pille* «ein Mensch oder ein Ren, das die Netze anknabbert, Reisekosten auffrist, tot lii taggaar pilli «er richtet nur immer Schaden an»³¹¹; морд. (E) *pélas*, (M) *p' las* «бешеный, неистовый»³¹²; мар. *pūldaraš* «разорять кого-либо, что-либо»³¹³; хант. (Vj) *pil* «дикий, сумасшедший (например, о лошади)»³¹⁴; ман. *pāl-* «ломать, портить»³¹⁵; ПСам. **pälV*: энец. *peara-* «сумасшедший», *peʔorabe-* «неадекватный в поведении, сrazу», *pearako-* «сошел с ума»; селькуп. ?? *Pal'na* имя фольклорного персонажа (богатырь в эпосе кетского происхождения); матор. ?? *hāla* «Teufel»³¹⁶.

Маторское слово, возможно, следует сравнивать с энец. *barut'i* «чудовище, страшилище, нечистая сила (фольклорно-мифологический персонаж)» и реконструировать ПСам. **pälV* «черт, нечистая сила», внешние параллели для которого пока неизвестны. Селькуп. *Pal'na* «имя фольклорного персонажа (богатырь в эпосе кетского происхождения)» может являться как рефлексом ПСам. **pälV*, так и рефлексом ПСам. **palV*.

6. ПУр. **turke* «шерсть, волосы»: фин. *turki* «шерсть, волосы»³¹⁷; саам. *dor'kâ* (N) «шерсть»³¹⁸; коми *tork* «отходы волокна льна и конопли, пакля»; хант. (O) *tār* «спутанные волосы»³¹⁹; ПСам. **tār* «волосы на голове, перья»³²⁰; нен. *māp''* «шерсть; мелкое перо птицы»³²¹, *ma''u'(u)* «коса, волосы, обмотанные косоплетками или заплетенные; косоплетка»³²², *cəv' map''* «ресницы»³²³; энец. *ta'ru?* «коса из волос»³²⁴, *to'*, *tō'* «волосы», *tarro* «волосы на голове»³²⁵; селькуп. *шунатъ-тарыль* «утиное перо», *šipat tar*, *тэгатъ-тарыль* «гусиное перо», *tōkat tar*, *чингыль тарыль* «лебяжье перо», *iḡkił*

tar, (Adj. *-iĭl*); кам. *târ*, [*târ*], *têr* «волос, перо, щетинка»³²⁶.

Прасамодийская реконструкция **târ* «волосы на голове, перья»³²⁷ общеизвестна. В SSA³²⁸ приводится финско-саамское сравнение. Предлагаем сравнить финско-саамские формы с самодийскими и добавить в эту этимологию коми и хантыйские формы, которые хорошо соответствуют как семантически, так и фонетически. В кратком этимологическом словаре³²⁹ для коми слова предлагается другая этимология: мар. *tõrgalmáš* «отклеиваться, отлипнуть, облупиться»; венг. *tõrni* «ломать, дробить». Эта этимология представляется менее убедительной.

7. ПУр. *pa* V «бобер»: морд. *pa a* (E M) «выдра»; ман. *pusä* (N, LM, LU), *pusë* (P) «dickes Biber»³³⁰; ПСам. **pusä* «бобер»³³¹: нен. *puddo*; энец. *purru*; селькуп. *puic*, *pu o*, *puty*; кам. *puicugu*.

Как отмечает Ю. Янхунен³³², ПУр. *** не являлась частотной фонемой. Поэтому ее рефлекс в самодийских языках не вполне ясны. С этим нельзя не согласиться. Однако правомерно сравнивать слова с инлаутным соответствием морд. *** ~ ПСам. **c*. Такие соответствия есть и в корпусе UEW: морд. *i e* (E) «der Mann der Schwester, der älter ist als ich» ~ ПСам. **cicä* «Onkel»³³³.

В мансийском языке стандартным рефлексом ПУ *** является **s/š* по диалектам, например ПУр. **ce ä* > манс. *šäš* (KU), *sasiŷ* (SO) «Onkel». Но в слове манс. *pusä* (N, LM, LU), *pusë* (P) «dickes Biber» во всех диалектах представлено *s*. Поэтому принадлежность мансийского слова к этой этимологии не вполне надежна.

В словаре В. Munkácsi³³⁴ отмечается, что это слово в мансийский язык заимствовано из татарского языка, но конкретное слово не указывается. Поскольку соответствующее татарское слово неизвестно, а мансийское *pusä* (N, LM, LU), *pusë* (P) «dickes Biber» очень близко по фонетическому и семантическому облику к ПСам. слову, то, можно предположить, что в *š*-диалекте (P) в мансийском языке представлено заимствование из *s*-диалектов (LU, LM).

Развитие вокализма ПУр. **a* > ПСам. **u*, хотя и не является частотным, встречается и в других этимологиях из UEW: ПУр. **pađwe* (**patwe*) «Zunderschwamm»³³⁵ > ПСам. **pujā*³³⁶. Неоднозначное семантическое соответствие морд. «выдра» vs. ПСам. «бобер» тоже объяснимо, поскольку, как указывают Е. В. Богданов, Н. Р. Данилина, Э. В. Дольдзэ³³⁷, бобры были завезены в Мордовию 300 лет назад. Раньше бобры на территории Мордовии не водились.

Верификация гипотез о локализации прародин прауральского языка и дочерних семей уральских языков на основании реконструкции названий природного окружения

Приведем лишь один пример уточнения локализации прародины.

На основании реконструкции названий животных и растений удалось уточнить локализацию финно-угорской прародины.

Для финно-угорского языка надежно реконструируются названия **so/a/eksV* «сосна кедровая сибирская», **ku/ose* «ель», **nülka* «пихта», **näŷV* «лиственница», **paje* «ива», **pVcV* «ива», **pojV* «осина», **kojwa* «береза», **kucV* «береза», **sala* «вяз», **picla* «рябина».

Сопоставление ареалов распространения этих деревьев (за исключением вяза) дает две возможные локализации финно-угорской прародины в Волго-Камье и на юге Западной Сибири³³⁸.

Решающим для определения места локализации прародины мог бы быть фактор «вяза». Интересно, что, по П. И. Лапину³³⁹, вяз не растет восточнее Урала. Однако, как отмечает В. В. Напольских³⁴⁰, вяз был представлен и сохраняется по сей день на юге Западной Сибири в бассейне Иртыша. Если принимать эти данные, то финно-угорская прародина может быть локализована как западнее Урала, так и в бассейне Иртыша.

В литературе, посвященной финно-угорским языкам³⁴¹, отмечается, что для финно-угорского языка реконструируется название овцы **uče*³⁴², что противоречит традиционному мнению о том, что финно-угры не знали скотоводства. Как справедливо указывает В. В. Напольских³⁴³, никакого дикого животного, напоминающего домашнюю овцу, в лесном ареале (За- и Приуралья), где принято локализовать прародину финно-угров, не существовало. Поэтому до настоящего времени оставалась загадкой надежная реконструкция названия домашней овцы для финно-угорского языка.

ФУ **u e* «овца»³⁴⁴:

1. «Овца»: фин. *uuhi* (gen. *uuhēn*), диал. *uhti*, *uutti*, *uuti*, *uti*, *utti*, *uttu*, *uuttu*, *utu* «овца-самка»; эст. *uhe* (gen. *uhe*), диал. *uhi*, *utt* (gen. *ute*, *utu*); морд. *utsa* (E), *u a* (M); удм. *iž* (S), *âž* (K), *îž* (G); коми *iž* (S), *ož* (PO); хант. *a* (V), *oš* (DN), *as* (O); ман. *oš* (KU), *oš* (P), *ōs* (So.).
2. «Шуба из овцы, овчина»: мар. *âžya* (KB), *užya* (V) «шуба»; удм. *iž-ku* «овчина»; хант. *a ni* (V), *ošñä* (DN) (> нен. *gāsni* «овца, русская шуба из овцы»).
3. «Медведь»: хант. *asni* (O).

Посмотрим, реконструируются ли помимо названия овцы другие обозначения домашних животных для финно-угорского языка.

Традиционно восстанавливается еще одно название, вероятно, описывавшее крупное копытное домашнее животное.

ФУ **wǎδV* «корова, лошадь, олень»³⁴⁵:

1. «Корова»: эст. *veis* (gen. *veise, veikse*), *vedis*, *vediks* (gen. *vedikse*); саам. *vǎđok*, *vǎđök* (N) «молодая корова, которой больше двух лет»?; морд. *vedraš* (E M), *vedaka* (E).
2. «Лошадь»: удм. *val* (K G); коми *vel* (S), *vev* (P), *vól* (PO) (> мар. *wəla* (KB), *wülä* (V)).
3. «Олень»: хант. *weli* (V), *wěta* (DN), *wǎli* (Kaz.).

Реконструкция этого слова не вполне надежна как фонетически, так и семантически. Поэтому, вероятно, она серьезно и не учитывалась учеными, анализирующими возможность существования скотоводства у финно-угров³⁴⁶.

Предлагаем еще одну новую этимологию названия жеребца для финно-угорского праязыка. В UEW восстанавливается финно-пермское слово.

ФП **сónV* «вид животного (молодой самец): бык, жеребец»³⁴⁷:

1. «Бык»: фин. *sonni* (gen. *sonnin*); эст. *sõnn* (gen. *sõnni*) «бык, жеребец».
2. «Жеребец»: эст. *sõnn* (gen. *sõnni*) «бык, жеребец»; удм. (S) *un̄i*, (K) *un̄ä*, (G) *сun̄i*; коми *can* (S P PO).

К этому сравнению предлагаем добавить венгерское слово *сódör* «жеребец». Это слово традиционно считают заимствованием из тюркского ПТ **adgyr* «жеребец», что представляется крайне проблематичным по фонетическим причинам. Оно идеально соответствует ФП **сónV* как семантически, так и фонетически. Предположим правенгерскую форму **сón-t-Vr-*. Венгерские форманты *-t-*, *-r-* могут быть суффиксами (ср., например, ФУ **супрV* «сосуд, кастрюлька из бересты» > венг. *csupor* «кастрюлька»³⁴⁸; ФУ **арV-* «разрывать, рваться» > венг. *ár-* (диал.) «гнить, становиться плохим», *árt-* «вредить»³⁴⁹). Также отметим, что значение «бык» встречается только в прибалтийско-финских языках (в эстонском наряду со значением «жеребец»), и предлагаем реконструировать ФУ **сónV* «жеребец».

Таким образом, реконструируются не одно, а два надежных финно-угорских названия домашних животных ФУ **сónV* «жеребец» и **и е* «овца». Представляется, что на этом основании можно предположить существование скотоводства у финно-угров.

Насколько соответствует выдвинутая лингвистическая гипотеза археологическим данным о существовании скотоводства на территории За- и Приуралья в 3-м тысячелетии до н. э.?

По А. Г. Петренко³⁵⁰, наиболее ранними находками в этом регионе следует считать кости лошадей, овец и крупного рогатого скота с поселения Муллино II (правый берег р. Ирк, юлиз д. Муллино, Башкирская АССР, 6–3-е тысячелетия до н. э.) и Вилатовской стоянки (левый берег р. Самары, к северу от с. Вилатовое, Куйбышевская обл., 5–3-е тысячелетия до н. э.) и из энеолитического Хвалынского могильника лесостепного Куйбышевского Поволжья. Как указывает Г. Н. Матюшин³⁵¹, эти стоянки содержат остатки поселений с воротничковой керамикой. Такая форма керамики, кругло-донная с наплывом у венчиков (воротничковая), присуща агидельской культуре.

Анализ древнейших контактов уральских языков на основании лексических заимствований

Тщательная обработка существующих гипотез о древнейших контактах (анализ существующих заимствований, сбор нового материала)

Наиболее подробно автором данной статьи и др. были проанализированы материалы по древнейшим контактам носителей уральских и алтайских языков.

Собран корпус прауральско-праалтайских сближений, которые с большой долей вероятности являются не ностратическими, а контактными (этимологические аналоги этих слов не представлены в других ностратических языках, прауральское и праалтайское слова практически идентичны по семантике и звуковому облику. Конечно, надо отметить, что на современном уровне разработанности ностратической теории практически невозможно абсолютно надежно различить контактную и генетически родственную лексику в уральских и алтайских языках). Выделенный корпус контактной лексики оказался сравнительно небольшим (порядка 20 слов).

Интересно то, что среди этих сближений в алтайской лексике присутствуют практически исключительно такие слова, которые имеют рефлекс лишь в западноалтайских языках (в тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских). Предположительно, это может свидетельствовать о том,

что контактов между праалтайцами и прауральцами (в 6-м тысячелетии до н. э.) не было. А контакты начались лишь в 5–4-м тысячелетиях до н. э. между прауральцами и празападноалтайцами после отделения корейцев и японцев. Косвенно подтверждают выдвинутую гипотезу и материалы С. А. Старостина, который показал, что контакты с древнекитайским языком были лишь у восточно-алтайских языков (корейского и японского) в 4–3-м тысячелетиях, после распада праалтайского единства.

Также проанализирован материал по прасамодийско-тюркским и прасамодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим контактам. Как справедливо отмечено в работе Е. А. Хелимского³⁵², прасамодийско-монгольской контактной лексики практически нет.

Корпус прасамодийско-тюркских сближений был подробно проанализирован в монографии А. В. Дыбо³⁵³. А. В. Дыбо рассмотрела список возможных заимствований в пратюркский из прасамодийского, приведенный в работе Е. А. Хелимского³⁵⁴. Оказалось, что большинство пратюркских слов, которые Е. А. Хелимский считал заимствованиями из прасамодийского, по EDAL имеют алтайскую этимологию. Лишь в двух случаях А. В. Дыбо считает, что предположение о заимствовании из самодийского языка более убедительно, чем алтайская этимология: ПСам. **koəjə* «гора, водораздел» > ОТ **K(i)aja* «скала, гора». ПСам. **käsa* «кора» > ОТ **käs* «кора».

А. В. Дыбо также проанализировала 21 возможное заимствование из пратюркского языка в прасамодийский, предложенные В. А. Терентьевым³⁵⁵ и А. Рона-Ташем³⁵⁶ (рассматриваются лишь те этимологии, которые достоверны семантически и фонетически и отвечают критерию культурной обусловленности).

Не вполне ясно, как следует интерпретировать тот факт, что два достоверных примера могут быть оценены как заимствования в общетюркский, т. е., возможно, после ухода болгарской группы. С другой стороны, фонетические особенности заимствований в прасамодийский явно указывают на пратюркское (формально, возможно, и на прабулгарское) состояние (специфическое отношение к тюркским * и **λ*, которые, видимо, для заимствующей стороны больше похожи на *r* и *l*, чем на спиранты).

Разработка новых направлений возможных контактов носителей уральских языков

Чувашские заимствования в марийском языке уже неоднократно привлекали внимание уче-

ных³⁵⁷. Традиционно считается, что в основном в марийский язык слова были заимствованы из современного чувашского языка³⁵⁸ или из позднебулгарского, фонетическая система которого была во многом идентична современной чувашской³⁵⁹. Однако развитие гласных фонем в марийских заимствованиях, по мнению ряда ученых³⁶⁰, не поддается системному описанию. Обычно это объясняется позднейшими марийскими инновациями в системе вокализма.

Предположим, что источником заимствований был не современный чувашский, а язык, в котором система фонем отличалась от современной чувашской. Она реконструируется как бы на стыке пратюркской и чувашской фонетических систем, а надежность ее реконструкции подтверждается марийскими заимствованиями. Ниже представлен инвентарь гласных фонем этой системы³⁶¹.

Булгарские фонемы:

1. ПТ **e*, **ē* > булг. **a* > мар. **ä*, чув. *a*.
2. ПТ **e* > булг. **e* > мар. **e*, чув. *i*.
3. ПТ **a*, **ā*, **o* > булг. **o* > мар. **ɔ*, чув. *o*.
4. ПТ **u*, **ū*, **o*, **ö* > булг. **u* > мар. **ü*, чув. *ǎ*, *ě*.
5. ПТ **ö*, **ü*, **ū* > булг. **ü* > мар. **ǔ*, **ö*, чув. *ǔ*, *ě*.
6. ПТ **i*, **ï* > булг. **i* > мар. **ĩ*, чув. *ẽ*, *i*.
7. ПТ **i* > булг. **i* > мар. **ĩ*, чув. *ã*.
8. ПТ **a* > булг. **a* > мар. **ǎ*, чув. *ĩ*.
9. ? более ранние ПТ **ö*, **ō* > булг. **ö* > мар. **ö*, чув. *ü*.

После проведения подробного филологического анализа оказалось, что язык — источник марийских заимствований и волжско-булгарский язык эпитафий были весьма похожи. Археологические материалы прямо подтверждают высказанную автором данной статьи и др. гипотезу об активных лингвистических контактах волжских болгар и марийцев.

Изучение волжско-булгарских заимствований в марийский язык, число которых по словарю М. Р. Федотова³⁶² превышает 400, дает новый материал для истории становления чувашского языка, значение которого трудно переоценить. Чувашский язык — самый архаичный и наиболее рано отделившийся из тюркских языков, а данные по его истории до сих пор ограничивались весьма небольшим количеством волжско-булгарских эпитафий.

Предложенная автором данной статьи и др. гипотеза о том, что язык — источник марийских заимствований был предком волжско-булгарского языка эпитафий, находится в полном соответствии с археологическими данными и открывает новую страницу в изучении булгарской ветви тюркских языков.

МИФОПОЭТИКА И ЖАНРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Предметом исследования в рамках проекта стало системное взаимодействие процессов жанровой динамики в русской словесности конца XIX — начала XX в., ознаменованной переходом к постклассическим доминантным моделям культуры, с мифологизацией литературного текста.

Модернистские поиски универсального мифологического инварианта литературных форм были отчасти предопределены логикой развития отечественной историко-культурной мысли второй половины XIX в. Интерес русских символистов к этой теме реанимировал вопросы, поставленные еще в 1870 г. А. Н. Веселовским: «...не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которое одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа?»³⁶³.

Эти размышления ученого служили предпосылкой к осознанию на рубеже XIX–XX вв. возможности скрытого присутствия архетипических структур едва ли не в любом художественном высказывании и, соответственно, готовности выявить подобный глубинный потенциал, задействовать его способность генерировать приемы литературного письма. Выстраивание символистами своих сочинений по принципу частных реализаций нескольких базовых метасюжетов (ницшеанство, соловьевская софиология и т. п.) логично предопределило, кроме того, характерное для современной науки осмысление их наследия как единого «гипертекста», или «пратекста», что «вполне соответствует символистскому самопониманию» и «представляет собой весьма интересную аналогию тезису о том, что каждый отдельный мифологический текст является “развертыванием” единого и единственного “мифа”»³⁶⁴.

В русской прозе рубежа XIX–XX вв. мифопоэтические импульсы прежде всего способствовали актуализации потенциала генетической (архаические истоки и имплицитное присутствие мифогенных структур) и исторической (наследие предшествующей классической традиции) памяти романного жанра.

При этом когда сугубо литературные образы и мотивы с сильным архетипическим зарядом, унаследованные от отечественной классики, впитываются поэтикой прозаических сочинений Серебряного века, то неизбежно тому сопутствующая вторичная мифологизация (неомифологизация) вступает во взаимодействие с мифоструктурами, лежащими в основе исконных жанровых моделей эпики. Наиболее последовательно подобные процессы протекают в романной форме, поскольку «сам жанр романа предполагает ту текстовую целостность, в которой более или менее адекватно “успевают” — в принципе — проявить себя и целостность мифопоэтического сознания»³⁶⁵. Причем принципиально важен не только внешний фактор вместимости романа, но и близость его жанрообразующих структур базовым архетипическим моделям, подразумевающим «космизацию первичного Хаоса», «борьбу и победу Космоса над Хаосом»³⁶⁶.

Такой глубинный мифологический сюжетный инвариант одномерен жанровым структурам романа, которые задаются его историческим генезисом: «Роман... обуславливается... взятым из риторики принципом контroversы, т. е. некоторого неразрешимого положения, до конца остающегося проблематическим»³⁶⁷.

В ведущих текстах рубежа XIX–XX вв. в качестве основного двигателя сюжета и модели, порождающей художественную картину мира, зачастую выступает инвариантная схема противостояния хаоса космосу (именно в решение этой контroversы так или иначе погружаются основные герои), которая реализуется в ряде вторичных антитез — Азии/Европы («Серебряный голубь», «Петербург» и «Москва» А. Белого), Христа/антихриста, Богочеловечества/Человекобожества (соловьевские рефлексы в романах Д. С. Мережковского), статичного хтонически-инфернального быта/бытийственности мира фантазии или сна («Мелкий бес», «Творимая легенда» Ф. Сологуба, проза А. Ремизова), чернотенного бесовства/социально-гуманистического героизма («Сатана» Г. Чулкова), рационально-эгоистичного хищничества/волевого «я», ищущего самоутверждения в очистительно-деструктивном порыве («Фома Гордеев» А. М. Горького) и т. п. Контroversы авантюрно-бытового, эротического, социального, мировоззренческого планов, никак не отменяясь и не размываясь, встраиваются в эту порождающую схему, тем самым обнажая ее с гораздо

большой явностью, чем то имело место в классическом романе XIX в.

В принципе любой архетипической структуре свойственна проблематизация устойчивой («космологической») модели, внутри которой гнездятся потенциально опасные остатки хаоса. Однако в «классических», «чистых» мифологических системах победа неизбежно остается за силами космизации.

Мифопоэтическая русская эпика рубежа веков представляет в этом смысле совершенно иной расклад сил. Чаще всего инвариантный сюжет подразумевает ту или иную степень инверсии базового противоречия, пересмотра, если не дискредитации, стерильного архаико-мифологического его разрешения. Под сомнение ставится сама правомочность и состоятельность космологических сил, их способность к творчески плодотворной победе над хаосом.

Так, в «Серебряном голубе» А. Белого космизированное начало, связанное с миром дворянской усадьбы Гуголево, символизирующей логицизм западной культуры послепетровского времени, не в силах противостоять дикому деструктивному хаосу под-/бессознательной национально-хтонической, «восточной» стихии «голубинового» сектанства, жертвой которой падает протагонист — Петр Дарьяльский. Разрешение коллизии, положенной в основу романа, Белый видел в акте культово-мистического претворения художественного познания в мистирию. Однако принципиально важно, что мистерия как жанропорождающая структура состоялась в романе лишь отчасти — с сопутствующим расщеплением смысловой целостности на противостоящие друг другу содержательный и формальный планы.

Схема традиционного идеологического романа здесь отказывается работать. Она побеждена мистериальными структурами, которые на уровне сюжетостроения определяют неизбежность жертвенного заклания героя. В тексте Белого итог внутреннего развития центрального персонажа изначально задан его символической ролью в мистериальном сюжете. Дарьяльский воплощает собой синкретику Христа и Диониса в духе «Эллинской религии страдающего бога» Вяч. Иванова. Однако в финале его гибель подана как инверсия сотериологической мифологемы. Сам Петр отнюдь не по собственной воле выбирает «Голгофу», и жертвоприношение, совершенное вакхическими «собратями», предстает некатарсическим убийством — окончательным торжеством хаоса.

Подчинив себе некоторые формальные структуры текста, мистерия выказала свою неспособность явить содержательное преобразование романического героя и эпического пространства.

Потенциальный выход из этого тупика зачастую виделся писателям рубежа веков в обращении к мистериально-диалектической структуре макроцелого (тезис-антитезис-синтез), что на композиционном уровне вело к триадичной циклизации, где третья часть должна была содержать разрешение космо-хаотической контroversы. Однако на практике такая литературно-композиционная диалектика далеко не всегда оказывалась успешной.

В этом смысле показательна неудача Белого воплотить в жизнь план создания трилогии «Восток и Запад», а затем, в качестве третьей части несостоявшегося целого написать трехтомный цикл «Моя жизнь». Разрешение космо-хаотической контroversы в эпическом синтезе у писателя в результате состоялось вне триадической, слишком рациональной схемы — и со знаком минус, как инверсия мистериальных чаяний периода работы над «Серебряным голубем». Состоялось в пореволюционной прозе, в принципиально новую эпоху авангардистской эстетики после «эсхатологической катастрофы» — в романе «Москва», где ожидаемый синтез мифологического сюжета об упорядочивании мира оборачивается абсолютным торжеством хаоса, деструкции, распада на всех уровнях текста — от композиционного и персонажного до лингвистического. Хаос здесь утверждает свои права как норма, вытесняя космо-логистические начала на периферию художественного мира. Фабульная стяжка задается не объединяющим началом широкого описательного полотна, а взрывающим линейность повествования клубком элементов шпионского романа, в который перекодируются психические процессы утопающего в напористом бреде героя. В мире торжествует «арахнея» (так Белый называет разэпопеившееся, утратившее логистическую целостность мироздание) — хищная хаотическая стихия, в обозначении которой актуализируется паронимический потенциал неологизма, его связь с такими понятиями — символами распада, как ахинея, анархия, страх при глубинной семантике, обусловленной «просвечивающей» этимологией — греческим словом «Αραχνη», паук, за которым стоит один из наиболее устойчивых архетипов хаоса.

В «Москве» «антиэпопеизация» и «арахнеизация» как жанровые доминанты довели до формального завершения те тенденции поэтики романа, которые вполне проявились у А. Белого еще в «Петербурге».

Принцип обратимости космоса/хаоса (при итоговой неизбежной хаотизации логистического начала) транспонируется на каждый из уровней текста в «Петербурге». И едва ли не наиболее последовательно на уровень персонажный. Почти все основные герои романа поставлены друг к другу в отношения двойничества, причем много-

плановые и перекрестные. При этом выводятся на поверхность глубинные мифопоэтические коннотации дублетности персонажей, в частности ее генетическая связь с категориями первопреступления и ритуального жертвоприношения (модели Авель/Каин, Ромул/Рем и т. п.): революционное «задание» Николаю Аполлоновичу взорвать отца, убийство Липпанченко его двойником Алексеем Ивановичем и т. д. Мифологизирующая интенция автора параллельно заставляет ожидать функционального распределения ролей в соответствии с архетипическим противопоставлением «космизирующего» культурного героя своему деструктивному антиподу — трикстеру. Этого, однако, не происходит, поскольку «трикстерами» оказываются не только носители «хаотического», как «псевдо-Дионис» и «шут» в костюме красного домино Николай Аблеухов, но и упорядочивающего начала, в т. ч. и «логистический» центр персонажной системы — Аполлон Аполлонович.

Как известно, «существование типа трикстера в мифах творения и особенно возможность сочетания в одном лице черт культурного героя и трикстера объясняются отчасти тем, что действие в мифах творения отнесено ко времени до установления строгого миропорядка»³⁶⁸. А. Белый выворачивает наизнанку эту закономерность. В его романе тотальная трикстеризация героев связана не с космо-этиологическим (миф творения), а с эсхатологическим модусом повествования: в мире подступающего апокалиптического («революционного») хаоса развенчание персонажного «героизма» оказывается неизбежным.

Кроме того, не следует забывать, что большая романная форма в европейской литературе XVI–XVIII вв. все больше отвоёвывала себе прав по мере укоренения именно плутовских («трикстерных») сюжетов, задающих сложную систему авантюрных перипетий, формирующих, в свою очередь, обширное пространство эпического повествования. У Белого движение к как бы синтезирующей большой форме — через «Петербург» к «Москве» — сопрягалось с трикстеризацией и хаотизацией художественной структуры, что и привело к созданию антиэпоса — «арахнеи». Структурно воспроизводя архетипические жанрообразующие схемы, писатель в корне меняет их функции и заставляет мифопоэтический организм работать в обратном порядке — художественно оформлять распад, хаотизацию, деструкцию картины мира.

Типологически сходная ситуация имеет место и тогда, когда базовая архетипическая антитеза хаоса/космоса в литературной системе, намечающей выход из модернистской в авангардную эстетику, воплощается в глубинном сюжете, который строится на семантических комплексах христианской

сотеориологии. Как, например, в основных сочинениях А. М. Ремизова 1900-х — начала 1910-х гг., и прежде всего в повести «Крестовые сестры». Автор здесь также производит инверсию общего вектора подтекстуальных смысловых потоков. В повести сакральный прасюжет сопряжен, в частности, с новозаветным подтекстом и символическим событием Пятидесятницы. Но там, где его инерция могла подразумевать торжество «соборного» единения героя, Маракулина, в просветляющем приятии страданий с «крестовыми» «братьями» и «сестрами» следует гибель, закругленная немилосердным приговором «жестокое демиурга», — некатарсическая смерть «мученика» по законам некоего «отреченного жития».

В прозаических текстах, ориентированных на инвариантный сюжет космос versus хаос, даже если протагонист непосредственно не предзадан никакими собственно архаичными мифологичными масками, а напротив, участвует в реализации вполне традиционной, реалистической фабулы, он тем не менее обрекается на поражение не реже героев модернистских сочинений. Зачастую тут тоже работает принцип деформации архетипической схемы: окончательная победа над хаосом оказывается невозможной. Так, уже в конце 1880-х — начале 1890-е гг. целая череда текстов А. Чехова, В. Короленко, В. Вересаева, И. Бунина об интеллигентах, пытающихся нести разумно-цивилизаторское («космизирующее») начало в темную, непросвещенную мужицкую («хаотическую») массу, подразумевает этап «инициации», подвергающий испытанию поздненароднические и «земские» иллюзии. И, как правило, этот опыт оказывается негативным, антиинициатическим.

Архетипическая схема в реалистической прозе, разумеется, отнюдь не обязательно подразумевает явно выраженные в фабуле инициатические испытания героя. Нередко протагонист оказывается сломлен напором хаотического, сила которого — и здесь можно усмотреть одну из закономерностей воздействия инвариантной мифопоэтической структуры на технику прозаического повествования — прямо пропорциональна сюжетной пассивности персонажа. И как следствие — его обреченность. Этот процесс становится еще более явным в тех случаях, когда архетипическая коллизия просвечивает сквозь универсальные мотивные блоки не архаического, а собственно литературного происхождения, обкатанные русской классикой XIX в. В этом смысле показательна повесть И. Шмелева «Гражданин Уклеikin» — опыт на тему маленького человека.

Автор как будто разрабатывает эту тему в традиционном духе. Но на уровне инвариантных сюжетных и семантических структур в тексте вскры-

ваются принципиально новые и обманывающие ожидания среднестатистического читателя реалистической прозы подходы к изобразительности. Дело в принципиально новом качестве реальности, окружающей героя. За ней непременно проглядывает некое высшее начало, наделенное атрибутами максимальной размытости, неопределенности, но в то же время всеохватности и бытийственности — архитепическая категория хаоса, экспансивно захватывающего все пространство вокруг протагониста под личиной абстрактного Оно — жестокой царствующей стихии вывихнутого мироздания.

Подобная мифопоэтическая транскрипция окружающего социального зла роднит повесть Шмелева с романами и повестями А. Ремизова 1900–1910-х гг. — и не только. В литературе собственно символистской, и прежде всего в «Серебряном голубе» и «Петербурге» Белого, уже с конца 1900-х — начала 1910-х гг. фигура маленького человека почти непременно сопрягается с символикой жутковатой хаотической стихии как одной из сторон архетипического конфликта. Стихия эта станет постоянным спутником маленьких людей в модернистской словесности, особенно в 1910-е гг., в эпоху так называемого гротескно-карнавального (А. Ханзен-Леве) символизма.

Опыт Шмелева доказывает, что мифопоэтизация глубинных повествовательных структур — важный этап в живой динамике традиционной прозы на пути к развитым формам неореализма, синтезирующим «жизнеподобие» с модернистским вкусом к художественному выявлению мировых универсалий.

Выразительные доводы в пользу данного тезиса может дать поэтика повести С. Сергеева-Ценского «Лесная топь». В этом тексте глубинная неореалистическая космо-хаотическая контроверса выходит за пределы скрытой внутрисюжетной схемы и подчиняет себе все уровни художественной фактуры, задавая сквозной метаобраз — болотной лесной топи, символизирующей господствующее иррациональное начало мироздания, страшное, губительное, засасывающее, безжалостное. И параллельно существенно трансформируется жанровая природа повести. Формой художественной мотивировки сквозной мифопоэтизации образа топи здесь становится нерасчлененность точек зрения автора-повествователя и Антонины, главной героини, а соответственно, реальности и ее преобразования в сознании персонажа. Повествование зачастую ведется по границе этих планов, без соответствующих знаков перехода от авторской речи к внутренней оценке происходящего героиней, что свидетельствует об ослаблении чистого эпического начала и усилении лиризации повествовательного полотна при преобразении неореалистического текста на

пути феноменологической мифопоэтики. И потому вполне логично, что, готовя уже в 1920-е гг. текст «Лесной топи» к публикации в составе собрания сочинений в издательстве «Мысль» (Л., 1928), Сергеев-Ценский назвал его поэмой, подчеркнув тем самым жанрообразующую функцию лирического потенциала своей ранней прозы.

В связи с изменением традиционных отношений между точками зрения повествователя и героя интересные жанровые новшества мифопоэтизации предлагала в формах, где подобные отношения проблематизировались наиболее отчетливо. В частности, в автобиографических сочинениях. Яркий образец такого рода дает А. Белый в «Котике Летаеве». Здесь традиционная временная ретроспекция открывает путь к вневременной интроспекции в пространство мифогенеза. Временная и причинно-следственная шкала перестают формировать сюжет и повествовательное полотно, которые в «Котике Летаеве» строятся по закону мифопоэтических мотивировок. Тем самым меняется прагматика текста: из чисто литературного или документально-исторического рядов, отведенных для традиционного жизнеописания, он переходит в число мистериально-жизнестроительных, становится фактом и причиной не семиотического, а собственно онтологического события.

Любопытно, что в тех случаях, когда мифологизация выполняла не служебную, а программную роль, на жанровую поэтику она воздействовала достаточно слабо. Так, сочинения А. Кондратьева, хотя и содержат ссылки на миф в своих жанровых подзаголовках (мифологический роман «Сатириесса», 1907, рассказ-миф «В объятьях тумана», 1908 и др.), в отношении глубинных сюжетно-персонажных схем оказываются гораздо ближе среднестатистическим реалистическим рассказам, повестям и романам середины — второй половины XIX в., чем разобранные выше тексты. Кондратьевские тексты представляют собой достаточно последовательную стилизацию под пасторальную прозу в традиции «Дафниса и Хлои» Лонга.

Гораздо более серьезный тип преобразования поэтики программный мифологизм предлагал при выходе за пределы сугубо художественной словесности — как в цикле А. М. Ремизова «Посолонь».

Снабдив при втором издании книгу, содержащую полигенетические жанровые формы (лирические обрядовые зарисовки, сказки, легенды, рассказы), аппаратом комментариев, ссылок на источники и даже рекомендаций, как читать вслух те или иные строки, писатель ориентируется на синтез трех дискурсивно-культурных парадигм, выстроенных по иерархическому принципу. Нижний уровень здесь — научно-этнографическое (с использованием работ Е. Аничкова, Д. Зеленина, П. Бессонова,

И. Сахарова и др.) и историко-культурное мета-описание, затем следуют реконструкции на его основе потенциальных фольклорных словесных форм. Наконец, на уровне макроцелого все это вершится созданием ритуально-словесного циклического единства, которое, собственно, и обладает самостоятельным мифопоэтическим жанровым качеством. Его основа — стирание грани между печатным и устным словом, словом и экстраречевой реальностью, но главное — между литературой и ритуалом. При этом, однако, обрядово-циклические схемы движения по календарному кругу («посолонь» — от весны к зиме) не подчиняют себе художественности словесной ткани, но сами становятся частью игрового, сугубо литературного пространства. Тем самым Ремизов предлагает литературную транскрипцию целостной национальной обрядово-мифологической системы, структурно завершенной, но внутри устойчивого хронотопа календарного круга на русском этническом пространстве принципиально открытой — и это особенно важно — к дальнейшему росту, пополнению и видоизменениям в перспективе жизни в «большом времени» культуры.

Важно, что цель своих опытов Ремизов видел в создании универсального произведения, запечатлевающего национальную мифологию в собственном смысле слова и так называемый *Volksgeist* («народный дух») в том понимании, какое вкладывалось в этот концепт Гердером и Шеллингом. А также постулировал принципиальную разомкнутость текста вовне, как генетическую (источники), так и актуальную, типологически родственную открытости и вариативности мифологических повествований — и этому принципу оставался верен до конца, во множестве реаранжируя композицию своих сочинений, перетасовывая в годы эмиграции их состав, включая отдельные малые произведения в корпус разных более крупных эпических форм.

В науке есть тенденция гипертрофировать игровой авангардизм в творческом сознании Ремизова³⁶⁹. Но при этом не принимается в расчет, что игровые интенции, направленные на деавтоматизацию застывших словесных форм, отнюдь не исключали постановки Ремизовым перед собой вполне «позитивных» и даже утопичных культуртрегерских задач, в т. ч. и в области мифопоэтической жанровой синкретики.

Особую проблему представляют собой «музыкально»-литературные синтетические жанровые образования — «Симфонии» А. Белого и сочинения, созданные под их влиянием.

В эстетике русского символизма ориентация на музыкальность делается средством выявления мифологического содержания в художественном тексте. Созидание словесного извода музыкальной формы (литературные «симфонии», «сонаты»

и т. п.) неизбежно подразумевает мифологическое переструктурирование композиции и художественного образа, при котором повторяемость событий, предопределенная базовой ритмизацией, задает циклическое время повествования, линейность сменяется полифонией эпизодов, а система мифологических трансформаций и отождествлений обеспечивает преобразование повествовательной горизонтали в вертикаль таким образом, что двигателем внутреннего сюжета становится не синтагматическая череда сцен и описаний, а их парадигма, воплощенная в аккордах, созвучиях, тематических вариациях и контрапунктах мотивов, топосов, тропов, символов и т. п.

В крупных повествовательных формах музыкальная симметричность, соответствующая символистским *correspondences*, постепенно усложняется и преобразуется в принцип проекции героя, образа, мотива в родственный семантический ряд, который в модернизме по большей части задается мифологическими схемами и моделями (Аполлон, Дионис, Орфей и т. п.; литературные мифологемы: маленький человек, Медный всадник, Дон Жуан, Дон Кихот и т. п.). Основным двигателем эпического сюжета в романах Белого, Мережковского, Сологуба при этом становятся полифоническое взаимодействие подобных проекционных моделей, разная степень успешности или трагедийное поражение персонажей в реализации заданных им ролей, поле напряжения между реальной фабулой и преобразующим ее мифологическим кодом, который предполагает определенный поведенческий канон героев.

Крупная модернистская эпика рубежа веков на безмерно расширившееся чувство индивидуального самостояния человека отвечает — и не без скрытой иронии — испытанием потенциального нарциссизма героя через его отражения в бесконечном ряду мифологических зеркал.

Пристального внимания заслуживает и вопрос о форме историософского романа, поскольку этот термин достаточно широко используется сейчас в критике и литературоведении, но обычно с очень туманным и размытым значением. Вместе с тем за подобным сочетанием скрывается вполне определенный литературный феномен, которому в то же время свойственны центробежные тенденции, структурное тяготение к выходу за пределы жанра. Историософский роман стремится к освобождению от вериг традиционной эпической формы, к постепенному преобразению в повествовательное явление более общего порядка — историософскую прозу. Но отправной точкой для этого динамического процесса служит все-таки роман.

При этом существенно, что историософский и историко-символистский романы — явления отнюдь не тождественные.

Наиболее характерный пример второго типа представляют собой «Огненный Ангел» и античная диалогия («Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный») В. Брюсова.

С одной стороны, археологическая эмпирика в этих романах кажется подчиненной метаисторической рефлексии — иллюстрации тезы о борьбе в истории бесконечно друг друга сменяющих замкнутых и непроницаемых, подобно лейбницевским монадам, культурных эпох: языческой античности и новой христианской эры, средневековья и дерзновенного возрожденческого гуманизма. И все же не эта теза структурирует жанр брюсовских романов, а напряженное стягивание всех пружин художественной формы к единому центру — герою, пребывающему между конфликтующими культурно-историческими эпохами и разрешающему этот конфликт на пути напряженной авантюрной интриги. С точки зрения бахтинского принципа трехмерности жанровой структуры (событие в повествовании, событие повествования, событие завершения)³⁷⁰ все три основные исторические романа Брюсова оказываются в конечном итоге обычными авантюрами романами с элементами романа воспитания. Остов традиционного исторического романа здесь остался неизблем, несмотря на все модернистские вторжения.

Трудность в описании собственно историософских текстов прежде всего заключается в том, что как относительно самостоятельный литературный феномен они суть для этой эпохи явление хотя и в высшей степени характерное, но новое и в целом не оформившееся в единый канон. И все же господствующие — и во многом обратно пропорциональные друг другу — типы литературной обработки историософского материала в начале века можно связать с именами А. Белого как автора «Серебряного голубя», «Петербурга» и «Москвы» (младосимволистская ипостась жанра) и Д. Мережковского, сочинения которого обнаруживают структурную близость к сугубо позитивистской литературной историософии А. Амфитеатрова как автора четырехтомной эпопеи о Нероне и его эпохе «Зверь из бездны».

Этот тип прозы ориентирован на систематику, осложненную инвестициями из метафизической области, — систематику мистериальной историософии, высвечивающей религиозные, космологические, мистические, библейские, собственно исторические, социально-политические, профетические, культурологические и прочие пласты вне их традиционной разнесенности. Поэтика текстов такого рода определяется захваченностью образно-повествовательной материи метаисторическими кодами и переводом дискретного ряда философи-

ствования об истории на язык универсальных символов-мифологем.

Обеим разновидностям историософских сочинений свойственно стремление к преодолению традиционных жанрово-стилистических границ романа и эпопейной циклизации текстов. Однако сами способы преодоления романских пределов Белым, с одной стороны, и Амфитеатовым/Мережковским, с другой, прямо противоположны.

Смысловые и стилистические свойства художественного слова в экспериментально-мифологических «романах сознания» Белого бесконечно расширяются, в частности, за счет ассоциативно-концептуальной переработки историософского материала. Этот материал, во-первых, входит в текст не в форме доктрины, а в виде развернутых и иерархически организованных художественных символов и мифологических рядов (религиозных, оккультных, культурных, социально-публицистических, архетипических и т. д.). Во-вторых, он служит лишь инструментом изображения катастрофичных интуиций сознания, расширяющегося до пределов Вселенной, так что сочинения Белого могут быть описаны и как романы феноменологические. Взаимоотображение здесь истории и гипертрофированной субъективности резко контрастирует с антиперсонализмом романов Мережковского.

Что касается книги Амфитеатрова, то в ней мы встречаем ту же экспансивность рационально заданной идеологической концепции в ущерб чистой художественности, те же принципы работы с источниками, тот же квазинаучный аппарат ссылок и комментариев, тот же дрейф в сторону голой публицистики, что и у Мережковского. В отношении историософского жанра поздний Мережковский-символист заканчивает во многом тем, что еще в самом начале века создавал «массовый позитивист» Амфитеатров. Перед нами двойственное, пограничное литературное явление, обращенное одновременно и на модернистскую художественность, и на консервативные литературные шаблоны массово-позитивистской эстетики. Немаловажно и то, что постановка вопроса о жанровой самостоятельности историософской прозы дает возможность определить, по какому пути в русской литературе начала XX в., с ее тенденцией к синтетическому письму, шел процесс трансформации границ литературности и освоения литературным письмом нового интеллектуально-эстетического пространства.

В жанровых аспектах лирики мифопоэтика сказала прежде всего на уровне составных крупных структурных образований — цикла и книги стихов. Зачастую в них автобиографическое мифологи-

заторство оказывается подчиненно вписанным в более масштабную надындивидуальную мифоконструкцию. Наиболее яркий тому пример — книга Вяч. Иванова «*Cor ardens*» и его композиционный центр — «*Eros*», опыт возгонки в мифогенное качество сугубо личных лирических переживаний 1906 г. Однако как целое «*Cor ardens*» представляет собой сложнейшую систему контрапунктных созвучий и столкновений мифем, мифологем и мифологических мотивов в точке размыкания сюжета в вертикаль, когда одна событийная линия (например, любовь героя к двум женщинам с последующей разлукой в цикле «Золотые завесы») прочитывается на уровне индивидуальной, греческой, славянской, древнеегипетской, «ренессансной» мифологий, которые перекликаются друг с другом и в конце концов выводят к надындивидуальным космо-религиозным проекциям.

Подобные сложные жанровые образования, подразумевающие выведение обобщенного мифа из автобиографического ядра, плод младосимволистских жизнетворческих стратегий. Старшему символизму была свойственна иная установка — на создание сквозного для всего сборника (цикла) сверхобраза как следствие тотальной мифологизации поэтической «картины мира». Наглядный тому пример — сборник Бальмонта «Будем как Солнце», попытка построить законченную символистскую космогонию на основании четверогласия стихий, жизнетворящих символов Огня, Воды, Земли и Воздуха. Каждый из них в разных контекстах разлагается на образно-семантические дериваты: Огонь — это пожар, пламя, заря, молния, свеча, костер и т. п.; Вода — океан, море, вода, влага, дождь и т. п.; Земля — гора, вершина, пустыня, болото, пропасть, дерево, цветок и т. п.; Воздух — ветер, буря, гроза, покой и т. п. Все многообразие мировых связей слагается из взаимодействия производных четырех главных стихийных символов. Но сами эти символы целиком вмещаются в сверхсимвол, мифологему Солнца — начала начал, верховного божества.

Особого внимания заслуживает тот факт, что подобная мифопоэтизация подразумевала прямую закономерность между повышением подтекстуальной и парадигматической емкости лирического произведения и ослаблением синтагматических связей внутри него. Это вело к автономии части внутри целого, к возможности восстановить это целое по отдельной детали в любой точке текста (как то свойственно собственно мифологическим повествованиям), к свободному варьированию художественных элементов. Такими внутренними законами бальмонтской поэтики и обусловлена та необязательность заданной структуры произведения, которую первым отметил еще Л. Троицкий,

когда свою статью о поэте начал с показательного эксперимента: критик перепечатал стихотворение «Царство тихих звуков, ты опять со мной!..» в обратном порядке, от последней строчки — к первой. И пришел к выводу, что «пьеса... от этого только выиграла, во всяком же случае не потеряла ни одной йоты из своих поэтических красот»³⁷¹.

Что же касается собственно канонических лирических жанров в русской поэзии рубежа веков, которые находят воплощение не в циклах, а в отдельных стихотворениях, то в их судьбах мифопоэтические импульсы, судя по всему, существенной роли не сыграли. При общем возрождении в поэзии рубежной эпохи классических строгих строфических образований и жанров (сонет, рондо, мадригал и т. п.) относительно позднего (средневекового, ренессансного, барочного и т. п.) происхождения, жанры собственно архаичные по своей родословной встречаются в это время не столь часто. Но и в тех случаях, когда поэты, например В. Брюсов и Ю. Балтрушайтис, обращаются к той же элегической форме, перед нами либо традиционная романтическая рефлексия в соответствующей минорной тональности («Мысль в разлуке с вечным сном...», «Как дымный вечер скорбен я...» Балтрушайтиса), либо программно эпатажное воспоминание об эротических победах («Элегии» из книги Брюсова «*Urbi et orbi*»), которое ничего общего с мифологическим архетипом жанра не имеет.

Исключение представляет собой лишь творчество Вяч. Иванова, активно обкатывавшего возможности русского стиха по стилизации тех античных жанров, которые в плане исторической поэтики были непосредственно связаны с главной и наиболее «духоносной» для поэта мифодиионической формой — трагедией. Прежде всего имеется в виду стадияльно предшествовавший ей дифирамб, который в творчестве Вяч. Иванова становится тем смысловым пределом, к которому тянутся все его опыты по испытанию мелоса на потенциальную трагедийную мистерияльность.

Примечателен и тот факт, что в модернистской поэзии мифологизация жанра, сопряженная с повышенной ролью подтекста и скрытого цитатного пространства, зачастую становилась инструментом литературной полемики и пародирования: Вяч. Иванов посредством дистиха «Изида» выступал в пику «идеалистическому символизму», М. Кузмин превратил в своей поздней поэзии ироничное использование элементов вагнеровской музыкальной поэтики в метод скрытой полемики с теургическим символизмом, а М. Волошин, обращаясь к максимально нормативной и структурно сложной форме венка сонетов («*Lunagia*»), пародировал эпатажно экспериментальный моностих В. Брюсова («О закрой свои бледные ноги!»).

В лирике рубежа веков пределы жанровой символистской мифопоэтизации текста были четко обозначены мелопеей Вяч. Иванова «Человек». Особенность этого сочинения — метаописательная (благодаря авторским комментариям) «проясненность» сложной и, на первый взгляд, герметичной структуры. Это, очевидно, обусловлено выходом текста из сферы чистой литературы через отсылку к синтетичным формам, несущим в себе обрядовую память жанра (композиционное деление на «мелосы» и «антимелосы», адресующее к хоровым партиям греческой трагедии), в область ритуального, где выявление во внешних формах глубинного («эзотерического») содержания — основной структурный закон. Велик соблазн по этой причине усмотреть в «Человеке» опыт обобщенно-лирического претворения феномена словесности в теургический, обрядово-«литургический» акт оргийной «новой соборности». Однако Иванов в «Человеке» останавливается на пороге чаемого «реальным символизмом» преображения эстетического творчества в ритуальное действие — но порога этого не переходит. И его непереходимость для поэта была принципиальна. Мелопея помогла ведущему теоретику теургических устремлений определить крайнюю и не пресекаемую грань, до которой может дойти символизм в попытках преодолеть литературу на путях мифопоэтизации.

В драме жанровая мифологизация была связана прежде всего с судьбой мистериальных и трагедийных форм. При этом важно отметить, что концепт мистерии в традиционной истории культуры имеет два принципиально разных толкования: это и ритуально-культовое действие, и конкретный средневековый площадный жанр разыгрываемых сценок из Священной истории. Второе значение термина учитывалось символистами и даже полемически пускалось в ход, когда им приходилось отводить упреки в мистических «темнотах» ссылками на жанровый прототип. Однако в своей непосредственной литературной и критико-эстетической деятельности они почти исключительно были ориентированы на первое его значение. Подобным образом понимаемая мистерия мыслилась глубинно наиболее родственной театру как таковому с его исконной культовой природой.

Основной энергией театра в младосимволистских трактовках становится мифологичность как инструмент тотального пересотворения реальности в сакральном действе.

Нерасчлененность значений в понятии «мистерия» во многом была обусловлена переносом в эстетике теургов метаописательного принципа

экстатико-дионисического преодоления устойчивых пределов, взаимообратимости, протеистичности объектов в область жанровой семантики, где двоились, троились и крайне расплывались границы между формами и подформами драматургического письма. Мистерия — плод дионисических смешений в сфере терминологии, благодаря чему в модернистской эстетике этим понятием могли обозначаться самые разные конкретные жанры.

По той же причине сама мистерия часто замещалась иными производными: «действием» (Вяч. Иванов), «литургией» (Ф. Сологуб), «русалией» (А. Ремизов) и т. п. В результате относительно четкой выявленностью на уровне жанра обладала лишь трагедия, да и то в основном в творчестве символистов, ориентированных на греческую архаику и классику. Значительно чаще мифопоэтизация составляла самых разных художников — от Блока («Король на площади», «Песня судьбы», «Роза и Крест») до Гумилева («Гондла»), не нацеленных непосредственно на археологизм и обработку освоенных традиционным театром мифов, двигаться в сторону лирических драм.

Наиболее последовательно и сознательно пытались сочленить свое осознание драматургических форм с мифологизмом художники, погруженные в осмысление и переработку античного материала, — Вяч. Иванов и И. Анненский, носители противоположных типов жанрового мышления.

В терминологии Иванова 1900–1910-х гг. Анненский — антипод «символическому реализму», в своем «символизме соответствий» не выходящий за грани «субъективного индивидуализма», исповедник принципа индивидуации в собственном неомифологическом творчестве, который оказывается не в состоянии подняться до катартического — а потому исконно трагического — разрешения диады и всегда остается в плену неизбывного дуализма, в т. ч. и мифопоэтического.

Что до Анненского, то он принципиально не приемлет ивановской концепции дионисизма как апологии чистого синкретизма, опыта психосоматического экстатического жертвенного исступления, размывающего границы индивидуации через приобщение к соборному единству «"я" вселенского в его волеии и страдании». Вектор культурологического мышления Анненского и как драматурга, и как филолога-классика, к примеру автора курса лекций по истории античной драмы на Высших женских курсах Н. П. Раева, направлен в обратную сторону: его художественная и научно-описательная модель работает по принципу дифференциации, партикуляции, дизъюнкции. Он вглядывается в точку распада синкретизма, единства явления, в становление феномена в истории на пути от «безответственно» общего

к «этически» осмысленному частному. Именно здесь, безусловно, пролегает принципиальный водораздел между эллинистами Ивановым и Анненским.

Подобная антитетичность концептуальных установок в отношении трагедии предопределила разнонаправленность эволюции их собственных драматургических опытов.

Иванов от «Тантала» через неоконченную «Ниобею» приходит к «Прометею», где едва ли не впервые в новоевропейской литературе драматургически выявляет мистериальное ядро трагедии — онтологическое отпадение личности, наказуемой и взыскающей искупления³⁷². Творческое оформление собственно искупительного этапа потребовало от автора выхода за границы жанра трагедии в синкретику мелопеи, в которой так и не произошло окончательного преодоления границ искусства в культовом действе.

Анненский же вообще мыслит свою драматургию вне мистериальной перспективы, за которой неизбежно просматривается дионисический след, и от относительно верной греческим жанровым образцам трагедии «Меланиппа-философ» движется к «Фамире-Кифарэду» с его героем — рефлексирующим гамлетиком, делающим «антидионисический» выбор, отказываясь от любви и расточения и сохраняя мучительную верность аполлонической грезам о недостижимой гармонии высших сфер. В решении автора дать своей самой «антидионисийской» пьесе жанровый подзаголовок вакхическая драма невозможно не усмотреть иронии. И прежде всего по отношению к мистериальным изводам трагедийного жанра.

Некоторым образом промежуточное положение между Вяч. Ивановым и Анненским занимает Белый. Конец 1890-х — начало 1900-х гг. ознаменованы в его творчестве стремлением заковать обуравляющий сознание хаос в художественном акте мистериального преобразования мира. Однако показательно, что попытки написать подобный текст (незавершенная мистерия «Антихрист») молодому поэту не удаются. Как литературный феномен мистерия у Белого оказывается несостоятельной даже на уровне эмпирического сюжета.

Драматические попытки преодолеть такое сопротивление материала заканчиваются ничем, и в результате художник вступает в резкую полемику с главным «мистагогом» — Вяч. Ивановым — и окончательно пересматривает свое отношение к мистериальным поискам, считая их изначально обреченным на провал, творчески лживым, духовно опасным и тупиковым занятием. В 1906 г. Белый констатировал логическую невозможность полного воплощения мистерии как жанровой мифопоэтической формы в пределах собственно драмы³⁷³. И в

перспективе исторической динамики русской литературы оказался прав.

Итак, при всей важности той роли, какую сыграла мифопоэтика в художественном преобразении русской литературы Серебряного века, в сфере именно жанровой эволюции ее новаторское воздействие оказалось более или менее локальным.

В области эпики оно предопределило актуализацию архетипических схем контрверсы космоса/хаоса, что в результате привело к снижению динамичности прозаических форм на уровне сюжетной синтагматики, но расширило парадигматическую объемность текста. При этом модернистская мифопоэтизация, как правило, подразумевала, серьезную семантическую корректировку исходных архетипических моделей.

В свое время происходящий на рубеже веков уникальный исторический слом, вызванный кризисом доверия к цельности человека и мира, Н. Бердяев связал с двумя разнонаправленными векторами исхода из лона классической эстетики. Оба они — добавим — подразумевали мифопоэтизацию художественной формы как актуальную задачу.

По первому пути двинулись те (прежде всего Вяч. Иванов), кто искал синтеза через «пассеизм», теургию, «проповедь соборности», «обращенную назад», которая потому оказывается «не имманентной нашему времени», а ему «совершенно трансцендентной»³⁷⁴. В жанровой перспективе пределом эстетических чаяний такого рода должна была стать возрожденная мистерия. Мифологизация текста здесь в общем была обречена на роль инструмента в утопико-археологическом проекте по реконструкции мистериальной формы в новых условиях. И хотя на этом пути русская литература обогатилась немалым числом замечательных сочинений, эксперимент в целом не удался: мистерия не состоялась, а сама эта задача свидетельствовала не только о кризисе классического канона, но и о глубокой от него зависимости.

Опыт «разложения», «распада», «распыления» «всякого органического синтеза и старого природного мира»³⁷⁵, открывающий путь к преодолению фигуративного искусства устойчивых материальных форм, был отражен второй эстетической тенденцией, по Н. Бердяеву, — тенденцией аналитической. И адекватным языком, воплощающим этот опыт в художественной эпике, становится вычленение архетипической схемы повествования, ее разложение и выворачивание наизнанку в прозе А. Белого. Именно на этом рубеже, между синтетизмом младосимволизма и аналитизмом авангарда, и в таком изводе — с инверсией архаичной модели —

мифологизация воздействовала на художественную систему и структуру прозаических жанров наиболее глубоко.

Последовательно мифопоэтизировались в литературе эпохи и неканонические формы, ориентированные на синтез словесной и музыкальной фактур — в силу структурной одномерности последних мифу. В то же время подобные прозаические сочинения по архитектонике своего внутреннего смыслового пространства оказались во многом тождественны модернистским лирическим циклам и циклическим новообразованиям (мелопея), построенным по мифопоэтическому принципу. А тем, в свою очередь, по глубинным законам организации художественной ткани оказываются родственны неомифологические лирические драмы, которые рождались вне теургических установок на созидающие мистериальные сочинения.

Таким образом, мифопоэтика, не посягая на внешние границы между разными типами письма, делает прозрачными и проницаемыми межжанровые и межродовые перегородки, выстраивая принципиально новую систематику литературных форм. В ее основе, как показывает драматичная история попыток русских модернистов воплотить в трагедии мистерию и «опыт современной души», будут лежать уже не аристотелевско-гегельянские категории классической эстетики, а гораздо более общие, интегральные семиотические оппозиции, в частности дифференциации и синтеза, которые, в свою очередь, зеркально соотносятся с архетипической антитезой космоса/хаоса.

Так смыкается смысловой круг мифопоэтики жанра в русской литературе рубежа конца XIX — начала XX в.

Гордиенко Э. А.

ЖИТИЯ ВАРЛААМА ХУТЫНСКОГО XV в. В СИСТЕМЕ АДАПТАЦИИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

В истории адаптации славянских культур особое место занимает период второго южнобалканского влияния, проходивший в течение XIV–XV вв. Тогда под давлением турецко-османских завоеваний на Русь устремился мощный культурный поток, обновивший духовную жизнь страны. Его воздействие ярко отразилось и в новгородской культуре, дальнейшему развитию которой способствовали сербские, болгарские и афонские книжники и живописцы.

Важнейшим вкладом в обновление духовной жизни Новгорода было создание нескольких комплектов служебных Миней, написанных в 1430–1470-х гг. по заказу владык Евфимия II, Ионы и Феофила для Софийского собора и других новгородских храмов и монастырей. Это было время наивысшего расцвета новгородской агиографии, когда с принятием Афоно-Иерусалимского устава месяцеслов пополнялся службами местных святых. Тогда были написаны жития Саввы Вишерского, архиепископов Моисея, Евфимия II, возможно, Иоанна и Ионы, похвальные слова и службы иконе «Богоматерь Знамение», празднику Покрова Богородицы. Но первым своим святым в обновляемом пантеоне был Варлаам Хутынский, в честь которого была составлена полная служба.

Древнейший ее список содержится в Минее 1438 г., написанной для Софийского собора

игуменом Перынского монастыря Дионисищем (Дионис ищем)³⁷⁶.

В послесловии рукописи (л. 307) названы имена великого князя Василия II Васильевича Темного, митрополита Исидора, архиепископа Евфимия II, посадника Федора Даниловича и тысяцкого Ивана Лукинича. Упоминание имени последнего позволяет уточнить дату создания рукописи — до августа 1438 г., т. е. до того, как Иван Лукинич Щока был избран посадником³⁷⁷ (рис. 11).

В том же послесловии Дионисище просит прощения за огрехи, которые мог допустить, когда, работая над рукописью, беседовал с другом или учил детей. Маргиналии с условным обозначением пропущенных мест в тексте свидетельствуют, что многие погрешности вскоре были устранены. Заметим, что подобная правка полностью отсутствует только в Службе Варлааму Хутынскому (л. 37–72 об.).

Обветшавшие, потертые и вставленные листы рукописи свидетельствуют, что позднее были сделаны более существенные дополнения, не изменившие тем не менее первоначального содержания.

Основной блок Миней писан полууставом светло-коричневыми чернилами на лощеном пергамене желтоватого цвета. Разлиновка в один столбец представляет собой двойную рамочку с тонко прографленными строками. В расположении текста в целом соблюдаются границы обрамления. Почерк

отличается отсутствием наклона, единообразием линий, небольшим размером слегка вытянутых по вертикали букв, изящной формой киноварных инициалов. Заглавные киноварные строки в начале служб написаны крупной вязью с весьма умеренным использованием лигатур и украшений, заголовки внутри служб выполнены полууставом в одном размере с текстом. Особенность первого почерка состоит в многообразии написания *З* в большинстве случаев узкого с длинным, иногда извилистым, свисающим вплоть до следующей строки хвостом, нередко с широкой закругленной верхней петлей и относительно коротким хвостом, реже в виде перевернутого *S*. Лежащая на строке пологая *ω*, *Ж* с изогнутой высокой мачтой и длинными дугообразными усиками справа, высокие *Б*, *Т*, мягкие «арочные» титла и умеренное использование надстрочных знаков подчеркивают отличительные черты почерка Дионисища (рис. 12).

Своеобразие орфографии выражается в преобладании окончаний *Б* как варианта *Ь* и окончания *-aa*, так называемого зияния, написании *ИИ* вместо *ИИ*, введении *θ* и *S* в буквенном значении, использовании букв *Ψ* и *ξ*. Как полагал В. Н. Щепкин, это признаки времени, когда «громадное большинство русских рукописей кишит югославянскими особенностями»³⁷⁸. Но не исключено, что их значительное количество в Минее 1438 г. объясняется южнославянским происхождением Дионисища, называвшем себя шестником (л. 307), т. е. пришельцем. Он не оставляет своего акцента в письме, но, следуя усвоенным правилам русского языка, чередует окончания *Б* и *Ь*, избегает зияния *-aa* и наряду с *добраа*, *своа*, *моа* пишет *моя*³⁷⁹ (рис. 13).

Преодоление югославянского акцента происходит уже в рукописях 1460–1470-х гг. Для сравнения приведем несколько примеров разного написания одинаковых слов в Минеях 1438 г. и 1463 г.:

1438 г.³⁸⁰

позналь
с̄наследникъ
бесов̄скаа
потопиль
чюдесь
дшамь
соушилъ
Ψсаломьскаа
вьистину

1463 г.³⁸¹

позналь
снаследникъ
бесовскаа
потопиль
чюдесь
дшамь
соушилъ
псаломскаа
воистину

Вместе с тем в Октоихе 1436 г., написанном черноризцем Иовом по заказу архиепископа Евфимия³⁸², в Службе Варлааму около 1495 г.³⁸³, в Геннадиевской Библии 1499 г.³⁸⁴ в Минее XV в.³⁸⁵ признаки югославянского письма почти полностью отсутствуют. Из этого наблюдения следует, что югославянское влияние, во-первых, не было все-

объемлющим, а во-вторых, его представители, такие как Дионисище, были не только адаптивным, но и адаптирующим звеном культурного процесса. Участвуя в его преобразовании, они в конце концов слились с близкой для них средой, став неотъемлемой ее частью. Преодоление и окончательное исчезновение югославянских признаков в русской письменности свидетельствуют не только о начальной активности пришельцев, но и согласованном взаимодействии русских (новгородских) и афонских книжников, постепенном снижении роли последних и последующей полной их ассимиляции с той культурой, в которой они поначалу выступали наставниками и учителями.

Вместе с тем значение софийской Минеи как протографа для последующих ноябрьских Минеи несомненно, хотя именно эта роль послужила причиной неудовлетворительного состояния кодекса, сохраняющего множество следов его долгой и активной жизни не только в богослужбной практике, но и в деятельности скриптория, где хрупкие листы пергамента переворачивались нередко без особой бережности. Со временем в рукописи была утрачена целая тетрадь и два листа. В середине XVI в. она подверглась реставрации. Были восполнены два листа (66–66 об. — в Службе Варлааму Хутынскому и 110–110 об. — в Службе Феодору Студиту) и тетрадь со Службой иконе «Богоматерь Знамение» (л. 252 об.—272; 20 листов + оборотная сторона на старом пергамене, л. 252).

Вставки написаны черными чернилами на белом пергамене разной обработки (рис. 14, 15, 16). Поврежденный первоначальный текст на листе 252 об. (старый пергамен) был смыт и заново написан вторым почерком черными чернилами. Подобная операция была проведена и на л. 272. Вверху текст был смыт (видны потертости и следы первоначальных букв) и черными чернилами завершена Служба иконе Богоматери. В нижней части листа остались нетронутыми шесть строк Службы отцу Стефану и мученику Иринарху письма Дионисища (рис. 17). Наиболее убедительный пример плохой сохранности первоначального текста на старом пергамене можно видеть на л. 196, где строки едва просматриваются и многие уцелевшие слова обведены черными чернилами (см. также л. 58, 64 об., 67 и др.). Разлиновка на новых листах либо отсутствует, либо ограничивается небрежной боковой линией со стороны обреза, строки изредка обозначены тонкой чернильной линией. В расположении текста соблюдается только левое поле, справа строка нередко почти упирается в край листа, а последняя строка иногда заканчивается на нижнем поле.

Полуустав с тонкими и жирными линиями, киноварные инициалы вычурной формы, грузная вязь в заглавии, *В* в виде коробочки, строчное *З* в виде

цифры 3, лигатура «ук» с отлетевшей галочкой, обильное использование надстрочных букв, волнообразно изломанные титла определяют особенности второго почерка, письмо которого и лишенная югославянских признаков орфография подтверждают появление вставок не ранее середины XVI в.

Утраченные и обветшавшие первоначальные листы были восстановлены по ноябрьским Минеям XV в.³⁸⁶ и тем самым дополнения XVI в. восстановили содержание Минеи 1438 г., тексты которой переписывались в течение нескольких десятилетий. На новых листах засвидетельствовано и участие в создании рукописи известного писателя Пахомия Логофета, родом серба, инока Афонской горы. На л. 259 в самом тексте ирмосу 1-й песни канона предшествуют слова: «Творение священноинока Пахомия», на левом поле л. 259 об., перед ирмосом 8-й песни стоит лигатура «ЛГ » (рис. 18, 19).

Подобные удостоверения находятся во всех ноябрьских Минеях, восходивших к Минеи 1438 г. Это пергаменная рукопись из Хутынского монастыря³⁸⁷; бумажные из церкви Сергия Радонежского на Владычном дворе, около 1463 г., л. 351–351 об.³⁸⁸; из Никольского Гостинопольского монастыря, 1475 г., л. 382 об., 383 об.³⁸⁹; из Валаамского монастыря, около 1475 г., л. 344 об., 345³⁹⁰; неизвестного происхождения, 1470-е гг., л. 454, 435³⁹¹; Минеях XVI в. из Шилова монастыря, л. 326–326 об.³⁹²; из церкви Святого Образа (Преображения Господня у Новинских ворот), л. 345–345 об.³⁹³; из Васильевского монастыря, л. 405 об., 406 об.³⁹⁴; из церкви Апостола Иакова, листы 326–326 об.³⁹⁵; из церкви Евангелиста Марка, листы 312–312 об.³⁹⁶; из Варварина монастыря, листы 376–376 об.³⁹⁷

Таким образом, пребывание Пахомия в Новгороде в 1438 г. и сотрудничество его с игуменом Дионисищем находят убедительное, хотя и косвенное подтверждение. Пахомий, по его собственному свидетельству, прибыл в Новгород еще при архиепископе Евфимии, т. е. не ранее 1429 г. Незадолго до того в Новгород вернулся с Афона еще один путешественник — Савва. С собой он привез книги, а в 1418 г. основал Вишерский монастырь (умер около 1460 г.). Вместе они, очевидно, входили в тот круг людей, трудами которых происходило обновление устава новгородской церкви.

Вводимым тогда правилам Афоно-Иерусалимского устава следовали и тексты Минеи 1438 г., в состав которой вошли древнейшие уставные сочинения, посвященные памяти Варлаама Хутынского и иконе «Богоматерь Знамение».

Оригинальным сочинением, не имеющим предшествующих аналогов, является Служба Варлааму Хутынскому. Составленная по новым правилам, она начинается стихирами и славословием святому с малой вечерни, 5 ноября, т. е. накануне праздника

(л. 37–39). Затем следует великая вечерня (л. 39–44), на которой 4 стихиры, Слава и паремии положены Варлааму Хутынскому и 4 стихиры — его сподвижнику, непримиримому борцу с ересью Павлу Исповеднику.

6 ноября после короткой утрени служба начиналась чтением Памяти (Жития) Варлаама (л. 44 об.–52 об.). По определению В. О. Ключевского и Л. А. Дмитриева, в рукописи 1438 г. содержится Вторая редакция Жития Варлаама, в которой Проложная редакция начала XIV в. дополнена тремя прижизненными чудесами о благовестии родившегося княжеского сына, об утаенном рыбаками осетре, оживлении замерзшего отрока, и тремя посмертными чудесами о прозревшем слепом, спасенном утопшем и об исцелении князя Константина³⁹⁸.

Служба завершалась чтением Евангелия и полиелеем праздника, свидетельствами избранного почитания Варлаама³⁹⁹.

Особое место в службе занимает «Слово похвальное на пречистую память преподобного отца нашего Варлаама» (л. 53 об.–61 об.). «Слово...» предварено маргинальной заметкой: «На инога иудея», раскрывающей мысль о поклонении «целебным пречестным мощам» светильника, воссиявшего не от Иерусалима и не от Синая, но от Новгорода Великого, и житием своим исполнившего радостью «землю и самый воздух» (л. 56). Излагая вкратце жизненный путь Варлаама, преодолевшего все невзгоды, совершившего прижизненные и посмертные чудеса, автор «Слова...» противопоставляет неблагодарность «непокоривого иудейского народа» божественной благодати, дарованной преподобному исцелять недужных и претворять «солнечный воздух в водоточное естество». И «такой дождь доволен молитвами святого исходит, яко и дивится иже ту предстоящему народу» (л. 59). «Слово...» завершается многими благодарениями «неистоцимому источнику чудес» (л. 60 об.), «твердому основанию отечеству своему» (л. 61).

В заглавии «Слова...» нет имени Пахомия Серба (рис. 20). Между тем это сочинение традиционно относится афонскому ритору⁴⁰⁰. Отсутствие его имени в данной рукописи может быть объяснено забывчивостью, на которую ссылался Дионисище. Но скорее причина кроется в том, что служба, включая песнопения на вечерне и утрени, паремийные чтения из Премудрости Соломона и пр., была составлена одним человеком как единое произведение, в котором Память святому (Житие) и «Слово похвальное...» являются его неотъемлемой частью. Вторая редакция жития Варлаама также не считается произведением афонского мастера⁴⁰¹. Принятое в Минеи 1438 г. последование службы впоследствии стало образцом для самого Пахомия и для писцов ноябрьских Минеи XV в.

В бумажных ноябрьских Минеях XV–XVI вв. Софийского собрания, следующих структуре службы Варлааму, принятой в Минее 1438 г., Пахомий также не упоминается в «Слове...»⁴⁰².

Впервые его имя появляется в сборниках или отдельных рукописях службы, например в Службе Варлааму 1495 г. (?) из Троице-Сергиевой лавры⁴⁰³, где на нижнем поле л. 81 об. находится маргиналия: «Священноинока Пахомия Логофета». В сборнике второй половины XV в. из собрания Н. П. Лихачева имя Пахомия помещено непосредственно в заголовок «Слова...»⁴⁰⁴.

Возможно, в XV в., когда Пахомий Серб стал литературной знаменитостью, его имя, подчеркивая ценность сочинения, сопровождало службы, жития и похвальные слова, автором которых он не был, как, вероятно, не он писал и «Слово...» в Минее 1438 г.

Избегая окончательных выводов, предположим, что Миней 1438 г. была создана двумя писцами, один из которых, Пахомий Серб, написал для Службы иконе «Богоматерь Знамение» два канона Богородице (27 ноября), возможно, первое свое русское сочинение. Возникает вопрос. Мог ли игумен Перынского монастыря Дионисище быть автором Миней? Разумеется, эта сложнейшая проблема требует отдельного исследования. Но в пользу столь смелого предположения, возможно, свидетельствует и то, что Служба Варлааму Хутынскому в Минее 1438 г. отличается особым каллиграфическим изяществом и полным отсутствием ошибок и исправлений, как это и должно было быть, если Дионисище не только иногда невнимательно списывал текст, но и тщательно переписывал собственное сочинение.

Дионисище был игуменом и, следовательно, должен был прожить в Новгороде некоторое время, чтобы иметь право быть настоятелем древнейшего монастыря, где, наставляя братию, он учил детей грамоте и беседовал с другом. Уже в самом имени-прозвище Дионисище отражается не только облик человека внушительных размеров, но и рисуется значительная личность, оставившая по себе память написанием Миней, в которой впервые в исторической последовательности событий и мифологиче-

ских воплощениях посмертного жития был создан образ Варлаама Хутынского.

Как именно совершался этот труд, делает свое заключение текстолог. Но уже сейчас можно полагать, что авторство Пахомия Серба в создании «Слова Похвального... Варлааму Хутынскому» не бесспорно.

Свой вариант Жития Варлаама Пахомий создал несколько позднее, около 1440–1443 гг. Взяв за основу текст Второй редакции, он подвергнул его стилистической правке, дополнив нравоучительными сентенциями и четырьмя новыми рассказами о посмертных чудесах, исцелениях немого и трех бесноватых.

Известно несколько пахомиевских редакций Жития Варлаама⁴⁰⁵. Все они как самостоятельные произведения входят в состав житийных сборников, но ни одна из них не относится ко времени пребывания афонского ритора в Новгороде. Редакция, принятая за основной текст⁴⁰⁶, вошла в состав ноябрьского тома Софийского списка Великих Миней Четых 1529–1541 гг. (далее — ВМЧ).

Другая редакция⁴⁰⁷, возможно, более ранняя, входит в обширный сборник житий XVI в. и, оставаясь в целом близкой списку ВМЧ, отличается большей непосредственностью повествования. В ней отсутствует поздняя редакционная правка, придавшая житию требуемое благообразие. Прежде всего это касается начальной части, где Пахомий описывает жизнь святых отшельников, «в посте и подвизе просиявших». Показав свою «храбрую» победу, они, по словам Пахомия, «просто рещи» (попросту говоря), были оплеваны и обижены. Но, продолжает Пахомий, вся суть сего мира временна и суетна и подобна «сени и сну преходящему». Удалившись от мира и «ревнуя» о нем, отшельники, ходили «в овчинах и козых кожах» и, «скорбя и злостраждуце в пустынях скитались, в горах и в вертепах и во пропастьх земных Господеви работающее». Эта выразительная и весьма реалистичная картина жизни отшельников резко отличается от «благовидной» редакции ВМЧ, в которой сказано только «неудобна яже о них (отшельниках. — *Примеч. авт.*) подробну написати ради тех високаго жития и любве яже к Богу».

Приведем два варианта из этого вступления.

Погод. 871. Л. 265–265 об.

Понеже убо о нем прежде бывшем великим и божественным мужем в посте и подвизе просиявших, иже толику и велику победу храбрски на врагы мужиски показавши, паче же просто рещи, преобидевша и оплеваша. Вся суть в мире сего временна поразумевша, бо яко вся суть суетная и без вести, аще мала подобна сени и сну преходящему, или рекшу, яко в торзе бывшу, и малу некую куплю деявшу и паки торгу несущу, расшедшюся, рекше человеческая жизнь изнеможа. Тем же таковая они рассмотревши изыдоша из мира и бяху ревнующее о нем древним ходившим в овчинах и ко//зиях кожах, бо вся дни лишаеми, скорбящи и злостраждуце в пустынях скитающася, в горах и в вертепах и во пропастьх земных Господеви работающее. Тем же убо тех святых кии язык человеческыи житие их и зрещи, возможет или по достоинству похвалити...

ВМЧ

Понеже убо о нем великимъ, иже в посте подвизе просиявших, иже толику велику победу на врагы мужиски показавша и мира сего вся краснаа и суетнаа, иже в мале услаждаемая, преобидевша, поразумевше, яко суетнаа вся суть и временнаа, потом без вести бываемаа, аще велика, аще мала подобна сени и сну преходящему, или цвету утренему, иже при вечере усыхаему и отпадающе, — техъ убо святыхъ жития же повести древнимъ // о нем писателемъ нужно бяху и неудобна яже о них подробну написати ради техъ високаго жития и любве яже к Богу. Ныне же последняго нашего рода кто житие техъ изрещи можетъ, или по достоинству похвалити...

Другие дополнения в погодинской рукописи также демонстрируют собственные черты творчества Пахомия, несправедливо упрекаемого в излишней риторике и витиеватости слога. Это мнение основывается на поздних списках, претерпевших редактуру, как это, возможно, произошло с редакцией Жития Варлаама, вошедшей в ноябрьский том ВМЧ. Между тем такие произведения, как исполненные реалий Житие архиепископа Евфимия, «Новейшее чудо о умершем отроке» (Григорий Тумгане) и многие другие, убеждают в острой наблюдательности Пахомия, внимательно следившим за происходившими событиями и передававшим их подробности выразительным слогом.

Выполняя заказ архиепископа Евфимия II (1429–1458 гг.), разыскивая сведения о жизни Варлаама, Пахомий Логофет, по собственному выражению, объединял их «в едину пленицу» (корзину), которую он собирал в Хутынском монастыре, вопрошая старцев «много лета имуща»⁴⁰⁸. В устных преданиях, а также в хранившихся в монастыре «харатейных» и «письменных», «гораздо ветхих» книгах, указанных еще в Описи 1642 г., он мог найти и сообщение о недостроенном храме, что позволяет восстановить историческую последовательность событий. Заложенный в 1192 г. собор был освящен архиепископом Гавриилом на начальном этапе, и Варлаам, согласно летописному свидетельству умерший в 1193 г.⁴⁰⁹, не успел завершить строительство.

В данном случае мы затрагиваем дискуссию, в которой летописная дата смерти Варлаама в 1193 г. подвергается сомнению и принимается версия Проложной редакции жития, согласно которой преподобный умер около 1211 г., в момент возвращения Добрыни Ядрейковича (архиепископа Антония) в Новгород⁴¹⁰.

В Хутынской книгохранительнице могла быть найдена рукопись, послужившая еще одним источником для Пахомия. В предполагаемом памятнике возвратившийся в Новгород в 1210 г. архиепископ Антоний не только выступал свидетелем смертного часа своего друга, но и после его похорон («собора») продолжал с ним общение и стал свидетелем чуда Варлаама о двух осужденных на Великом мосту⁴¹¹. Рассказ об этом событии начинается сообщением о большой дружбе и любви Варлаама и Антония. Вероятно, он и послужил источником «Повести о сугубой любви...», известной по Распространенной редакции конца XVI в.

В отличие от автора Второй редакции (игумена Дионисища?), Пахомий не задается вопросом об историческом соответствии повествования. Между тем он был знаком с новгородскими летописями и мог избежать нарочитых анахронизмов⁴¹². Новая редакция, продолжавшая традицию Проложно-

го сказания, редакции 1438 г. и, возможно, других источников, была принята и архиепископом Евфимием, хотя кому, как не ему, была известна хронология новгородских святителей и скорее всего именно при нем в летопись было занесено известие о смерти Варлаама Хутынского в 1193 г.

Между тем владыка заказал, а Пахомий создал не историческое сочинение, но произведение, целью которого было следовать мифологической памяти с ее чудесными, происходившими вне времени превращениями. Развитие этих видов письменного творчества происходило относительно разных временных координат. Если летописец, пусть иногда с нашей точки зрения не точно, восстанавливал ход истории, то агиограф создавал житие чудес, возвращавших прошедшее время. Житийные повести, «преодолевая» волю писца, становились под его пером воплощением божественной воли. Созданные одновременно летопись и житие представляли своеобразный синтез историзма и поэтического вымысла, отражавший особенность двойственного мировосприятия средневекового человека.

Собирая свою «пленицу», Пахомий следовал принципу неприкосновенности святого предания. Не нарушая его завета, опираясь на собственный писательский опыт, он обогатил предшествующие тексты своими дополнениями и, развивая начатую еще в Проложной редакции жития тему дружбы двух друзей, усилил эзотерический характер житийного повествования. По его признанию, он, чужестранец, не видел их собственными глазами, но слышал о них «от многих поведаема бяху святого чюдеса». Одним из этих чудес было возвращение архиепископа Антония, заставшего смертный час своего товарища в 1211 г. и совершившего мистерию его второго захоронения. Тайна предания была сохранена в последующих редакциях Жития Варлаама, создатели которых не сомневались в достоверности необыкновенного события, подтвержденного агиографами прошлого.

Следующее, посвященное Варлааму Хутынскому творение Пахомия Логофета относится ко времени архиепископа Ионы (1458–1470) и связано с обострившимися отношениями между Новгородом и Москвой. Понимая необходимость привести в действие механизм Яжелбицкого договора 1456 г., по которому Новгород лишился многих традиционных властных и судебных полномочий, в январе 1460 г. великий князь Василий II Темный с большой свитой прибыл в Новгород. Не исключено, что в том же сопровождении был и Пахомий Логофет, в очередной раз посетивший Новгород.

Источники по-разному освещают это событие и, смешивая реальное с чудесным, достоверное с вымышленным, создают противоречивую картину,

в которой ситуация предстает такой, как она отразилась в сознании современников и поздних ее интерпретациях.

По свидетельству летописи Авраамки князь пожаловал «мирно», чтобы поклониться святым гробам в Софийском соборе и «чудотворному гробу великого Варлаама, игумена святого Спаса Хутынского»⁴¹³. Московский летописец изобличает «изменников новгородцев». «Ударив в вече», они собрались у Святой Софии и «совещались» убить великого князя и его детей⁴¹⁴. «Кроткому и тихому нравом» архиепископу Ионе пришлось приложить немало сил, чтобы унять свою строптивую паству и хотя бы ненадолго сохранить видимость добрых отношений⁴¹⁵.

Устранить противоречия во многом помогло свершившееся в Хутынском монастыре чудо исцеления княжеского постельничего Григория Тумгана. Краткий, но, возможно, самый ранний рассказ об этом событии находится в Строевском списке Н4Л, в котором чудо засвидетельствовано, как исцеление от «тяшка» болезни, когда «отрок князь» «мертв лежаше на много час; и сдрав бысть отрок Григорей молитвами святого Варлаама»⁴¹⁶.

Сказание о чуде 1460 г. в летописи Авраамки, как и весь отрывок 1447–1469 гг., А. Г. Бобров относит Пахомию Сербу⁴¹⁷. Есть основания согласиться с этим предположением. Лаконичный рассказ об умершем отроке боярского рода, «постельнике» великого князя, несет полную информацию о чуде, представляя собой краткий вариант созданного Пахომием Логофетом, сочинения, известного как «Новейшее чудо о умершем отроци» и, вероятно, включенного в некую «книгу чудес», о которой упоминается в летописи. Не исключено, что список этой «книги» сохранился в ноябрьском томе ВМЧ, где, как и в летописи Авраамки, указана точная дата свершившегося чуда о Григории Тумгане: 31 января, «на память святых чудотворец Кира, Иоанна».

В конце 1460-х гг. московский дьяк Родион Кожух написал свое Сказание о чуде с Григорием Тумганом⁴¹⁸. Л. А. Дмитриев, указывая на публицистический характер сочинения, в котором подчеркивалось «благорасположение новгородского святого к москвичам», полагает, что оно могло быть создано не ранее 1467 г. Этот вариант чуда был впоследствии присоединен к некоторым спискам Второй редакции Жития Варлаама, а в 1470-х гг. Пахомий Серб, используя, по мнению Л. А. Дмитриева, сочинение Родиона Кожуха, добавляет к своей редакции рассказ о чуде с Тумганом⁴¹⁹.

Между тем сочинение афонского ритора — самостоятельное произведение, и сходство его с московским может быть объяснено не только использованием принятых в агиографии штампов, необходимых при создании подобных сочинений,

но и наличием близких источников, среди которых мог быть упомянутый рассказ в летописи Авраамки.

Сочинение Пахомия значительно короче и кажется эмоционально более сдержанным. Вместе с тем оно отличается живостью, а иногда и простотой слога. Особенно выразителен эпизод с прибытием владыки в монастырь: «Доспе же преславное чудо во всем граде даже и самого Ионы, преосвященнаго архиепископа Великого Новгорода и Пскова. Той же, яко услыша преславные во дни его содеяшася, со всякою скоростью в монастырь грядяши...» Как будто и вправду владыка не ведал о предстоящих событиях и, ничего не зная, прибыл в обитель, как мы бы сказали, «на всех парусах». Осведомленность москвича Григория Тумгана о Варлааме Пахомий объясняет тем, что отрок «издавна имяше у себя житие преподобного и часто прочиташа того чудеса» и что, очевидно, является указанием на существование более раннего подобного сочинения. Пахомий ближе новгородским реалиям. Он не забывает имени своего современника, аркажского игумена Тихона. В Хутынском монастыре у него, согласно древней традиции, удерживаемой еще со времен Варлаама и архиепископа Антония, ударяют в било, а не звонят «в тяжкая», как в Сказании Родиона Кожуха. Завершая повествование о воскрешении княжеского постельничего, Пахомий обращает внимание на то, что это «преславное» чудо «не первое сие бысть, но паче второе. Первое убо сего блаженный Варлаам воскреси отрока умершее, еще сущю в сей жизни...»⁴²⁰.

Московский сочинитель также знает о подобных «преждебывших» чудесах, но напоминает не о чуде Варлаама, а о событии гораздо более далеком, времени византийского императора «великаго царя Феодосия», когда семь отроков, «почивавших» «300 и семьдесят два лета», скрывались таким образом «от злаго мучителя Декия царя во Ефесе граде». Пахомий в своем сочинении как бы скользко упоминает «благочестного великого князя Василия Васильевича» и лишь в заглавии называет его по отчеству. Родион Кожух по всем правилам этикета обращается к именам великого князя и его сыновей, прибывших в свою отчину в Великом Новгороде, где их встретили «с честью, с честными животворящими кресты, пред враты монастыря», где «веры ради благочестиваго самодержца благовернаго великаго князя Василия Васильевича всея Руси и с ним сынове его...» произошло воскрешение отрока, и великий князь «поручил» своих сыновей «во обет великому и преподобному чудотворцу Варламу». Говоря о кресте, которым Варлаам благословлял Григория Тумгана в его снах и видениях, Пахомий не уточняет его облик. В Сказании Родиона Кожуха Варлаам «знаменует Григория честным животворя-

щим нерукописанным крестом Киликиевским князя великаго». Для московского автора было важно привязать это действие к почитавшейся в великокняжеской семье реликвии.

Сказания завершаются по-разному. Пахомий создает краткий вариант восхваления Варлаама, «ничим от древних оних отец умаленного...». Завершая свое славословие, он восклицает: «И что много глаголю: вся сугуба чудеса и по преставлении бяху; почто убо к сим речем, коели похваление якоже лето есть, того главе венец сплести возможем или по достоинству похвалити». В сочинении Родиона Кожуха, которое он «возмогахом приложить по силе нашей...», особенно знаменательны слова: «Радуйся, страж крепок земли нашей и Великого Новагорода»⁴²¹.

В чуде о Григории Тумгане Пахомий как будто вспоминает о своем житии в Новгороде, когда вместе с Дионисищем писал Минею, или по велению архиепископа Евфимия сочинял свою редакцию жития Варлаама Хутынского. Теперь ему предстояло общаться с еще одним знаменитым новгородцем, архиепископом Ионой. Владыка высоко ценил творчество Пахомия, щедро одаривая риторика серебром и соболями за его сочинения. В Житии архиепископа Евфимия, Саввы Вишерского, а после смерти Ионы в Житии, посвященном его памяти, обосновавшийся в Троице-Сергиевой лавре афон-

ский инок затрагивает и раскрывает человеческие стороны и душевные струны из биографии этих людей. И если бы не сохранявшиеся в его автографах черты югославянской письменности, его можно было бы считать человеком, связанным самыми тесными узами с русской, прежде всего новгородской культурой.

Творчество Пахомия Логофета и Родиона Кожуха демонстрирует еще один аспект адаптации культур. В данном примере взаимодействуют две родственные, новгородская и московская традиции, на протяжении столетий стремившихся друг к другу и расходившихся в соответствии с социальной и политической ситуацией. Во второй половине XV в. их нерасторжимое взаимодействие было обусловлено одной глобальной целью — созданием единого Русского государства.

Привнося новые знания и навыки в корневую культуру, балканские мастера следовали сложившимся традициям. Легко усваивая родственный язык, согласовывая условия заказа со своими возможностями, они сочетали в своем творчестве адаптивную и адаптирующую функцию. В этом взаимно обогащающемся процессе они способствовали обновлению русской культуры и вместе с тем становились неотъемлемой ее частью, яркими фигурами которой были новгородский игумен, шестник Дионисище и афонский инок Пахомий Логофет.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.

СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА МЕЖГРАНИЧЬЯ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И УКРАИНЫ

Мир современных восточнославянских народных литератур Беларуси, России и Украины — это огромный и пока непознанный мир литератур, имеющих свою традицию, своего многомиллионного читателя, особые механизмы формирования и системы распространения, большой авторский и трансляционный потенциал, но, увы, даже в общих своих очертаниях науке практически неизвестных.

Первое знакомство авторов настоящей статьи с произведениями такой литературы произошло совершенно неосознанно в раннем детстве полстолетия назад (в Москве и Подмосковье). Многочисленные поездки и экспедиции в разных странах в дальнейшем необычайно обогатили имевшиеся до того наблюдения и способствовали уже целенаправленному поиску собственно в восточнославянской среде и отчасти у окружающих восточных славян народов, прежде всего польского и литовского⁴²².

Оказалось также, что народные литературы весьма успешно развиваются сейчас и в целом ряде стран вдали от Европы, например в Бразилии, унаследовавшей многие черты европейской модели этого давнего социального института.

После многих лет наблюдений и поисков можно сказать, что этот литературный мир всегда оказывался под воздействием социальных изменений и вместе с тем сохранял свою традиционную основу, вбирая лучшее из произведений прежних времен, начиная с самых древних. За истекшие годы неузнаваемо преобразились основные его составляющие, главным образом коммуникативно-трансляционные. Всему этому авторы были прямыми свидетелями, как и очевидцами трансформации всех без исключения общественных групп, связанных с бытованием народной литературы. Сама она, прирастая количественно, обогатилась множеством новых произведений, точная детальная классифи-

кация которых, как, впрочем, и всего ее массива, весьма затруднительна.

В исследовании, проводившемся в рамках проекта «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», авторы данной статьи ограничили изучаемый регион Восточным Полесьем — уникальным межграницем трех народов и государств: Беларуси, России и Украины. Это межгранице — пространство активного многовекового взаимодействия восточнославянских народных культур и литератур — белорусской, русской, украинской, во многом единое по своим основным параметрам и характеристикам. Весь материал, приводимый в исследовании, был собран авторами в последние годы именно здесь: в Гомельской обл. Беларуси, Брянской обл. России и Черниговской обл. Украины — на землях, ставших центральной частью территорий ареала Чернобыльской техногенной катастрофы.

О «рукописной литературе простого народа» в России исследователи в полный голос заговорили в середине XIX в.⁴²³ Тогда же вопрос о ней вошел в «Программу для собирания образцов народного языка и словесности» И. И. Срезневского, призывавшего собирать «образцы местной словесности письменной»⁴²⁴. Во второй половине XIX в. в ученом сообществе России сам термин «народная литература» получил все права гражданства. Правда, почти одновременно народную литературу самого народа стали как бы «объединять» в единое целое с литературой «для простого народа», которая специально создавалась представителями более образованных слоев населения. Необходимо заметить, что подобное наблюдалось не только в России, но и в других странах, в т. ч. еще ранее в западноевропейских.

Крупнейшими культурными центрами восточнославянского межграницья являются города Чернигов и Гомель, расположенные в непосредственной близости от его срединной части. Помимо Чернигова и Гомеля в историко-культурном отношении для восточнославянского межграницья весьма важны такие малые его города российской стороны, как Клинцы, Новозыбков и Стародуб. То же самое, но уже в большей степени в ретроспективном значении, можно сказать и о целом ряде крупных православных религиозных центров межграницья, преимущественно монастырских, в т. ч. старообрядческих, таких как Лаврентьевский, Макаров, Покровский, Красноборский и другие монастыри. Не стоит забывать и то, что Черниговщина — родина древнерусского монашества, продолжает сохранять свое особое место в истории восточнославянского православия. Православные составляют абсолютное большинство ее населения, это самый

высокий показатель в Украине. На восточнославянском межграницье самая насыщенная конфессиональная картина на белорусской стороне. Как и на всем межграницье, здесь абсолютно доминируют православные, растет число общин протестантского толка, стабильны, но немногочисленны, старообрядцы, единичны еврейские общины и в то же время достаточно активны римско-католики, появились единичные греко-католики и представители так называемых новых религий.

Помимо восточных славян на восточнославянском межграницье в течение нескольких последних столетий обок с ними жило многочисленное еврейское население, причем в городах и местечках оно превалировало. Следы этой некогда богатейшей местной еврейской культуры сохранились повсюду, но потомков ее носителей сейчас живет здесь немного, почти все они находятся в крупнейших городах, растворяются в общей городской среде, в случае Гомеля и в меньшей степени Чернигова в основном русскоязычной. Группу западных славян, живущих на восточнославянском межграницье, представляют поляки, которых здесь раньше именовали «бендзуками». Число их также незначительно, но они есть не только в городах, но и в сельской местности. При ориентации только на вероисповедный критерий к ним часто причисляют белорусов-католиков, которых на Гомельщине совсем немного.

В течение всей своей истории население восточнославянского межграницья испытывало сильную культурную интерференцию. Вместе с тем за истекшее столетие произошел сильнейший урбанистический скачок, доля сельских жителей упала в несколько раз⁴²⁵. Особенно заметно это на примере Беларуси. И все же даже здесь по сей день «деревенский образ жизни и его модификации являются доминирующими в социокультурном пространстве», «главным исходным типом для большинства населения страны»⁴²⁶.

Восточное Полесье — родина одного из самых знаменитых славянских писателей древности святого Кирилла Туровского, произведения которого по сей день живут в народе. На восточнославянском межграницье его молитвенная поэзия распространена особенно широко⁴²⁷. К числу литераторов восточнославянского межграницья принадлежит целая плеяда известнейших писателей древности, связанных с северной Черниговщиной. Там творили Лазарь Баранович, Иоаникий Галатовский, Иоанн Максимович, святой Димитрий Ростовский и многие другие. Сохранилось немало местных книжных памятников более раннего времени, представляющих богатейшие книжно-литературные традиции здешнего края. К ним относятся, например, многочисленные синодики, различные сборники сложного состава.

Одновременно с книжностью прежних столетий в XIX в. переходят и литературные памятники XVIII в., который стал своеобразным культурным рубиконом в судьбах восточного славянства, временем существенного культурного разделения, обособления, формирования собственно народной литературы и книжности, заметно оппозиционной новым течениям, методично охватывавшим высшие, а затем и средние социальные круги.

Обосновавшиеся на восточнославянском межгранице русские старообрядцы постепенно переживают в свою собственность здешнюю древнюю кириллографичную книжность, рукописную и печатную, создают свои литературные центры, среди которых хочется отметить такие крупные как, например, в нынешнем городке Ветка, полностью теперь утратившем свой староверческий облик, и в уничтоженном уже к середине XIX в. Лаврентьевском монастыре, что к западу от Гомеля⁴²⁸.

На восточнославянском межгранице все усложнялось еще и тем, что в разных его частях события эти совершались с различной скоростью и довольно долго ощущалось влияние польской культуры, когда даже на Черниговщине, уже давно входившей в состав Российской империи, польское продолжало занимать довольно прочные позиции, особенно в кругу местной шляхты и части духовенства, получившего образование в киевских и черниговских духовных школах⁴²⁹.

Как известно, статистика Российской империи первой половины XIX в. броско выделяет в общем объеме издательской продукции страны гигантский пласт литературы, который многие исследователи до сих пор называют «низовой». Эта мало изученная до сих пор литература создавалась различными писателями и обслуживала многочисленного читателя из самых разных социальных групп. Одновременно, по мере распространения грамотности и широкого развития школьного образования, в имперской России появляется самый массовый за всю ее историю книгочей — крестьянский. Ряд обстоятельств способствовал тому, что в обобщенном виде известны читательские предпочтения крестьян той и более ранней поры. Преимущественно они лежат в области религиозной литературы.

Со временем в крестьянской среде формируется довольно многочисленная прослойка наиболее грамотных и склонных к собственному творчеству, которые уже в начале XX в. значительно преобразуют общее литературное пространство России⁴³⁰, пока еще практически не изучавшееся наукой как единое целое. Крестьяне, создавая свои собственные произведения, формируя крестьянскую литературу, включают в нее наиболее выдающиеся религиозные произведения прошлых эпох, а также сочинения ряда своих современников из числа

лиц высшего круга. К ним относится, например, замечательный деятель на ниве народного просвещения С. И. Миропольский (1842–1907), автор множества произведений, вошедших в народный обиход и по сей день являющихся достоянием восточнославянских народных культур. Примечательно, что крестьяне не только могли очень точно и ясно определить свои читательские предпочтения, но и обосновать их с аксеологической точки зрения. Именно так они подходили и к проблеме народного образования, активно ставшей ими обсуждаться уже во второй половине XIX в. Религиозное, православное, по их мнению, должно было доминировать в нем⁴³¹.

В последнее время у нас начинают появляться работы, в которых ставится вопрос о языке русской «народной письменности» XVIII–XIX вв., когда «крестьяне легко читали Библию и испытывали затруднения при чтении текстов, написанных на русском литературном языке»⁴³². Подобное положение во многом существовало и позднее, по крайней мере еще в первые десятилетия XX в., когда церковнославянский язык и письмо продолжали сохранять свое значение в жизни некоторой части православного восточнославянского населения СССР, а для более позднего времени и Польши. Как ни парадоксально, но все эти вопросы остаются неизученными, о многом приходится говорить лишь вскользь, и, таким образом, так называемая картина мира восточнославянского крестьянства остается не только не полной, но, по существу, и неизвестной, а часто, что еще хуже, ложно представленной. В таких условиях говорить о научных исследованиях, например, языка собственно крестьянской литературы XIX–XX вв. особенно не приходится, несмотря на огромное количество существующих письменных источников, большая часть которых по-прежнему сберегается в личных частных собраниях как деревенских, так и городских жителей.

Межвоенный период, как и везде в СССР, оказался особенно губительным для крестьянства восточнославянского межграницья. Религиозный и околорелигиозный пласт народной литературы, по существу, объявляется вне закона, своего рода проявлением действия контрреволюционных сил.

С началом Великой Отечественной войны на восточнославянское межграницье широким потоком начинает проникать богатейшая православная печатная книжность и литература, создававшаяся и издававшаяся белорусами, русскими и украинцами в пределах межвоенной Польши⁴³³. Многое из этого тиражируется здесь с помощью переписки или с применением некоторых простейших копировальных средств, преимущественно пишущих машинок. Одновременно необычайно расширяется круг здешних народных писателей, живущих в сельской

местности и городах. Местная народная литература постепенно как бы выходит из подполья, вбирая в себя не только большое число произведений здешних авторов, но и особо любимые сочинения, созданные в разное время и вдали от восточнославянского межграницья.

Восточнославянское межграницье — родина многих выдающихся литераторов XX–XXI вв., еще в раннем детстве соприкоснувшихся с местной народной литературой, которая оказала на них огромное влияние, сформировала их. А они, в свою очередь, многое дали ей, включившей в себя большое число их произведений. Прежде всего это такие признанные авторитеты старообрядчества, как Ф. Е. Мельников и митрополит Иннокентий (И. Г. Усов), недавно погибший писатель и актер Н. А. Мельников — автор написанной с огромной любовью и болью поэмы «Русский крест», названной читателями «пронзительной», массово распространяемой ныне в основном путем электронно-сетевого самиздата.

Читатели народной литературы восточнославянского межграницья составляют весьма дифференцированное сообщество, в котором можно выделить ряд групп, ориентируясь прежде всего на их конфессиональные и социопознавательные предпочтения. При этом внутри каждой из групп существует собственная читательская иерархия, определяемая множеством факторов, в т. ч. степенью активности чтения и самими его способами и формами. Не стоит также забывать, что во многих случаях читатель народной литературы — это и ее активный транслятор, распространитель и даже соавтор. Одним словом, перед нами очень сложный и своеобразный литературный мир, живущий по своим достаточно быстро меняющимся законам, познать которые еще предстоит.

Тем не менее уже сейчас, учитывая содержание произведений и доминанты читательских предпочтений, можно выделить три основных крупных блока сочинений народной литературы восточнославянского межграницья: религиозные, светские историко-краеведческие и политические. В свою очередь, религиозные произведения, составляющие главный массив народной литературы, имеют в основном конкретную конфессиональную ориентацию. Впрочем, это почти не касается современной народной религиозной литературы православных межграницья, новообрядцев и старообрядцев, что является характерной особенностью данного региона и объясняется необычайной переплетенностью судеб его жителей, исконных и столетия назад пришедших сюда русских староверов.

Вместе с тем среди читателей народной религиозной литературы православных немало представителей протестантских групп и католиков,

свободно владеющих русским языком, давно ставшим для них, по сути, родным, а также в той или иной степени украинским и белорусским. В целом можно сказать, что произведения народной литературы различной христианской конфессиональной ориентации имеют очень широкое хождение среди всех групп местного населения. Однако всегда превалируют сочинения собственно православной ориентации — как идущие из веков, так и созданные в наши дни. Все это как нельзя лучше демонстрирует преемственность и традиционность многовекового процесса развития литературной культуры восточнославянского межграницья, осложненного многими вызовами различных эпох, прежде всего XX в.⁴³⁴

Специфической особенностью современной народной литературы является то, что сам читатель стал главным, а иногда и единственным ее распространителем. В отличие от совсем недавнего времени, когда в его арсенале были в основном личные письменные принадлежности, а в лучшем случае еще и пишущая машинка, ныне перечень форм и средств трансляции тех или иных произведений необычайно расширился. Массовая переписка в отдельных случаях все чаще уступает место ксерокопированию, взрывной характер носит распространение электронных технологий.

Буквально на наших глазах формируется народная киберлитература, в т. ч. развиваемая и в сегменте восточнославянского межграницья. Явление это совершенно необычное, своеобразное и динамичное, несомненно, достойное самого пристального внимания ученых-гуманитариев. Народная киберлитература — естественное продолжение традиционной народной литературы, произведения которой все чаще начинают распространяться самими ее читателями с помощью электронных носителей — как отчуждаемых, так и неотчуждаемых. В самое короткое время создаются целые своеобразные социально-информационные каналы, в т. ч. и выраженного регионального свойства, но одновременно имеющие, без преувеличения, глобальный охват, особенно, если вести речь об электронно-сетевой трансляции.

Активный обмен читателей электронными текстами народной литературы, записанными на различного рода дисках, картах памяти и т. д., значительно расширяет скорость и широту распространения местных современных произведений, что объясняет неизмеримо возросшую динамику бытования разноязычных произведений, глубину проникновения, например, украиноязычных сочинений на территорию Беларуси и России. Нужно сказать, что невольное вовлечение представителей молодого поколения, владеющего электронными технологиями, в своеобразное тиражирование про-

изведений народной литературы более старшими людьми, явно способствует их самостоятельному интересу к ней, а в отдельных случаях привлекает их к своего рода соавторству.

Подобное положение во многом начинает изменять наполненность тех или иных читательских групп. К настоящему моменту можно сказать, что в них присутствуют представители практически всех читательских возрастов, правда, количественное варьирование всегда будет заметным при рассмотрении бытования и чтения каждого конкретного произведения. По большей части произведения религиозного характера шире распространены среди читателей старшего и пожилого возраста, светские историко-краеведческие — и среди более молодых читателей, а политические — в кругу живущих в городах представителей в основном среднего поколения.

Появившиеся уже в последние годы произведения народной литературы восточнославянского межграницья написаны как сельскими жителями разного возраста, так и горожанами. У них разное образование, в основном среднее, полное и неполное, среднее специальное и высшее, светское и духовное. Они пишут стихотворные и прозаические сочинения религиозной направленности, рассчитанные как на дальнейшее распространение, так и исключительно для себя; создают различного рода краеведческие записки, которые охотно делают всеобщим достоянием. Наконец, выступают в роли своеобразных составителей и даже интерпретаторов уже существующих текстов, в т. ч. и историко-политического характера.

Языки этих произведений различны. На настоящий момент они пишутся в основном на русском литературном и украинском литературном языках, а также своеобразном местном языковом конгломерате, включающем и немало белорусских слов. Впрочем, есть среди них, а со временем становится все больше и больше, сочинения на белорусском литературном языке, чему в огромной степени способствуют именно электронные носители. Отдельные сочинения современной народной литературы восточнославянского межграницья созданы на местных диалектных формах белорусского языка, издавна испытывавших сильнейшее влияние украинского и великорусского языков, а отчасти и польского. Более ста лет назад гомельская помещица — этнограф З. Ф. Радченко писала: «В Гомельском уезде образовался свой говор, несколько отличающийся от Белорусского языка всего С.- Западного края, этот же говор слышен и в северных уездах Черниговской губернии»⁴³⁵, «...в нем можно проследить влияние как великорусское, так и малорусское»⁴³⁶. В то же время, чаще тогда, но нередко и теперь местные языковые особенности диктуют

некую лингвистическую адаптацию того или иного иноязычного произведения, что в случае с Гомельским уездом столетие назад Ф. М. Истомина назвал «переименованием на белорусский, специальный гомельский лад»⁴³⁷.

Наследие прошлого особенно масштабно присутствует в народной литературе православных восточнославянского межграницья, составляющих абсолютное большинство местного населения. В меньшем объеме оно видно в народной литературе немногочисленных местных католиков, а также единичных представителей греко-католиков, которые уже не имеют связи с прежней здешней, некогда достаточно мощной, униатской традицией, особенно если речь идет о Гомельщине. Кстати, для местных греко-католиков новые информационные технологии становятся значимыми, как ни для каких иных конфессиональных групп, в т. ч. для распространения произведений прежних эпох.

В обширной народной литературе православных восточнославянского межграницья наличествуют целые пласты произведений различных времен: наследие Средневековья, наследие XVIII в., наследие XIX в., народная печатная книжность XIX–XX вв., православное литературное наследие межвоенной Польши, наконец, поэтические и прозаические сочинения наших дней. Уместно также при этом выделить здесь отдельный корпус старообрядческих текстов, которые все более и более становятся киберпространственными, прежде всего если говорить о наследии прошлого.

Как ни странно, с точки зрения коммуникационных и трансляционных новаций, на восточнославянском межграницье самыми консервативными в настоящий момент являются католики и отчасти представители протестантских групп, правда, в пользовании последних в основном только современные сочинения или сильно адаптированные, почти исключительно русскоязычные тексты былых не столь давних времен, в т. ч. и переводные. Иными словами, весьма активные и достаточно многочисленные местные протестантские группы, имеющие хорошо налаженные связи со своими одноверцами не только в восточнославянских странах, но и на Западе, распространяют свою литературу в форме обычных печатных изданий, выходящих огромными тиражами в разных странах и на разных континентах. Переписывается ими сейчас на местах немного: полюбившиеся стихи (песни), фрагменты очень популярных некогда здесь сборников типа «книг мудрости», авторами которых были весьма почитаемые в их среде проповедники, такие, например, как И. З. Барчук.

Необходимо признать, что к историческим перипетиям, прежде всего XX в., губительно сказавшимся на ходе развития народной литерату-

ры восточнославянского межграницья, наиболее устойчивыми оказались православные, католики и представители протестантских групп. К последним, правда, в довоенный период советская власть относилась достаточно благосклонно, пытаясь внести как можно больший раскол в среду верующих. Об этом много писал, например, уроженец восточнославянского межграницья, известный христианский полемист, старообрядец Ф. Е. Мельников⁴³⁸. Многочисленные ранее последователи иудаизма различных его направлений — носители богатейшей когда-то местной вербальной идиш-культуры, ныне практические полностью утратили непосредственную связь с ней, а сама она ими забыта. Какое-то представление о народной литературной идиш-культуре в целом дают, увы, немногочисленные работы⁴³⁹; а также русский перевод⁴⁴⁰. Вместе с тем ее элементы, в т. ч. чисто языковые, до сих пор присутствуют даже в живой культуре здешних славян, например в современном так называемом черныбыльском фольклоре, изучать который удел ученых-фольклористов.

К настоящему моменту славяне составляют более 90 % населения восточнославянского межграницья. При этом, «по данным белорусских исследователей, 90 % населения русско-белорусского пограничья крещены в православие, причем 72 % белорусов и 69 % русских крещены во младенчестве, т. е. до исполнения года»⁴⁴¹, а «55 % белорусов и 43 % русских сами считают себя верующими»⁴⁴². «Колеблются в определении степени веры 27 %

белорусов и 36 % русских. Безразлично относятся к религии 11 % белорусов и 7 % русских. Считают себя неверующими 3 % белорусов и 5 % русских. Однако нельзя сказать, что они полностью отошли от православных традиций. Как показали данные опросов, среди неверующих или безразлично относящихся к религии многие соблюдают религиозные праздники, проявляют к религии лояльность и интерес»⁴⁴³. Так, например, «признают Пасху 85 % белорусов и 100 % русских»⁴⁴⁴. Аналогичная картина характерна и для Черниговщины, где общины Украинской православной церкви составляют более 63 % всех религиозных объединений области, Украинской православной церкви Киевского патриархата немногим более 10 %, баптистов — около 10 %, пятидесятников — около 4 %, адвентистов седьмого дня — немногим более 3 %.

Как видим, сильно преобразующаяся начиная с 1990-х гг. картина религиозно-духовной жизни населения восточнославянского межграницья, ее необычайно возросшие квантитативные характеристики позволяют не сомневаться в дальнейшей жизнеспособности прежде всего народной литературы православных⁴⁴⁵. Все это объясняет и современный успех народной литературы православных, завидную широту распространения ее произведений, когда отдельные из них, в т. ч. созданные местными авторами, нередко тиражируются народным самиздатом даже в большем числе экземпляров, нежели сочинения иных профессиональных авторов в провинциальных и столичных типографиях.

Самоделова Е. А., Сорокина С. П.

МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2006–2008 гг.)

Фольклорные экспедиции, проводимые в 2006–2008 гг. в Вологодской, Новгородской, Московской, Рязанской и Липецкой областях, имели цель собрать всевозможный разножанровый материал, бытующий в современных селениях — областных и районных центрах, поселках городского типа, селах, погостах, деревнях и выселках. Одновременно экспедиции были ориентированы на изучение современных механизмов порождения разных фольклорных жанров, в первую очередь тех, где отчетливо видны следы их генезиса, сюжетостроения и схемообразования, типологии и своеобразия.

Современное состояние российского общества можно охарактеризовать как обращенное к возрождению религии, возвращению религиозного созна-

ния. Реставрируются разрушенные церкви и возводятся новые, возрождаются христианские святыни: святыне источники, поклонные кресты и др. В связи с этим наиболее активно возобновляется бытование жанров духовного фольклора, создаются новые тексты разных религиозно-фольклорных жанров, распространяются варианты. Заметны локальные особенности таких фольклорных произведений, их привязанность к конкретным духовно значимым локациям и отражение в текстах видоизменения объектов во времени. Также наблюдается разное функциональное наполнение событий, связанных с посещением православных святынь, у одних и тех же лиц, совершавших паломничества в одни и те же места в разные годы (например, в детстве и во взрос-

лом состоянии), под руководством какого-либо опытного наставника или по собственному желанию. Иначе говоря, личностная оценка рассказчиками «фольклоризованного события», совершенного в различные периоды их жизни, оказывается разной, несмотря на одинаковую (повторяемую) схему исходного реального действия. Это одна линия (точнее, одно направление) схематизации и структуризации фольклорного сюжета, порожденного действительным жизненным событием, имеющим отношение к сакральному объекту.

Другое направление схематизации развивается по разным сюжетным линиям, с использованием не только неодинаковой психологической мотивации, но и с применением совершенно различных фольклорных мотивов. Как правило, один необычный, поражающий внимание и потому вызывающий к себе повышенный интерес объект обрастает разными слухами и толками, на основе которых со временем формируется жанр предания. Неоднозначный мировоззренческий подход различных носителей фольклора (людей верующих или менее приверженных религии), их место жительства (по соседству с сакральным объектом или вдали от него), соответственная частотность (повторяемость) повествовательной формы о данной реалии, степень мастерства владения художественным словом, умение выстраивать сюжет повествования — словом, эти и многие другие факторы обуславливают формирование жанровых разновидностей вокруг жанра предания. Возникают генеалогическое и легендарное предания, циркулирующие в вариантах вокруг одного породившего их объекта, потенциально обладающего общим для них смысловым ядром. Также допустимо полагать, что разнообразные жанровые разновидности были изначально порождены единым синкретичным жанром, неразрешимым прежде структурно-семантическим единством, изначально не расчленимым, но позже под воздействием каких-то факторов распавшимся на родственные жанровые разновидности. К такому древнему жанровому единству можно отнести, условно говоря, предание-легенду.

Приведем характерный пример разнонаправленного развития сюжета о венцах. В г. Данков Липецкой обл. кресты на куполе Георгиевской церкви в Казаках и ее колокольни увенчаны коронами-венцами (рис. 21, 22). Естественно, люди обращают внимание на необычность крестов и ищут этому объяснение. В результате слагаются фольклорные произведения не только с разными сюжетами, но и относящиеся к разным жанрам, даже к разным разделам фольклора.

Итак, известны следующие сюжеты: 1) двое молодых людей — юноша с девушкой — полюбили друг друга и решили повенчаться; в момент венча-

ния пришло известие, что они являются родными братом и сестрой; в результате, чтобы не свершился грех, надетые на головы брачующихся венцы взлетели на церковные кресты; 2) когда юноша с девушкой встали под венцы, то свадебные венцы поднялись на церковные кресты, чтобы предупредить священника о недопустимости и невозможности брака; 3) когда повенчались юноша с девушкой и вдруг выяснилось, что они родные брат с сестрой, то новобрачные с горя взобрались на колокольню и бросились с нее вниз, а брачные венцы взлетели с них на церковные кресты⁴⁴⁶.

Разные смысловые акценты расставлены старожилыми различных населенных пунктов, находящихся в разной удаленности от церкви: жителями в самом Данкове, проживающими в пределах видимости церкви из окошек их домов; сельчанами окрестных сел и деревень, приезжающими в город и видевшими венцы на церковных крестах; их односельчанами, только слышавшими повествование о необычно увенчанных крестах. Не только знание «фольклорного события», но степень веры и полнота воцерковленности рассказчиков, общение с определенным кругом лиц влияют на владение каждым из них той или иной версией нарративного жанра.

Было интересно сопоставить народные устно-поэтические произведения с мнением священников, чтобы выяснить, знакомы ли они с этими разноречивыми версиями и что думают по этому поводу. Для этого задан один и тот же вопрос на счет необычных венцов на церковных крестах двум священникам: настоятелю данного храма и священнику, живущему напротив церкви, но служащему в другой церкви. Оба священника оказались выходцами с Украины, примерно одного возраста (около 30 лет), однако они совершенно по-разному истолковали необычный вид церковных венцов. Пастырь другого прихода — Богословской церкви, потомственный священник и любитель религиозного фольклора — отец Николай (Стаднюк) привел две фольклорные версии, высказав свою осведомленность в местном народном творчестве. Настоятель же Георгиевского храма объяснил венцы на крестах как украшение и знак царской милости, оказанной монаршей особой при возведении церкви, и тут же привел аналогию с увенчанными короной двуглавыми орлами на четырехгранных башенках на Иверских вратах около Московского Кремля⁴⁴⁷.

Показательно, что сама по себе вера и вообще иррациональное (склонность верить в чудесное) в сознании людей является одним из мощных стимулов фольклорного творчества, порождения рассказов разных типов — как христианской легенды или предания (о которых речь идет в данной статье), так и поверья, былички.

В с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл. имеются две горы, называемые Шишками (рис. 23, а). Существует ряд преданий об их происхождении, внешнем виде и внутреннем содержании. По поводу происхождения версии таковы. Первая: был потоп (вероятно, имеется в виду Вселенский потоп, описанный в Библии), он все затопил, и в с. Дёмкино остались незатопленными лишь две горы. Вторая версия: была топь, и люди нанесли земли издалека и насыпали эти горы. Причем первоначально по любой из версий существовала одна гора, но со временем она распалась на две⁴⁴⁸.

О внутреннем содержании бытуют также две версии. Первая: в горе похоронен великан; это воин Чингисхана, который во время татаро-монгольского нашествия был убит здесь. Вторая версия относится то ли к Шишкам, то ли к соседней Барской горе. Суть ее такова: здесь жила монашка, она была святой и зажигала свечу или лампадку в горе, люди даже могли видеть огонек; и на месте зажигания огня гора раскололась на две — и образовались нынешние Шишки (рис. 23, б). По другим сведениям, монашка или сама барыня (имя ее неизвестно) жила на Барской горе (почему так она и называется — рис. 24), у нее был красивый деревянный дом с резными наличниками, который лишь недавно сгорел (в нем позднее располагался Дом ветеранов и затем Дом инвалидов); барыня заботилась о крестьянах, была очень добрая, почти святая, поэтому все с. Дёмкино располагается в святом месте.

Внешний вид Шишек объясняется их внутренним устройством. По первой версии, связанной с убитым воином, гора одна, это единое возвышение: у него имеется «голова» (это малая гора), «шея» (здесь проходит дорога между двумя Шишками) и «туловище» (большая гора); очертания двух гор действительно напоминают облик человека, если взобраться на большую Шишку и посмотреть вниз. По второй версии, проем в единой прежде горе образовался от святого огня лампадки или свечи, постоянно зажигаемой монашкой, молившейся о людях, почему с. Дёмкино и находится в благодатном месте⁴⁴⁹.

Как видно из приведенных сюжетов, их схемы относятся к разным историческим эпохам и совершенно по-разному трактуют генезис и суть единого объекта. Разница эта столь велика, что даже происхождение описываемого объекта объясняется двумя противоположными способами — природным и искусственным, рукотворным. Единое начало обнаруживается лишь в исходном пункте повествования: в спасительной силе горы от избыточной воды — потопа или болотной топи. Причем в последний источник спасения людей (избавление от болотной топи) легко поверить: рядом с гора-

ми действительно находятся сильно заболоченные места с озерами и проложенными между ними гатями и небольшими узкими, но длинными мостиками и мостками — разнотипными деревянными настилами (рис. 25). Несколько улиц-«порядков», расположенных недалеко от Шишек, построены в этих заболоченных местах: это Блыкóв порядок (или Блыкóвка, Балыкóвка), Птичий, Подгорный, Подгород ще и др. По рассказам местных жителей, здесь был торф, и в результате его выработки остались торфяные болотца, где и поселились люди.

Что послужило основой для возникновения преданий? На вопрос, жили ли когда-либо люди на горе, получен отрицательный ответ. Между тем название порядка Подгородище намекает на существование в далеком прошлом какого-либо городища по соседству. Может быть, какие-то раскопки, проводимые в этих местах, породили предания о великане, о захоронении воина. Однако совершенно очевидно, что сам ландшафт (горы и топи в низине, резко контрастирующие с равнинной местностью) способствовал возникновению преданий о первопоселенцах и воинах.

Заметим, что наименование гор Шишками корреспондирует с одноименным названием узора на полотенцах, «расшитых» красными и черными нитками и имеющихся у жителей с. Дёмкино. Безусловно, местный топоним Шишки сам по себе является типовым, а узор вышивки «шишки» (рис. 26, а, б) распространен и за пределами с. Дёмкино. Тем не менее переключка народных обозначений не связанных между собою реалий интересна.

Перенесемся теперь мысленным взором в соседнее село.

Близ с. Дубовóе Чаплыгинского района Липецкой области, в лугах, имеется святой источник. О нем также существует ряд легенд. Однако, в отличие от преданий о Шишках, все версии относятся к единой «биографии источника» (если можно так выразиться), т. е. обладают цикличностью и образуют замкнутое повествование, имеющее начало и конец, описывающее генезис и настоящее состояние источника. И все-таки это не единая легенда, но именно совокупность легенд, рассказанных различными людьми и повествующих о хронологически разных этапах «жизни» источника. Если выстроить легенды по «биографии» святого источника, то получится следующая картина.

Во-первых, имеется легенда о происхождении источника. Однажды пастух стерег овец на лугу близ с. Дубовóе и увидел икону, он пригляделся и понял, что это образ Николы Угодника. Он поднял икону (дальнейшее нахождение ее неизвестно), и в этом месте забил источник.

Во-вторых, бытует легенда о местонахождении иконы и рассмотрении ее в источнике. Для этого

нужно было прийти к колодцу, наклонить голову к деревянному срубу (обычно сразу несколько людей становились на колени, склонялись к колодцу и накрывались все одной шалью) и продолжительное время смотреть в глубину источника. Говорят, находились люди (иногда это были рассказчики легенды), которым посчастливилось увидеть фрагмент иконы (обычно ее угол, оправленный в золоченый оклад). Другие рассказчики не видели ничего, и в таком случае они говорили, что созерцать икону удастся лишь избранным Богом людям. В настоящее время икону увидеть нельзя из-за иного оформления источника (см. ниже версию о видоизменении внешнего вида «колодчика»).

В-третьих, функционирует легенда о сакральном воздействии святой воды источника на бесноватых. По легенде, у святого источника изгоняли бесов. Приводили духовно больного человека (имеются сведения о женщинах и девушках) и попа. Всех присутствующих просили взять в рот нателный крестик, чтобы закрыть рот как входное отверстие для нечистой силы. Поп начинал изгонять бесов словами о том, где они сидят — вверху или внизу человека, в ответ раздавались невразумительные речи, как бы исходящие из тела человека и похожие на стон: так велась «беседа» между попом и бесами. Некоторым рассказчикам легенды было интересно посмотреть на происходящее, они держали крестики во рту, т. к. боялись, что изгнанный бес войдет в них, и теперь могли сообщить об увиденном. Другие рассказчики сразу пугались возможных страшных событий и покидали место изгнания беса.

В-четвертых, существует легенда (ее вариантов достаточно много) о неуничтожимости святого источника. Согласно легенде, в советское время коммунисты неоднократно решали избавиться от культа святого источника и уничтожить колодец. Они пригоняли машины с цементом и пытались зацементировать источник, однако он пробивался в другом месте — рядом с прежним.

В-пятых, имеется легенда (по существу, весьма близкая к меморату), в которой описывается видоизменение внешнего оформления святого источника. Итак, сначала там просто бил родник с вкусной водой, которая не портится долгое время в отличие от обычной. Потом там построили «колодчик»: поставили деревянный сруб, как у обычного деревенского колодца, и люди приходили с ведром, черпали воду, снимали всю одежду и обливали себя с головы до ног — желательно три раза, но вода холодная, поэтому обливались кто сколько вытерпит, в основном все-таки один раз. Далее набирали воду в бидоны и уносили домой, где пили ее для здоровья, считая целебной водичкой. «Купались», т. е. обливались водой в логу — овраге, образованном естественным путем близ родника. И уже совсем не-

давно неизвестные добрые люди (вероятно, с благословения Церкви) обустроили «колодчик»: подвели бетонный круг к роднику, выстроили подходную площадку к нему (откуда вытекает вода самотеком) и закрыли в ней входное отверстие так, что можно видеть лишь небольшой фрагмент источника, а рассматривать икону в колодце стало уже невозможно. Рядом поставили специальные кабинки для купания (обливания), повесили иконы.

В-шестых, фигурирует легенда о целях посещения святого источника. Обычно в юности рассказчика колодец посещали все, и рассказчик в т. ч., чтобы просто познакомиться с достопримечательностью. Само паломничество к колодцу занимало два дня у жителей близлежащих селений (например, из с. Дёмкино надо пройти 9 км), с остановками в лугах и с ночевкой в с. Дубовом у родственников или знакомых, потому что колодец отстоял от села на несколько километров. Шли группками по несколько человек, дети с бабушками. Смотрели в колодец, чтобы увидеть икону, обливались водой и набирали ее в бидоны, несли домой. По праздникам совершался крестный ход к колодцу. В настоящее время рассказчики сами стали бабушками и ездят на машинах с внуками, чтобы их познакомить с колодцем и набрать «святой водички», которая не портится долгое время. Говорят, что местные жители из с. Дубового не используют воду из колодца для стирки белья, помня о ее святости⁴⁵⁰.

Все легенды о святом колодце близ с. Дубовое записаны не в этом селе, но в окрестных селениях. Рассказаны легенды как коренными местными жителями соседних деревень, так и выходцами из с. Дубовое, по разным причинам оказавшимися расселенными за его пределами. В связи с этим имеется изначальная разница в типе носителей фольклора (более узко — несказочной прозы), наблюдаемая при записи преданий о Шишках и легенд о святом колодце.

В первом случае все записи велись в с. Дёмкино, т. е. непосредственно в местности нахождения объекта предания. Однако фиксация предания производилась как от коренных дёмкинцев, так и от переселенцев сюда из соседних селений (например, из с. Колыбельское, граничащего с с. Дёмкино; из с. Дубовое, отстоящего от него на 9 км).

У фольклористов имелась возможность побывать на Шишках, визуально пронаблюдать изустно описываемый объект, сверить свои впечатления с повествованием местных жителей. Была поставлена задача: опросить как можно большее число жителей, живущих в непосредственной близости от Шишек — на порядках, расположенных у подножия двух гор. Далее важно было проследить, влияет ли непосредственное местожительство у Шишек на знание предания. Также производилось сравнение

тех сюжетов и самих текстов преданий о Шишках, которые записаны от дёмкинцев, живущих поблизости от двух гор и в отдалении от них.

Никаких закономерностей в сюжетике преданий и в самом их знании или незнании местными жителями, живущими поблизости и вдали от Шишек, и переселенцами не выявлено. Были случаи, когда жители порядков, расположенных у подножия гор, не знали преданий. И наоборот, переселенец из с. Дубовое, поселившийся на порядке Махонев вдали от Шишек, рассказал предание о воине Чингисхана, захороненном в горе, имеющей очертания человека. Следовательно, знание преданий основано на личном интересе рассказчика к местной легендарной истории.

Возраст носителей фольклора (в данном случае — предания) варьировался от 15 до 96 лет, причем бывали случаи, когда ожидание знаний от представителей старшего поколения не оправдывалось.

Внимание к Шишкам можно считать безусловным, поскольку даже те местные жители, которые не знают предания о нем, тем не менее описывают Шишки как место увеселений молодежи в весенне-летнюю пору, особенно в годовые и престольные праздники. По словам старожил, весь верх Шишек был заполнен гуляющей молодежью, «играющей» песни и распеваящей частушки и страдания под гармошку. В настоящее время молодежь также собирается на Шишках, однако в их подножии и в гораздо меньшем количестве, уже без гармошек. Действительно, фольклористы видели положенные под углом в 90 градусов бревна и кострище между ними в подножии одной Шишки, под сосной и березой (рис. 27).

Во втором случае записи легенды о святом колоде не делались в селении, прилегающем к описываемому объекту. Все фиксации производились в с. Дёмкино, расположенном в 9 км от с. Дубовое. Среди жителей с. Дёмкино, подвергшихся опросу, были коренные дёмкинцы и переселенцы, в т. ч. из с. Дубовое. Фольклористы не имели возможности посетить святой источник и сравнить фольклорные сведения о нем с личными визуальными впечатлениями.

Теперь, побывав на территории прежних уездов Рязанской губ., отправимся в центр Рязанщины. И продолжим изучение фольклора, уже взяв за основу не статический объект христианского поклонения, а динамичный: например, крестный ход в честь так называемого козырного (т. е. престольного) праздника, станем участниками этого важного события духовной жизни Рязанской епархии.

В с. Федотьево Спасского р-на Рязанской обл. 15 июля 2008 г. состоялся ежегодный крестный ход в честь местночтимой Федотьевской иконы Божьей Матери (Одигитрии), в котором фолькло-

ристы Е. А. Самоделова и М. А. Яковлева приняли участие и зафиксировали как порядок крестного хода, так и легенды и поверья о нем, правила поведения и прочие нормативы. Понятно, что все эти фольклорные жанры порождены крестным ходом и наличием святынь (как самой иконы, так и поклонного креста в месте явления иконы, а также церкви в ее честь). Актуализация фольклорных произведений народного православия произошла с началом возобновления крестного хода в 2000-е гг.

Схема крестного хода такова: 1) утренняя служба в церкви в с. Федотьево (с 8 до 11 часов); 2) лицезрение креста в церкви; 3) вынос Федотьевской иконы Божьей Матери (в народе она зовется Федотьевской) и пронесение ее над стоящим на коленях народом на украшенной цветами дорожке перед церковью (рис. 28, а, б); 4) крестный ход от церкви в с. Федотьево к поклонному кресту близ с. Тёрчино, находящемуся в нескольких километрах; 5) встреча с крестным ходом из с. Михал, также идущим к поклонному кресту; 6) молебен о водосвятии и само освящение воды у поклонного креста, наделение паломников святой водой (заранее принесенной к кресту) и брошюрой о Федотьевской иконе Божьей Матери (рис. 29, а, б); 7) обратный путь в с. Федотьево.

Это общий путь паломников, которые собрались у церкви в с. Федотьево из разных мест: из г. Спасска Рязанского, с. Новики и др. Добирались паломники разными способами: кто-то на рейсовом автобусе, кто-то на заказанном церковной общиной г. Спасска автобусе, кто-то на личной автомашине. Были приглашены священники из разных церквей Рязанской области (из Спасского р-на, Спасска и Рязани).

Общая схема ежегодного крестного хода варьируется в зависимости от обстоятельств. Так, в 2008 г. паломники из-за 30-градусной жары пронесли икону на специальных носилках лишь сотню метров от церкви по с. Федотьево (рис. 30), потом положили икону в автомашину священника, а сами проехали на паломническом автобусе 3 км до моста у покинутой жителями д. Малино (далее автобус пробраться не мог из-за плохой дороги) и далее 2 км прошли пешком, неся впереди маленькие бумажные иконки и исполняя церковные песнопения (рис. 31). Некоторые паломники высказывали неудовольствие тем, что настоятель церкви в с. Федотьево снизошел к слабости верующих (это были преимущественно бабушки) и не провел паству пешим крестным путем все 5 км с иконой во главе, как это было в 2007 г. (тоже в большую жару). Неудовольствие было высказано и по поводу того, что крестный ход из с. Федотьево не соединился с аналогичным крестным ходом из с. Михал и не прошел остаток пути совмест-

но, не совершил общий молебен с водосвятием у поклонного креста. Уже на обратном пути от креста паломники из Федотьева увидели в отдалении крестный ход из с. Михалы́, только направлявшийся к поклонному кресту (рис. 32). Тем не менее общее настроение паломников было приподнятое, и, несмотря на усталость, часть из них намеревалась на следующий день, 16 июля 2008 г., пойти с крестным ходом в честь св. Василия Рязанского в с. Старая Рязань (и осуществила это намерение).

Фольклорные жанры, воспроизводимые во время крестного хода, в основном сводятся к легендам, духовным стихам, поверьям, приметам.

Легенда бытует одна, главная, объясняющая необходимость постановки поклонного креста и совершения крестного хода к нему. Это легенда о чудесном явлении Богородицы. Суть легенды такова: в поле близ с. Тóрчино явилась икона Феодотьевской Божьей Матери, и тогда неподалеку от места явления поставили церковь в честь обретенной иконы, а саму икону перенесли в этот храм. Однако потом икону по какой-то причине унесли из храма (то ли он был разрушен при советской власти), но она вновь оказалась чудодейственным образом на первоначальном месте, где явилась. Это стержневая легенда, сюжетообразующая: вокруг нее концентрируются другие жанры — поверья и приметы, невозможные без легендарного контекста.

В свою очередь, поверья и приметы находятся в еще большей зависимости от совершения крестного хода. По сути, они не самостоятельны, по функции являются «дорожными» и контекстуально-связанными, вне действия богородичного сюжета их бытование невозможно. С каждым конкретным обстоятельством крестного хода соотносятся свои поверья, причем между собой они могут не согласовываться и, более того, принадлежать к разным семантическим полям. Например, когда шли к поклонному кресту и было очень жарко, кусали оводы, паломники утешали себя поверьем, связанным с Феодотьевской Божьей Матерью: «Нас Богородица ведет»⁴⁵¹. На обратном же пути они сначала рассуждали о трудностях возвращения, поскольку Богородица вроде бы уже привела к поклонному кресту, цель достигнута и дальнейшая забота о паломниках как бы снята. Однако за разговорами не заметили, как дорога пролетела, и тогда прозвучало высказывание о том, что «обратный путь всегда легче». Спектр мотивировок при этом был обширный и разноплановый — от сугубо христианского, приличествующего событию, до бытового. Так, рассуждали: нас, паломников, «осеняет благодать», полученная у поклонного креста или в ходе самого паломничества; «дорога к дому всегда легка»; обратный путь уже известный, проверенный⁴⁵².

Приметы звучали в основном метеорологические, однако также привязанные к сюжету крестного хода: в день ежегодного его свершения всегда стоит жара (что соответствует сезону).

Духовных стихов во время крестного хода не было, однако об их существовании и привязанности к заключительной части этого события фольклористы слышали из уст священников. Дело в том, что к обязательной части крестного хода добавляется необязательная часть, на которую приглашают особо избранных лиц: это обед, завершающий церемонию и как бы благодарственный. Обед организует благодетель, на чьи средства построена церковь в честь иконы Феодотьевской Божьей Матери. И вот за благодарственным обедом священники поют духовные стихи.

На обратном пути фольклористы высказали сожаление, что не удалось послушать духовных стихов, и на это сетование последовало приглашение от одной из паломниц зайти к ней в гости: она исполнит произведения этого жанра. Приняв с радостью приглашение и посетив паломницу, выяснилось, что она не поет народные духовные стихи, а читает авторские (хотя и безымянные) стихотворения духовного содержания. Словом, это оказались произведения совсем другого жанра и иной области художественной словесности. Непонятно, что же на самом деле исполняют местные священники за благодарственным обедом — духовные стихи или религиозные стихотворения? Зато было записано от гостеприимной паломницы поверье о том, что «ворота» (остатки разрушенной церкви 1913 г. на городище Старая Рязань) являются целебными для больных ног: нужно босяком пройти по церковному фундаменту (рис. 33)⁴⁵³.

В гостях у паломницы кроме фольклористов находились ее верующие подруги, вместе с ней совершившие второе паломничество в Старую Рязань. Все вместе они сообщили об этом святом путешествии и о разнице между двумя паломничествами, расценивая различия как положительный и вдохновляющий мировоззренческий момент. Данное сообщение ценно тем, что можно было увидеть мысленным взором и глазами реальных паломников все путешествие, хотя фольклористы не совершали его и, следовательно, не имели возможности сопоставить действительное событие с его словесным образом. Не менее важны были оценки паломников насчет успешности паломничества и самого центрального события — крестного хода. Отметим сразу: мысль о бесполезности совершенного паломничества или о неудачном проведении крестного хода (любого!) недопустима из-за религиозности рассказчиков.

Схема паломничества к памятному кресту в честь Василия Рязанского такова: 1) путь в несколько километров от Спасска в Старую Рязань

через «плошкóт» (понтонный мост), наведенный в теплое время года и заливаемый водой, являющийся определенным препятствием, для преодоления которого надо обладать твердым характером, физической выносливостью и терпением (например, необходимостью снимать обувь); 2) утренняя служба в церкви в честь Василия Рязанского (рис. 34); 3) крестный ход длиной в сотню метров — от церкви к поклонному кресту близ старой дороги (рис. 35); 4) праздничная трапеза в церкви; 5) возвращение домой.

Паломники особенно акцентировали первый и предпоследний пункты праздничного события, т. е. сложный путь и церковную трапезу, в отношении которой со всеми подробностями расписывались вкусные блюда и украшенность столов, общинный характер обеда и его проведение в самом храме, под церковными сводами. Указывалось, что вкусные кушанья были бескорыстно и с большой любовью приготовлены прихожанами храма, постаравшимися угостить всех паломников⁴⁵⁴.

На вопросы: «В чем заключалась сущность крестного хода?», «Преклоняли ли паломники колена пред иконой и проносили ли ее над их головами?», «Был ли там молебен с водосвятием?» — информанты отвечали, что они просто подошли с иконой к кресту и помолились там. По высказанному мнению, икону не проносили над распростертыми на земле паломниками потому, что церковный образ Василия Рязанского небольшого размера, его невозможно пронести над головами. Далее шло предположение, что если будет написана икона большого размера, то, вероятно, изменится и само ритуальное действие: святой образ будут проносить над склоненными в земном поклоне верующими, аналогично тому, как это происходит в Федотьеве. Это осознается как следование старинной церковной традиции, возрождение ее почти через сотню лет.

Интересна реакция собеседников на тезис о том, что размер иконы вряд ли является определяющим для манеры проведения крестного хода, поскольку и маленький образ вполне поместился бы на большую подставку с ручками, и его можно было бы пронести над головами верующих. После некоторого раздумья информанты пришли к единодушному выводу, что настоятели разных храмов стараются придумать свою изюминку храмового праздника, предложить прихожанам интересный собственный сценарий, варьирующийся в пределах церковной ритуальной традиции.

В данной версии церковного праздника хотя и отсутствовал молебен с водосвятием, однако концепт «святой воды» воплощался в образе святого источника, расположенного в небольшом отдалении (метрах в ста) от поклонного креста и связанного с именем Василия Рязанского.

По поводу Василия Рязанского в ходе фольклорной экспедиции было записано несколько вариантов версии о появлении этого местночтимого святого в Старой Рязани. Сюжет таков: Василий Святой жил в г. Муроме, подвергся навету горожан о сотворенном грехе и был изгнан из города. Тогда Василий Святой расстелил свой плащ и отправился на нем по реке, как на лодочке. Когда он подплыл к Старой Рязани, то плащ рассекал реку на две части, и до сих пор в Оке видна светлая линия, похожая на след и разделяющая воду на два цветовых оттенка.

Одна прихожанка храма в Спаске называла Василия Рязанского Богом и рассказывала, что по правой храмовой стене расположена его деревянная резная икона, где святой изображен на плаще-лодочке. Фольклористы специально посетили этот храм, но указанной иконы не обнаружили. Сотрудница храма показала икону Василия Рязанского на левой стене, но этот образ не имел ничего общего с описанным. Если внимательно приглядеться ко всем иконам по правой стене, то можно увидеть Богородичный образ «Неупиваемая чаша», примечательный тем, что плоскостное изображение Богородицы совмещено с горельефом чаши, действительно похожей на лодочку. Ею и имела в виду рассказчица. Вот таким путем соединения народной легенды, жития и иконы необычного вида укореняются новые представления о местночтимом святом, порождая своеобразные «легендарные мемораты» житийного характера.

Парадоксальным путем уживаются в мировоззрении одной воцерковленной учительницы рациональное и иррациональное отношение к фактам церковной жизни. Так, с одной стороны, учительница привела народное поверье о целебности церковного фундамента для ног, подкрепляемое реальным ритуализованным действием (см. выше). С другой стороны, в продолжение беседы о христианских святынях Старой Рязани она сообщила о том, что при долгом хранении любая святая вода тухнет, даже крещенская, и, согласно церковным правилам, ее нужно выливать в реку, как следует поступать с любой испорченной церковной атрибутикой⁴⁵⁵.

Здесь наблюдается совмещение рационального и иррационального отношения к реальному факту. Когда исполнительница осмысляет факт, пользуясь стереотипом из области христианских верований, она дает первое толкование; когда же руководствуется рациональным знанием, основанным на житейском опыте и наблюдении, она применяет второе толкование. Показательно, что сообщение об избавлении от испортившейся воды, практиковавшееся лично рассказчицей, вступает в противо-

речие с народным поверьем об исключительной сохранности святой воды, а ведь это поверье носит доминирующий характер!

Между тем рассказчица подчеркивает, что она выливала святую воду, излишне долго хранившуюся в храме, выливала по благословию священника; следовательно, распространителями поверья о сакральности и своеобразной «вечности» крещенской воды являются обычные прихожане, не сталкивавшиеся в реальности с действительными свойствами «святой воды». И именно они всячески расцвечивают удивительные качества крещенской и реже преполовенской воды, гиперболизируют, утрируют будто бы бесконечные сроки благодатного действия святой воды. Эти информанты называют разные хронологические периоды сохранности воды, проверенные на личном опыте; объединяющим стержнем их повествований оказывается преувеличение сроков хранения воды и сакральное число — год, реже 3 года.

Сакральное число «3» на Рязанской земле применяется к крестным ходам, служа организации двух самостоятельных ходов в единый крестный ход, исполняющийся в три дня и проводимый по маршруту: с. Федотьево (с заходом к поклонному кресту близ с. Тóрчино и с присоединением встречных паломников из с. Михал) — с. Старая Рязань (с поклонением кресту в честь св. Василия Рязан-

ского, приплывшего на плаще) — г. Рязань (с посещением кремля). С точки зрения священника с. Кутуково Спасского района, особенности проведения крестного хода продиктованы свойствами православных святынь, их количеством и расположением относительно друг друга⁴⁵⁶.

Итак, изучение фольклора в современных условиях показывает, что наиболее актуальными оказываются те устно-поэтические произведения, которые сосредоточены вокруг духовно-значимых реальных объектов православной архитектуры и наиболее заметных особенностей ландшафта. К таким культурным и природным объектам относятся церкви, часовни, поклонные кресты, иконы, святые колодцы и холмы, реки, овраги и т.п. Вокруг них аккумулируются фольклорные жанры — духовные стихи, легенды, предания, мемораты, поверья, приметы, представляющие целый раздел народной прозы и духовных песен христианского толка. Произведения этих жанров не только продолжают существовать в народной среде и пользоваться популярностью среди прихожан и далеких от религии местных жителей, но и активно создаются по известным типологическим моделям. Поводом для появления новейших народно-православных произведений становится возрождение утраченного или возведение нового духовного объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данилов С. Ю. История Канады. М., 2006; Клоков В. Т. Французский язык в Северной Америке. Саратов, 2005.
- ² Recueil des législations linguistiques dans le monde. Т. 1. Le Canada federal et les provinces canadiennes. Qu bec, 1994. С. 157–219.
- ³ Домашнев А. И. Европейский союз и проблемы языка общения // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003; Крючкова Т. Б. Законодательное регулирование языковой жизни Швейцарии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003.
- ⁴ Биткеева А. Н. Калмыцкий язык в современном мире (социолингвистический аспект). М., 2006.
- ⁵ Кожемякина В. А. Калмыцкий язык // Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М., 2000. С. 159–174.
- ⁶ Калмыкия в цифрах. Элиста, 2004.
- ⁷ Закон Республики Калмыкия «О языках народов Республики Калмыкия» № 30-П-3 от 27.10.1999 г.
- ⁸ Там же. Ст. 3.
- ⁹ Там же. Ст. 7.
- ¹⁰ Закон о языках в Республике Марий Эл 1995 г. Ст. 2.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Гл. 2.
- ¹³ Там же. Гл. 3.
- ¹⁴ Там же. Гл. 4.
- ¹⁵ Там же. Ст. 38, 39.
- ¹⁶ Там же. Ст. 43, 46.
- ¹⁷ Отчеты Министерства образования РФ.
- ¹⁸ Марийский мир. Справочник. Йошкар-Ола, 1996.
- ¹⁹ Сибатрова С. С. О языковой ситуации и функционировании марийского языка в Республике Марий Эл // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. Ижевск, 2006. С. 40.
- ²⁰ Там же. С. 41.
- ²¹ Там же. С. 4.
- ²² Лаллука С. К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России // Финно-угроведение. Йошкар-Ола. № 1. 1999. С. 48.
- ²³ Молотова Т. Л. Марийцы в этнически смешанных селениях Башкирии // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. Т. 2. Бирск; Йошкар-Ола, 2007. С. 170.
- ²⁴ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 45.
- ²⁵ Марийский мир. Справочник. Йошкар-Ола, 2004. С. 20.
- ²⁶ Шеда-Зорина И. М. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, республик Башкортостана, Татарстана и Марий Эл). Ижевск, 2007. С. 20.
- ²⁷ Кондрашкина Е. А. Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986. С. 97.
- ²⁸ Литовский курьер. 2005. № 8.
- ²⁹ Кипарский В. О балтизмах русского литературного языка. Baltistica, 1973. IX (1).
- ³⁰ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках, Л., 1982.
- ³¹ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документирования малых языков. Посвящается 75-летию акад. Вяч. Вс. Иванова / Под ред. А. Е. Кибрика. М., 2005. С. 46–47. См.: особенно сноску 3.
- ³² Так, А. П. Володиным были подготовлены к печати ительменские фольклорные тексты с русским переводом и комментариями. Подготовлены к печати «Энецко-русский словарь» (И. П. Сорокина в соавт. с Д. С. Болиной) и монография Е. В. Головкин, Н. Б. Вахтина, А. С. Асиновского «Язык командорских алеутов (диалект острова Беринга)». Продолжалась работа по созданию мультимедийных пособий по самодийским языкам. В 2006 г. М. Д. Люблинская выпустила CD-диск «Ненецко-нганасанский сопоставительный словарь» с переводами на русский и английский языки (в соавт. с Т. Ю. Шерстиновой), выпущены русская и английская версии. М. Д. Люблинская подготовила мультимедийную версию исполнения произведения «Ялямбертя вэсако» (дикторы Ольга Вануйто, Марианна Харючи). М. Д. Люблинской (в соавт. с Т. Ю. Шерстиновой) была также подготовлена демоверсия мультимедийного представления пособия М. Я. Бармич. «Лингафонный курс ненецкого языка». Изд-во РГПУ, 2001.
Среди наиболее крупных публикаций участников проекта за последние три года можно указать следующие: Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб., 2008; Вахтин Н. Б. Морфология глагольного словоизменения в юпикских (эскимосских) языках. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб., 2007; Перехвальская Е. В. Русские пиджины. Учебное пособие для магистрантов, обучающихся по специальности «Социолингвистика. Этнолингвистика». СПб., 2006; Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Сб. статей / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2007; Проблемы исторического развития монгольских языков. Материалы Международной научной конференции СПб., 24–27 окт. 2007 г. / Отв. ред. П. О. Рыкин. СПб., 2007.

- ³³ См. подробнее: *Вахтин Н. Б.* Малые языки Российской Федерации: перепись, карта, музей. Сборник РГГУ. В печати.
- ³⁴ Доклад Российской Федерации Генеральной конференции ЮНЕСКО «О мерах по реализации Рекомендации “О развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству”». Москва 31 января 2007 года. <http://www.ifarcom.ru/files/News/Images/Doklad-mnogoyazychie-rus.pdf>
- ³⁵ То есть языками, носители которых (в т. ч. и природные носители) могут присутствовать на территории данного государства, но которые существуют в качестве основных (государственных, официальных или региональных) на территории другого государства. Из данного списка это: арабский, болгарский, вьетнамский, греческий, иврит, итальянский, киргизский, китайский, корейский, курдский, латышский, литовский, монгольский, польский, румынский, туркменский, финский, чешский, эстонский и японский.
- ³⁶ *Андерсон Д. Дж.* Тундровики: экология и самознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.
- ³⁷ *Федорова Е. Г.* Традиционная культура народов Сибири на рубеже тысячелетий // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России / Отв. ред. В. И. Молодин, В. А. Тишков. Сост. Е. А. Пивнева. М., 2006.
- ³⁸ *Лярская Е. В.* Культурная ассимиляция или два варианта культуры? (на примере ненцев Ямала) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 1. СПб., 2001. С. 36–55.
- ³⁹ *Беликов В. И.* Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Еразии: социолингвистический аспект. М., 1997. С. 22.
- ⁴⁰ См. подробнее: *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- ⁴¹ См. подробнее: *Vakhtin N.* The Language of Markovo Old Settlers: From a Communication System to a Demo Version // Marginal Linguistic Identities: Studies in Slavic Contact and Borderline Varieties / Ed. by Dieter Stern and Christian Voss. [Eurolinguistische Arbeiten. Herausgegeben von Uwe Hinrichs unter Mitarbeit von Uwe Buettner. Bd. 3] Harrassowitz Verlag: Wiesbaden. 2006. P. 135–147.
- ⁴² *Викторова К. В.* Языковой сдвиг как социолингвистическое явление // Языковые изменения в условиях языкового сдвига / Отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб., 2007. С. 59–85.
- ⁴³ См. подробнее: *Vakhtin N.* Language Death Prognosis: A Critique of Judgment // SKY Journal of Linguistics. Vol. 15. 2002. P. 239–250.
- ⁴⁴ Ср.: *Urciuoli B.* Language and Borders // American Review of Anthropology. 1995.
- ⁴⁵ *Головки Е. В.* Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 298–316.
- ⁴⁶ Там же. С. 306.
- ⁴⁷ Статья основывается на исследованиях авторского коллектива, работавшего над проектом «Миноритарные языки Евразии: история и современность». Исследования выполнены в основном сотрудниками отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН. Основные результаты работ, на которые ссылается автор статьи, изложены в коллективной монографии «Миноритарные языки — проблемы языковых контактов» (в печати); Миноритарные языки в условиях многоязычия. М., 2008; Миноритарные языки и проблемы нормирования. Материалы круглого стола (в печати). Материалы по романским языкам, приводимые без ссылок, принадлежат автору статьи.
- ⁴⁸ *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. SKST 370. Helsinki, 1981.
- ⁴⁹ Напр., *Aikio A.* On Germanic-Saami contacts and Saami prehistory // Journal de la Soci t Finno-Ougrienne 91. 2006. P. 44.
- ⁵⁰ *Saarikivi J.* Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. 2004. P. 162–234.
- ⁵¹ Suomen sanojen alkuper . Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
- ⁵² См. карту: Энциклопедия «Карелия» в трех томах. Том 1. Петрозаводск, 2007. С. 26.
- ⁵³ *Кравченко А. В.* Конспект флоры Карелии. Петрозаводск, 2008.
- ⁵⁴ Karjalan kielen sanakirja. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
- ⁵⁵ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- ⁵⁶ *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 150–162.
- ⁵⁷ *Она же.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 143.
- ⁵⁸ Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Кн. 1–2. Официальное издание. М., 2004.
- ⁵⁹ *Дешериев Ю. Д.* О развитии языков народов СССР // Вопросы строительства коммунизма в СССР. М., 1959. С. 333.
- ⁶⁰ *Жирков Л. И.* Грамматика аварского языка. М., 1924. С. 1–2.
- ⁶¹ *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 23.
- ⁶² Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.
- ⁶³ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

- 64 Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.
- 65 Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990.
- 66 *Гацук В. М.* Фольклор — память традиции (Уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Вып. 8. Махачкала, 2000. С. 95.
- 67 *Пиралов А. С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Баку, 1914. С. 225.
- 68 Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. Тифлис, 1902.
- 69 *Магомедов А. Дж.* Художественные промыслы Дагестана в XX веке: реалии практики и позиция власти. Махачкала, 2003. Глава 1.
- 70 *Осокина Е. А.* Предпринимательство и рынок в повседневной жизни первых пятилеток на примере рынка потребительских товаров // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 349–350.
- 71 Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 168-р. Оп. 39. Д. 8. Л. 139–146.
- 72 Там же. Ф. 168-р. Оп. 63. Д. 16. Л. 6–7.
- 73 *Мотус П. П.* Кустарное производство // БСЭ. 3-е изд. Т. 54.
- 74 Собрание постановлений правительства СССР.: 1976. № 7.
- 75 *Якубов М.* Очерки истории дагестанской советской музыки. Т. I (1917–1945). Махачкала, 1974; *Гамзатов Г. Г.* Первый среди равных // Дагестанские художественные промыслы: Материалы научной сессии, посвященной 80-летию со дня рождения народного мастера Расула Алиханова. Махачкала, 2003. С. 3–10; *Магомедов А. Дж.* Художественные промыслы Дагестана в XX веке: Реалии практики и позиция власти. *Якубов М. А.* Мурад Кажлаев. М., 2003; и др.
- 76 *Абдуллаева Э. Б.* Музыкальный фольклор даргинцев: исследование и материалы. Махачкала, 2007; *Султанова М. К.* Традиционный женский костюм Дагестана. Махачкала, 2007; Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа / Сост. и отв. ред. А. Дж. Магомедов. Махачкала, 2007; *Магомедов А. Дж.* Традиционное искусство Дагестана в условиях социальных преобразований XX в. Махачкала, 2007; *Фаттаиев Р. А.* Музыкальный фольклор лакцев: Нотные расшифровки и комментарии. Махачкала, 2008; *Султанова Г. А.* Фольклор в драматургии и театральном искусстве Дагестана. Махачкала, 2008; Современное искусство Дагестана в контексте реалий новой России: Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. А. Дж. Магомедов. Махачкала, 2008; *Умаханова А. М.* Сценическая интерпретация традиционного хореографического искусства Дагестана. Махачкала. 2008.
- 77 *Гамзатов Г. Г.* Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 342, 365.
- 78 *Алиев М. Г.* Национальная культура — фактор укрепления государственности России. Выступление президента РД М. Г. Алиева на заседании Госсовета РФ // Дагестанская правда. 2006. 27 декабря.
- 79 *Арутюнов С. А.* Народы и культура. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 187.
- 80 Новое дело. 2008. 18 июля / Репортаж С. Анохиной.
- 81 Материалы с сайта: <http://www.riadagestan.ru>
- 82 *Муртузалиев С. И.* Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи». Махачкала, 2007. С. 147; 153–154. Информация к. иск. Г. А. Султановой; Материалы с сайта: <http://www.riadagestan.ru>
- 83 *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика. М., 1976. С. 83.
- 84 Доклад МИД РФ «Русский язык в мире». М., 2003. С. 137.
- 85 *Крючкова Т. Б.* Русский и английский языки в России: сферы науки и образования // Вопросы филологии. 2006. № 1. С. 77.
- 86 *Она же.* Русский и английский языки в сфере российской науки в условиях глобализации // Человек: Образ и сущность. Ежегодник. Теории истины. Язык в контексте глобализации. М., 2005. С. 116.
- 87 Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2004.
- 88 Печать в Российской Федерации в 2003 г. М., 2004.
- 89 *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М., 1976. С. 71.
- 90 Там же. С. 75.
- 91 *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982. С. 22–30.
- 92 *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982; *Фридрих И.* История письма. М., 1979.
- 93 Mesopotamian epic literature. Oral or aural? Ed. By M. Vogelzang and Manstiphout. The Edwin Mellen Press. Lewiston, Queenston, Lampeter, 1992.
- 94 *Порхомовский В. Я.* Соотношение двух письменных традиций хауса в культурно-исторической перспективе // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов. Апрель 2002 г. М., 2002. С. 86–90.
- 95 *Pilaszewicz S.* Hausa Prose Writing in Ajami by Alhaji Umaru. Berlin, 2000.
- 96 См. подробно: *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Устные формы языка и литературная норма в хауса // Устные формы литературного языка. История и современность. М., 1999. С. 294–295.
- 97 *Palmer H. R.* The Kano Chronicle // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1908. Vol. XXXVII. С. 92–93.
- 98 *Furniss G.* Ideology in Practice. Hausa Poetry as Exposition of Values and Viewpoints. Cologne. 1995. P. 112–127.

- ⁹⁹ *Добронравин Н. А.* Арабиграфическая письменная традиция Западной Африки. СПб., 1999. С. 89–93.
- ¹⁰⁰ *Arnott D. W., Ak'ilu Aliyu.* Wordsmith: Some Aspects of the language of his poetry // «Studies in Hausa Language and Linguistics», ed. by G. Furniss and Ph. Jaggar. London; N. Y., 1988; *Pilaszewicz S.* Concern about Language in the Hausa Literature. In: «Language in education and society», ed. by S. Ajulo. Lagos, 2000.
- ¹⁰¹ *Порхомовский В. Я.* Соотношение двух письменных традиций хауса в культурно-исторической перспективе. С. 87–89.
- ¹⁰² *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Языковая норма и социокультурная парадигма // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 14–54; *Они же.* Устные формы языка и литературная норма в хауса // Устные формы литературного языка. История и современность. М., 1999. С. 294–295; *Они же.* Литературная норма в условиях языковой неоднородности (язык хауса в Северной Нигерии) // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000. С. 178–190; *Они же.* Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ) // Языковая норма и эстетический канон. М., 2006. С. 312–322; *Porkhomovsky V., Suetina Yu.* Sprachnorm und sozio-kulturelles Paradigma am Beispiel des gegenwärtigen schriftlichen Standardhausa // Von Ägypten zum Tshadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika. Würzburg. Ergon Verlag. 2001. С. 365–376.
- ¹⁰³ *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ). С. 312–322.
- ¹⁰⁴ Библия на языке хауса: LITTAFI MAI-TSARKI. The Holy Bible in Hausa. Lagos. The Bible Society of Nigeria. N.d.; Коран на языке хауса: ALKUR'ANI MAIGIRMA da kuma tarjaman ma'anoninsa zuwa ga harshen Hausa. Shekra ta 1407 higira. Manzo.
- ¹⁰⁵ *Порхомовский В. Я., Суетина Ю. Г.* Языковая норма и эстетический канон в младописьменном языке (Истории Иосифа и Моисея в переводах Библии и Корана на язык хауса: лингвостатистический анализ). С. 321–322.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 317–321 (См.: статистический анализ, таблицы).
- ¹⁰⁷ *Awagana A.* Die Hausa-Schrift // 5000 Jahre Schrift in Afrika. Entstehung – Funktionen – Wechsel. Begleitband zur Ausstellung in der Universitäts- und Stadtbibliothek Kln von 7. November 2008 bis 8. Januar 2009. Kln, 2008.
- ¹⁰⁸ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 10.
- ¹⁰⁹ *Aberle David F.* The Kinship system of the Kalmuck Mongols // University of New Mexico Publications in Anthropology. № 8. The University of New Mexico Press. Albuquerque, 1953; *Adelman Fred.* Kalmyk Cultural Renewal. Dissertation in Anthropology. University of Pennsylvania. 1960; *Rubel Paula G.* The Kalmyk Mongols. A study in continuity and change. Indiana University publications. Vol. 64. Of the Uralic&Altaic Series. 1967.
- ¹¹⁰ *Жуковская Н. Л.* Американские калмыки (К проблеме сохранения этнической специфики) // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1990 гг. Часть 1. Алма-Ата, 1990; *Гучинова Э.-Б.* Улица «Kalmuk Road». СПб., 2004.
- ¹¹¹ *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 3.
- ¹¹² *Гучинова Э.-Б.* Язык и самосознание калмыков США // Языки народов России: перспективы развития: Материалы международного семинара. Элиста, 2000. С. 231–237.
- ¹¹³ *Балыков С.* Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. № 4. С. 14–20.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France // L'annee sociologique. 1968. P. 3.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 4.
- ¹¹⁷ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. С. 84.
- ¹¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹¹⁹ *Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France. P. 31.
- ¹²⁰ Ibid. P. 21–22.
- ¹²¹ Ibid. P. 62.
- ¹²² Русское слово, 15 октября 1965.
- ¹²³ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. С. 70–71.
- ¹²⁴ *Гучинова Э.-Б.* Язык и самосознание калмыков США. С. 224.
- ¹²⁵ *Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France. P. 66–67.
- ¹²⁶ *Гучинова Э.-Б.* Язык и самосознание калмыков США. С. 219–220.
- ¹²⁷ *Левин З. И.* Менталитет диаспоры. С. 93.
- ¹²⁸ *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балкано-славянского ареала. М., 1996.
- ¹²⁹ Географическая сетка «Малого диалектологического атласа балканских языков» под редакцией А.Н. Соболева включает всего 12 пунктов на значительно большей территории, включающей Хорватию, Черногорию, Сербию, Македонию, Болгарию, Албанию, Грецию. См.: Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры / Под ред. А. Н. Соболева. Мюнхен, 2005. С. 12–14.
- Этнолингвистический вопросник, активно используемый в последние годы после работы над атласом в Сербии, Болгарии, Македонии, значительно уплотнил первоначальную сетку пунктов этнолингвисти-

- ческих полевых исследований. См., напр., публикации собранных по вопроснику материалов в Болгарии: *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы из Центральной Болгарии (с. Дылбоки, обл. Старой Загоры) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 267–297; *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы из Юго-Восточной Болгарии (с. Козичино (Еркеч), обл. Бургаса) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 277–298; *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, р-н Белоградчика (Северо-Западная Болгария) // Там же. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 354–398; *Она же.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская обл., община Перник, Средняя Западная Болгарии // Там же. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 228–276; в Македонии: *Плотникова А. А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (обл. Велеса, регион Азота) // Там же. С. 192–227; в Сербии: *Якушкина Е. И.* Этнолингвистические материалы из Западной Сербии (с. Ставе, Валецкий край) // Там же. С. 299–323.
- ¹³⁰ Исключение представляет фрагмент в разделе «Народная мифология», где вопросы формулируются по принципу «от значения к слову» с целью выявить различные значения общей для ряда балканских языков лексики, например ⁺*blavor*: серб. *блavor*, *блавур*, *блаор*, *блор*, рум. *balaur*. 1) «крылатый змей, дракон»; 2) «демон непогоды, приносящий градовую тучу»; 3) «полоз» (вид змеи). См.: *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. С. 52–53.
- ¹³¹ С. Межиброды Сколивского р-на Львовской обл. было обследовано преподавателем Львовского государственного университета Н. В. Хобзей в 2006 г.
- ¹³² С. Устерики и Криворивня Ивано-Франковской обл. были обследованы Е. С. Узеновой (Институт славяноведения РАН); Устерики Верховинского р-на — в октябре 2007 г., Криворивня Косовского р-на — в июле 2008 г.
- ¹³³ С. Торунь с прилегающими к нему с. Титковцы Прислоп Межгорского р-на было обследовано в марте 2008 г. А. А. Плотниковой и Е. С. Узеновой.
- ¹³⁴ В этих регионах было проведено две экспедиции Е. С. Узеновой (2007–2008 гг.).
- ¹³⁵ Все эти экспедиции в Болгарию были осуществлены Е. С. Узеновой.
- ¹³⁶ По полевым исследованиям Олтении 2006 г. уже опубликованы материалы работы по этнолингвистическому вопроснику Н. Г. Голант в регионе Вылча, коммуна Мэлая. См.: *Голант Н. Г.* Этнолингвистиче-
- ские материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 271–323.
- ¹³⁷ В октябре 2007 г. была проведена экспедиция в с. Сэрата-Монтеору (коммуна Мерей) с выездом в более удаленное с. Дара, относящееся к соседней коммуне Пьетроаселе. Собиратели материала — А. А. Плотникова (Институт славяноведения РАН) и К. Секара (Институт этнографии и фольклора Румынской академии).
- ¹³⁸ Коммуна Мынзэлешть вместе с ближайшим с. Меледик были исследованы в январе 2008 г. Н. Г. Голант (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург).
- ¹³⁹ В плане реконструкции содержательного плана изучаемых традиций необходимо учитывать также и античное наследие у восточных романцев и южных славян. См.: *Златковская Т. Д.* К проблеме античного наследия у южных славян и восточных романцев // Советская этнография. 1978. № 3.
- ¹⁴⁰ Помета «олт.», указывающая на олтыанскую традицию, здесь и далее относится к материалу, собранному в регионе Вылчи Н. Г. Голант и опубликованному в сборнике, обобщающем итоги работы над проектом. См.: *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 271–323.
- ¹⁴¹ Помета «мунт.», указывающая на мунтыанскую традицию, здесь и далее относится к материалу, собранному в регионе Бузэу в с. Сэрата Монтеору (коммуна Мерей) и Дара (коммуна Пьетроаселе) А. А. Плотниковой и К. Секара.
- ¹⁴² В селах коммуны Мэлая — форма мужского рода, но с определенным артиклем женского рода. См.: *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 316.
- ¹⁴³ *Плотникова А. А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008.
- См., в частности, комментарий к терминологической лексике из сферы семейной обрядности, которая здесь уже подробно не рассматривается: Там же. С. 17–18.
- ¹⁴⁴ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 420.
- ¹⁴⁵ *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 159.
- ¹⁴⁶ *Филипова-Байрова М.* Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969. С. 161.

- ¹⁴⁷ Там же. С. 515–519.
- ¹⁴⁸ *Тодоров Т.* Относно произхода на *су’рва*, *Су’рва*, *сурва’кам*, *су’рвака*, *Су’рваки* и на други производни от *су’рва* // Български език. София, 1993/1994. Год. XLIII/XLIV. Кн. 4. С. 344.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ *Pamfile T.* S rb torile la Rom ni. Studiu etnografic. Bucure ti, 2005. P. 230–231.
- ¹⁵¹ Мифопоэтический анализ колядного текста «Плугушор» подробно исследован Т. В. Цивьян. См.: *Цивьян Т. В.* К мифологической интерпретации восточно-романского колядного текста «Плугушор» // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 96–116.
- ¹⁵² Отмечаются лишь названия участников обряда — «пахари» (словен., хорв.), а также на западе и юге Чехии название всего обряда — *vora ky*, *vora ek*, связанное с именованьем пахаря — *ora*. См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 657.
- ¹⁵³ Там же. С. 656–657.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 657.
- ¹⁵⁵ *Попович Ю. В.* Обряды с плугом у восточно-романских народов // Карпатский сборник. М., 1976. С. 113.
- ¹⁵⁶ *Цивьян Т. В.* К мифологической интерпретации восточно-романского колядного текста «Плугушор». С. 112.
- ¹⁵⁷ *Она же.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 67.
- ¹⁵⁸ *Muşlea I., Vrlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui V. P. Hasdeu. Bucure ti, 1970. С. 353.
- ¹⁵⁹ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 468.
- ¹⁶⁰ Эти полевые данные записаны в сентябре 2008 г. в с. Галичник (Юго-Западная Македония, собиратели — А. А. Плотникова, А. Н. Соболев, Е. С. Узенева).
- ¹⁶¹ *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 282–283.
- ¹⁶² *Гриценко П. Е.* Carpato-balcanica в свете «Общекарпатского диалектологического атласа» // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 26–57.
- ¹⁶³ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 716.
- ¹⁶⁴ *Юллы Дж., Соболев А. Н.* Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар): Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg/Lahn, 2002. С. 404.
- ¹⁶⁵ *Hahn J. G.* Albanische Studien. В. 3. Jena, 1854. P. 102.
- ¹⁶⁶ *Ghinou I.* Comoara satelor: calendar popular. Bucure ti, 2005. P. 57.
- ¹⁶⁷ *Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијаците. Скопје, 1998. С. 46–47.
- ¹⁶⁸ *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани). С. 161.
- ¹⁶⁹ *Пономарченко К. А.* Из материалов по этнолингвистической программе МДАБЯ с островов Родос и Карпатос (Южная Греция) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 161, 187.
- ¹⁷⁰ *Юллы Дж., Соболев А. Н.* Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар): Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. С. 394.
- ¹⁷¹ Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. Соб. зап. с. Пештани, р-н Охрида.
- ¹⁷² Полевые данные из с. Галичник в Юго-Западной Македонии (записаны в сентябре 2008 г. А. А. Плотниковой, А. Н. Соболевым, Е. С. Узенева).
- ¹⁷³ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 714.
- ¹⁷⁴ *Ghinou I.* Comoara satelor: calendar popular. Bucure ti, 2005. P. 58.
- ¹⁷⁵ *Голант Н. Г.* Мартовский обрядовый комплекс румын и болгар в этнокультурной традиции карпато-балканского региона. Канд. дис. СПб., 2007. С. 117.
- ¹⁷⁶ *Она же.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения). С. 291.
- ¹⁷⁷ *Кабакова Г. И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской. Канд. дисс. М., 1989. С. 195.
- ¹⁷⁸ Обряд известен и в Молдавии под названием *с лисени*. См.: *Кабакова Г. И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 195.
- ¹⁸⁰ Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1994. С. 302; *Маринов Д.* Избрани произведения. Т. 2. София, 1984. С. 151.
- ¹⁸¹ *Филиповић М.* Трачки коњаник. Студије из духовне културе. Београд, 1986.
- ¹⁸² См. карту: *Плотникова А. А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии. С. 510–523.
- ¹⁸³ Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры. С. 204–205.
- ¹⁸⁴ Мифологический словарь. М., 1991. С. 194.
- ¹⁸⁵ Другие его фиксации в регионе Бузэу. См.: *Muşlea I., Vrlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui V. P. Hasdeu. Bucure ti, 1970. P. 372.
- ¹⁸⁶ Помощь в расшифровке диалектных текстов — Н. Г. Голант.

- ¹⁸⁷ *Muşlea I., B rlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui B.P. Hasdeu. Bucure ti, 1970. P. 372–373.
- ¹⁸⁸ Българска митология. Енциклопедичен речник. С. 302; *Маринов Д.* Избрани произведения. Т. 2. С. 84.
- ¹⁸⁹ Закапывание куклы известно и в отдельных румынских селах, например на севере. См.: *Muşlea I., B rlea O.* Tipologia folklorului. Din r spunsurile la chestionarele lui B.P. Hasdeu. P. 372.
Л. Шэйняну в своем словаре отмечает лишь закапывание куклы в поле. См.: *Ş ineanu L.* Dic ionar universal al limbei rom ne. Bucure ti, 1922. P. 94.
- ¹⁹⁰ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. С. 499–500.
- ¹⁹¹ *Andrei D.* Monografia comunei Lipia. Jude ul Buz u. R mnicu S rat, 2007. С. 55–56.
- ¹⁹² Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 499.
- ¹⁹³ *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 316.
- ¹⁹⁴ У гуцулов это мужские демоны (*судци*), такие поверья зафиксировала Е. С. Узенева в исследованном по проекту с. Устерики. См.: *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы с Юго-Западной Украины (с. Устерики, Верховинский р-н, Ивано-Франковская обл.) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 325.
Это подтверждает наличие до сегодняшних дней поверий о 12 невидимых «судцах», определяющих судьбу ребенка. См.: *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. III. Верховина, 1999. С. 12.
- ¹⁹⁵ *Škok P.* Etimologijski rje nik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Vol. 2. P. 544.
- ¹⁹⁶ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 694.
- ¹⁹⁷ Обилие дериватов известно и в румынском (*a ursi* «предопределять», «предсказывать», *ursire* «предназначение» и т. д.), и в болгарском (*описвам* «предопределять будущее», *описия* «участь, судьба» и др.).
- ¹⁹⁸ *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, обл. Олтения). С. 314.
- ¹⁹⁹ *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 626–632.
- ²⁰⁰ *Ş ineanu L.* Dic ionar universal al limbei rom ne. P. 302.
- ²⁰¹ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 614.
- ²⁰² *Ş ineanu L.* Dic ionar universal al limbei rom ne. P. 302.
- ²⁰³ *Gorovei A.* Credin i i supersti ii ale pororului Rom n. Bucure ti, 1915. P. 309.
- ²⁰⁴ См. карту: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 542–549.
- ²⁰⁵ *Caldwell R.* A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of Languages. Madras, 1856.
- ²⁰⁶ *Grierson G. A.* Linguistic Survey of India. Calcutta, 1904–1928.
- ²⁰⁷ *Uhlenbeck C. C.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache. Amsterdam, 1898–1899.
- ²⁰⁸ *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny. I–III. Berlin und Leipzig, 1927–1932.
- ²⁰⁹ *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.
- ²¹⁰ *Bloch J.* Structure grammaticale des langues dravidiennes. Paris, 1946; *Burrow T.* Collected papers on Dravidian linguistics. Annamalainagar, 1968; *Burrow T.* Dravidian languages // Current Trends in Linguistics. 1969. Vol. 5. Pt. 2; *Emeneau M. B.* Brahui and Dravidian comparative grammar. Berkley; Los Angeles, 1962; *Emeneau M. B.* Dravidian linguistics, ethnology and folktales. Collected papers. Annamalainagar, 1968; *Emeneau M. B.* Dravidian comparative phonology. Annamalainagar, 1970; *Zvelebil K.* Dravidian linguistics: an introduction. Ponpicherry, 1990.
- ²¹¹ *Burrow T., Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary. Oxf., 1961–68.
- ²¹² *Андронов М. С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1994. Ч. 1–2; *Зограф Г. А.* Языки Южной Азии. М., 1990; *Krishnamurti Bh.* Dravidian languages. Cambridge, 2003.
- ²¹³ Оценка по: India 2004. A reference annual. New Delhi, 2004.
- ²¹⁴ *Bork F.* Elam (Sprache). Reallexicon der Vregeschichte Bd. III. Berlin, 1925; *Воробьев-Десятовский В. С.* К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков // Советское востоковедение. 1954. № 1; *Дьяконов И. М.* Языки Древней Передней Азии. М., 1967; *McAlpin D.* Towards Proto-Elamo-Dravidian // Language. 1974. Vol. 50.
- ²¹⁵ *Андронов М. С.* Дравидийские языки // Языки Азии и Африки. М., 1978. Т. II.
- ²¹⁶ *Krishnamurti Bh.* Review of M. B. Emeneau, Dravidian Comparative Phonology: a sketch // JAOS. 1975. Vol. 95.
- ²¹⁷ *Андронов М. С.* Дравидийские языки. Т. II.
- ²¹⁸ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М., 2006; *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период / Ин-т языкознания РАН. М., 2007. С. 12–65.
- ²¹⁹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 2002; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка.
- ²²⁰ *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

- 221 *Старостин С. А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
- 222 Там же. С. 468–469.
- 223 Там же. С. 469.
- 224 Там же. С. 476.
- 225 Там же. С. 711.
- 226 Там же. С. 468.
- 227 См. материалы сайта: www.starling.rinet.ru.
- 228 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка.
- 229 Датировки приводятся по: *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989; *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. Гл. 2: Древние китайцы и их соседи: этнорасовая характеристика. С. 56–104.
- 230 *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
- 231 *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.
- 232 *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999; *Рассторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000; Т. II. М., 2003; Т. III. М., 2007.
- 233 *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995. P. 440.
- 234 *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Г», «Д». М., 1980. С. 150–151 (под ДАРГА-).
- 235 *Benveniste E.* Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966. P. 31–33.
- 236 *Gharib B.* Sogdian Dictionary. P. 431.
- 237 *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- 238 *Adams D. Q.* A Dictionary of Tocharian. Amsterdam; Atlanta, 1999.
- 239 *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период / Ин-т языкознания РАН. М., 2007.
- 240 См. подробности и литературу вопроса: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 62–68.
- 241 *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.
- 242 *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 22.
- 243 *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982.
- 244 *Он же.* Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995.
- 245 См. по адресу: <http://www.starling.rinet.ru>. По сравнению с «бумажной» публикацией, там, в частности, учитываются и обсуждаются этимологии из: *Werner G.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. 1–3. Wiesbaden, 2002.
- 246 *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- 247 *Joki A. J.* Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu 103). P. 199.
- 248 Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 118.
- 249 См., напр.: *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.
- 250 *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden, 1988. P. 749–751.
- 251 *Мудрак О. А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148; *Mudrak O. A., Nikolaev S. L.* Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresouan Languages // Explorations in Language Macrofamilies. Bochum, 1989. P. 67–87.
- 252 *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). 1996. С. 243, 247, 251, 254, 261.
- 253 *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007.
- 254 Там же.
- 255 *Грунтов И. А.* Общее наследие и заимствования. Древнейшие тюрко-монгольские заимствования: обязательны ли радикальные решения? // Проблемы исторического развития монгольских языков. СПб., 2007.
- 256 *Дыбо А. В.* К вопросу о пратюрко-монгольских контактах // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею Т. М. Гарипова. Т. I. Уфа, 2008.
- 257 *Sinor D.* The Problem of Ural-Altai relationship // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.
- 258 *Castrén M. A.* Ueber die Personalaffixe in den altaischen Sprachen // *Castrén M. A.* Kleine Schriften. SPb., 1862; *Donner O.* Vergleichendes Wörterbuch der finnisch-ugrischen Sprache. Helsinki, 1874–1888.
- 259 *Winkler H.* Uralaltaische Völker und Sprachen. Berlin, 1884; *Winkler H.* Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, 1909; *Winkler H.* Tungussisch und Finnischugrisch // JSFU XXX, 9. 1915.
- 260 Подробный анализ литературы см.: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитские, картвельские, индоевропейские, уральские,

- дравидийские, алтайские): Введение. Сравнительный словарь / АН СССР.: М., 1971; *Stachowski M.* Uralistik und T rkologie — geschieden oder doch verliebt // *Vade mecum! A huszon t dik óra.* Szombathely, 2001.
- 261 *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm. 1960. 1965.
- 262 *Sinor D.* Le probleme de la parent des langues ouralo-altaiques // *Revue de geographie et d'ethnografie.* № 1. 1948.
- 263 *Räsänen M.* Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.
- 264 Чрезвычайно интересный анализ лингвистических и экстралингвистических факторов, которые привели к отставанию в изучении тюркских языков по сравнению с уральскими, см.: *Stachowski M.* Uralistik und T rkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 265 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитские, картвельские, индоевропейские, уральские, дравидийские, алтайские): Введение. Сравнительный словарь.
- 266 В более поздних исследованиях принадлежность семито-хамитских языков к ностратическим была поставлена под сомнение. Ср.: *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М., 2006. С. 768–770.
- 267 *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- 268 *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- 269 *Stachowski M.* Uralistik und T rkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 270 *Pusztay J.* Sibirien — Schmelztiegel von Sprachen? // *Specimina Sibirica 1, Savariae*, 1988; *Pusztay J.* Zur Herausbildung des Protouralischen Sibirien // *Specimina Sibirica 3, Savariae*, 1990; *Pusztay J.* Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische), Wiesbaden, 1995; *Pusztay J.* Zur Entwicklungsgeschichte des Ungarischen // *Uralic languages in European and Siberian linguistic context.* Tartu, 1996; *Pusztay J.* On the development of the Hungarian language // *Specimina Sibirica 14, Savariae*, 1998.
- 271 Подробную библиографию см.: *Stachowski M.* Uralistik und T rkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 272 *Róna-Tas A.* De hypothesi Uralo-Altaica // *Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae (MSFOu 185)*, 1983.
- 273 *Stachowski M.* Uralistik und T rkologie — geschieden oder doch verliebt.
- 274 Ср.: доклад А. В. Дыбо на конференции «Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания и дальнее родство языков» (РГГУ, 24 марта 2006 г.), посвященный уточнению реконструкции аффрикат и фрикативных; доклад М. А. Живлова на конференции «Проблемы изучения дальнего родства языков» (РГГУ, 25–28 марта 2008 г.), посвященный соответствиям между срединными кластерами в уральской и алтайской реконструкциях и сочетаниями ларингал + С в индоевропейской реконструкции.
- 275 Создание EDAL, дальнейшие существенные дополнения к сравнительной фонетике и этимологии обеих семей. В первую очередь это касается реконструкции алтайской и уральской вокалических систем. Алтайский вокализм в общих чертах реконструирован С. А. Старостиным, А. В. Дыбо и О. А. Мудраком в EDAL. Но новые данные по реконструкции тюркского вокализма и вокально-консонантных сочетаний, полученные А. В. Дыбо и О. А. Мудраком (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка), по реконструкции тунгусо-маньчжурского вокализма с учетом морфонологии именных и глагольных основ и сложных развитий первоначально десингармонистических сочетаний (см.: *Дыбо А. В.* Ассимиляция и аккомодация гласных в сингармонистических потомках десингармонистического языка // *Евразийское пространство. Звук и слово.* М., 2000), по-видимому, позволят значительно уточнить общеалтайскую реконструкцию. Что касается уральской части, то объединение усилий, предпринимаемых в последнее время Ю. В. Норманской (см.: *Норманская Ю. В.* Реконструкция болгарской системы фонем на основании чувашских заимствований в марийском языке // *Сборник материалов конференции «Источники и периодизация истории чувашского языка».* Чебоксары, 2006; *Она же.* Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинноугорского, прафиннопермского, праугорского, прафинноволжского) // *Аспекты компаративистики.* III. М., 2008; *Она же.* Фонологические и этно-лингвистические характеристики языка — источника «чувашских» заимствований в марийском // *Восток (Oriens)* 2008. № 6; *Она же.* Происхождение спряжения в марийском языке и его связь с прамордовским ударением // *Вопросы филологии.* 2008. № 2; *Она же.* Марийские редуцированные гласные первого слога — современная инновация или прамарийский архаизм? // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* 2008; *Она же.* Развитие вокализма в мордовском языке и реконструкция прамордовского ударения // *Вопросы языкознания.* М., 2009), К. Ю. Решетниковым (см.: *Решетников К. Ю.* Дробление рефлексов прауральского *a в самодийском и венгерском // *Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы и материалы.* М., 2007.) и М. А. Живловым (см.: *Живлов М. А.* Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореф. канд. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006) обеспечили устойчивый прогресс в разработке этой «вечной проблемы».
- 276 Ср.: в последние годы: экспедиция в д. Балыкча Кош-Агачского р-на (северный вариант теленгитского

- диалекта алтайского языка), 7–18 июля 2006 г. Руководитель А. В. Дыбо. Для настоящего проекта важен результат инструментально-фонетического обследования полного списка балыкчинских односложных основ. Независимо на трех информантах удалось выявить квазифонологические фонационно-тоновые противопоставления (просодического характера), в основном соответствующие фонационным противопоставлениям качинского диалекта хакасского языка (описанные в статье А. В. Дыбо. См.: Дыбо А. В. К вопросу о хакасской просодии // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
- Там же устанавливаются их связи с признаком, записанным как маргинальная долгота для чулымско-тюркского) и тоновым противопоставлением, установленным в тувинском языке экспедицией МГУ под руководством А. Е. Кибрика в 1989 г. и тогда же подтвержденным независимым обследованием информанта, проведенным А. В. Дыбо и О. А. Мудраком. Экспедиция в д. Казановка Аскизского р-на (сагайский диалект хакасского языка), 3–18 сентября 2007 г.
- ²⁷⁷ В частности, работа в лаборатории языков Сибири в Томском педагогическом университете с архивом, собранным АПДульзоном и последующими сибирскими исследователями.
- ²⁷⁸ *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- ²⁷⁹ *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.
- ²⁸⁰ *Иванова Г. С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. С. 127.
- ²⁸¹ *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17).
- ²⁸² Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. В. В. Быконой. Томск, 2005. С. 63; Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 323, 325; *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. P. 620.
- ²⁸³ Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 323.
- ²⁸⁴ *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989. P. 53.
- ²⁸⁵ Ibid. P. 87.
- ²⁸⁶ *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. Helsinki, 1994. P. 2488.
- ²⁸⁷ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. P. 2240.
- ²⁸⁸ *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986. P. 53.
- ²⁸⁹ Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III. Budapest, 1992–1997. P. 336.
- ²⁹⁰ *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Szeged, 1997. P. 331.
- ²⁹¹ Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III. Budapest, 1992–1997. P. 336.
- ²⁹² *Норманская Ю. В.* Развитие вокализма в мордовском языке и реконструкция прамордовского ударения // Вопросы языкознания. М., 2009.
- ²⁹³ *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. P. 331.
- ²⁹⁴ *Sammallahti P., Nickel K. P.* Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo, 2006. P. 729.
- ²⁹⁵ *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. Helsinki, 1994. P. 2450.
- ²⁹⁶ Ibid. P. 2452.
- ²⁹⁷ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. P. 85.
- ²⁹⁸ *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 409.
- ²⁹⁹ *Helinski E.* 2007. Селькупские словарные материалы на сайте: www.helinski.com
- ³⁰⁰ *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989. P. 551.
- ³⁰¹ Ibid. P. 565.
- ³⁰² Ibid. P. 579.
- ³⁰³ Ibid. P. 211.
- ³⁰⁴ Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 182.
- ³⁰⁵ *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. P. 2242.
- ³⁰⁶ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. P. 831.
- ³⁰⁷ Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III. P. 22.
- ³⁰⁸ *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 104.
- ³⁰⁹ Там же. P. 219.
- ³¹⁰ *Sammallahti P., Nickel K. P.* Saamisch-deutsches Wörterbuch. Oslo, 2006. P. 81.
- ³¹¹ *Itkonen E.* Inarilappisches Wörterbuch, II. Helsinki, 1986–1991. P. 366.
- ³¹² *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I–IV. P. 1606.
- ³¹³ *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991.
- ³¹⁴ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. P. 1155.
- ³¹⁵ *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. P. 410.
- ³¹⁶ *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. P. 239.
- ³¹⁷ Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, I. Helsinki, 1992. P. 334.

- 318 Ibid.
- 319 *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. P. 1462.
- 320 *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17). P. 149.
- 321 *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. С. 638.
- 322 Там же. С. 645.
- 323 Там же. С. 579.
- 324 *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte.
- 325 *Katzschmann M., Pusztay J.* Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. (Fenno-Ugrika 5). Hamburg, 1978. P. 220.
- 326 *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944. P. 71.
- 327 *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17). P. 149.
- 328 Suomen Sanojen Alkuperä. Etymologien sanakirja, III. Helsinki, 1992. P. 334.
- 329 *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- 330 *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. P. 484.
- 331 *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. P. 129.
- 332 *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // JSFOu, B. 77. 1981. P. 219–274.
- 333 *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 34; *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. P. 33.
- 334 *Munkácsi B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986. P. 484.
- 335 *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 347.
- 336 Ibid. P. 131.
- 337 *Богданов Е. В., Данилина Н. Р., Дюлидзе Э. В.* У северной границы Мордовии // Заповедные острова. М., 2005. № 88.
- 338 *Латин П. И.* (ред.) Деревья и кустарники СССР. М., 1966.
- 339 Там же.
- 340 *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- 341 Подробную библиографию см.: *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch; *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику.
- 342 *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 541.
- 343 *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику.
- 344 *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 541.
- 345 Ibid. P. 563.
- 346 Ср.: *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику.
- 347 *R dei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. P. 614.
- 348 Ibid. P. 45.
- 349 Ibid. P. 17.
- 350 *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- 351 *Матюшин Г. Н.* Археологический словарь. М., 1996.
- 352 *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралоистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- 353 *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007.
- 354 *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралоистика. Лекции и статьи. С. 301–312.
- 355 *Терентьев В. А.* Древнейшие тюрко-самодийские языковые контакты // Aikakauskirja. JSFOu 88, 1999. С. 182–194.
- 356 *Róna-Tas A.* Turkic Influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988. P. 743–745.
- 357 Ср.: *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu 48); *Beke Ö.* Zu den tschuwassischen Lehnwörtern der tsche-remissischen Sprache // MSFOu 67, 1933; *Beke Ö.* Zur Lautgeschichte der tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // ФУФ 23, 1935; *Федотов М. П.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи в историческом освещении. Таллин, 1968; *Мудрак О. А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1994; *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II // Studia Uralo-altaica, 34, 35, 1992–1994.
- 358 Ср.: *Мудрак О. А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II // Studia Uralo-altaica, 34, 35, 1992–1994.
- 359 Ср.: *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu 48).
- 360 Ср.: *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, II.
- 361 Более подробное описание см.: *Норманская Ю. В.* Реконструкция болгарской системы фонем на основании чувашских заимствований в марийском языке.
- 362 *Федотов М. П.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996.
- 363 *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 51.
- 364 *Ханзен-Леве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 11.
- 365 *Топоров В. Н.* Миф, ритуал, символ, образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 193.

- ³⁶⁶ Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии. М., 2001. С. 83.
- ³⁶⁷ Грифцов Б. А. Теория романа. М., 1927. С. 28.
- ³⁶⁸ Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов. С. 112.
- ³⁶⁹ Грякалова Н. Ю. От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910–1920-х годов (Поэтика. Жизнестроительство. Историософия): Автореф. ... докт. филол. наук. СПб., 1998.
- ³⁷⁰ Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 144–151.
- ³⁷¹ Троцкий Л. О Бальмонте // Восточное обозрение. 1901. 18 марта. № 61.
- ³⁷² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 282 – 287.
- ³⁷³ Бугаев Б. (Андрей Белый). На Перевале. III. Искусство и мистерия // Весы. М., 1906. № 9. С. 45–48.
- ³⁷⁴ Бердяев Н. Кризис искусства. М., 1918. С. 5.
- ³⁷⁵ Там же. С. 7.
- ³⁷⁶ Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Соф. 191.
- ³⁷⁷ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 112.
- ³⁷⁸ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 131.
- ³⁷⁹ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894. С. 5, 8–16; Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967. С. 131.
- ³⁸⁰ РНБ. Соф. 191.
- ³⁸¹ Там же. Соф. 268.
- ³⁸² Государственный исторический музей. (далее – ГИМ). Син. № 199; Савва, еп. Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки веков. М., 1863. Табл. 36.
- ³⁸³ Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Троиц. 631.
- ³⁸⁴ ГИМ. Син. 915; Савва, еп. Можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки веков. М., 1863. Табл. 38.
- ³⁸⁵ РНБ. Соф. 275.
- ³⁸⁶ Там же. Соф. 266, 267, 268.
- ³⁸⁷ Там же. Соф. 192, 90 об.–91.
- ³⁸⁸ Там же. Соф. 268.
- ³⁸⁹ Там же. Соф. 266.
- ³⁹⁰ Там же. Соф. 267.
- ³⁹¹ Там же. Соф. 276.
- ³⁹² Там же. Соф. 269.
- ³⁹³ Там же. Соф. 270.
- ³⁹⁴ Там же. Соф. 271.
- ³⁹⁵ Там же. Соф. 272.
- ³⁹⁶ Там же. Соф. 273.
- ³⁹⁷ Там же. Соф. 278; Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989.
- ³⁹⁸ Ключевский В. О. Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 98–100; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1971. С. 19–24.
- ³⁹⁹ Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 280.
- ⁴⁰⁰ Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографический литературный очерк. СПб., 1908. С. 114–119.
- ⁴⁰¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 19–25.
- ⁴⁰² РНБ. Соф. 266, 267, 268, 269, 270, 272, 273.
- ⁴⁰³ РГБ. Троиц. 631, 106 листов.
- ⁴⁰⁴ Архив СПб., ИИ РАН. Колл. 238. Оп. 1. № 323. Л. 216 об.
- ⁴⁰⁵ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 28–35, 275.
- ⁴⁰⁶ РНБ. Соф. 1319.
- ⁴⁰⁷ Там же (новая редакция) Погод. 871. Л. 265–287 об.
- ⁴⁰⁸ Великие Минеи Четьи 1529–1541 гг. Ноябрь. Стб. 199; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 28.
- ⁴⁰⁹ Новгородская четвертая летопись // Памятники старинной русской литературы. М., 2000. Т. 4. С. 176.
- ⁴¹⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 207–211; Зализняк А. А., Янин В. Л. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // Russian Linguistics. 16 (1992/1993). № 2–3. С. 186–196; Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в жизни и мистериях // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2004. № 2 (16). С. 18–23.
- ⁴¹¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 33–35.
- ⁴¹² Бобров А. Г. Новгородские летописи века. СПб., 2001. С. 229–233. Примеч. 56.
- ⁴¹³ Летописный сборник, именуемый Летописью Аврамки // Памятники старинной русской литературы. М., 2000. Т. 16. Стб. 200.

- ⁴¹⁴ Софийские летописи // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1853. Т. 6. С. 182.
- ⁴¹⁵ Повесть о Ионе, архиепископе новгородском // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 31.
- ⁴¹⁶ РНБ. Погод. 2035; Новгородская четвертая летопись // Памятники старинной русской литературы. М., 2000. Т. 4. С. 445; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 25–28; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи века. С. 167.
- ⁴¹⁷ Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // Памятники старинной русской литературы. М., 2000. Т. 16. Стб. 200–201; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи века. С. 229–233. Примеч. 56.
- ⁴¹⁸ Софийские летописи. С. 320–325.
- ⁴¹⁹ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 26–27.
- ⁴²⁰ Великие Минеи Четьи 1529–1541 гг. Ноябрь. Стб. 220–221.
- ⁴²¹ Софийские летописи. С. 320–325; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. С. 27.
- ⁴²² *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Многовековая история литературной культуры Подляшья и Белорусского Полесья: результаты тридцатилетних экспедиционных исследований (1970–2000-е гг.) // Белорусско-российский диалог (Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.). М., 2006. С. 206–225; *Они же.* Современная народная книжность Подляшья и Полесья // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Выпуск 8. Мінск: НББ, 2006. С. 155–167; *Они же.* Современная народная литература пограничья Беларуси, России и Украины // Народная литература восточных славян. М., 2007. С. 12–14; *Они же.* На пограничье белорусского: Из опыта изучения культурных традиций белорусов Польши // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Выпуск 4. НАН РБ. ДНУ Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора імя Кандрата Крапівы. Мінск, 2008. С. 348–352.
- ⁴²³ Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 2. С. 49–55.
- ⁴²⁴ *Срезневский И. И.* Программа для собирания образцов народного языка и словесности. СПб., 1852.
- ⁴²⁵ *Эбэрхардт П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989. Мінск, 1997; Численность и основные социально-демографические характеристики Республики Беларусь по данным переписи 1999 года. Минск, 1999; Миграция населения: Республика Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Минск, 2002.
- ⁴²⁶ *Озем Г. З.* Сельский менталитет как доминанта социокультурного пространства Беларуси // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы III Международной научной конференции. Гомель, 2003. С. 206.
- ⁴²⁷ *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Писания святителя Кирилла Туровского в народной среде Восточного Полесья: от времени открытий румянцевского кружка до современности // Н. П. Румянцев и его эпоха в контексте славянской культуры: Материалы Международной научно-практической конференции. Гомель, 2004. С. 25–28; *Они же.* Многовековая судьба евхографического цикла Кирилла Туровского (от пергаменных кодексов до электронных воплощений в сети интернет) // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин. Мозырь, 2005. Ч. 1. С. 139–140; *Они же.* Многовековое наследие святителя Кирилла Туровского: жизнь в веках // Десять веков христианства на Руси: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной тысячелетию Туровской епархии. Гомель, 2006. С. 25–30; *Они же.* Литературное наследие святителя Кирилла Туровского в народной среде пограничья Беларуси, России и Украины (XIX–XXI вв.) // Народная литература восточных славян: Тезисы докладов и сообщений на круглом столе 21.IX.2007. Москва. М., 2007. С. 17–19; *Они же.* Восточнославянская народная книжность XXI в.: И рукопись, и электронный текст // Държавата на духа. София, 2007. С. 247–262.
- ⁴²⁸ *Лабынцев Ю. А.* Книжное наследие Н. П. Румянцева М., 2004; *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Повествование о протопопе Аввакуме в современной народной книжности российско-белорусского пограничья // Книга в России. Сб. 1. М., 2006. С. 98–103; *Они же.* Старообрядческий Лаврентьевский монастырь и его библиотека // Старообрядчество: История. Культура. Современность. М., 2007. Т. 2. С. 143–147.
- ⁴²⁹ Часть черниговского православного духовенства вплоть до начала XIX в. довольно активно использовала польский язык в своей письменной практике. Записи на польском языке делались даже на кириллографических рукописях и печатных книгах. Ряд любопытных примеров тому можно видеть в современных московских собраниях. Так, на рукописной Кормчей XVI в. из фондов Российского государственного архива древних актов есть польскоязычная запись 1770 г. о бытовании этой книги в священническом кругу северной Черниговщины. См.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 181. № 1594. Еще в большей степени польский язык и литература были тогда распространены среди шляхты и духовенства, в значительном числе униатского, гомельщины. Впрочем, проблема эта совершенно не изучена, и, не преувеличивая ее значения, говорим о ней, основываясь исключительно на наших личных многолетних наблюдениях, в т. ч. и анализе довольно объемного

- документального материала, собранного во время работы в архивах ряда стран и в процессе экспедиционных поисков, длящихся уже треть века.
- ⁴³⁰ *Рубакин Н. А.* Новые времена — новые веяния // Русская мысль. 1905. № 7. С. 111–127.
- ⁴³¹ *Бобров А. А.* Крестьянин и книга: Из личных наблюдений за 27 лет труда на пользу грамотного крестьянства. 1877–1905 гг. Владимир, 1908.
- ⁴³² *Кравецкий А. Г.* Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII–XIX вв. // Славянское языкознание: Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). М., 2003. С. 152.
- ⁴³³ *Лабытцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Всему православному миру: Православная литература межвоенной Польши. М., 1995; *Они же.* Православная литература межвоенной Польши. М., 1998; *Они же.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; *Они же.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.) Минск, 2001.
- ⁴³⁴ *Они же.* Народная книжность родины Винцеса Коротынского // Винцесь Каратынскі ў беларуска-славянскім літаратурным узаемадзеянні. Мінск, 2006. С. 35–42; *Лабытцев Ю. А.* Современная народная литература Восточного Полесья // Традыцыі матэрыяльная і духоўнай культуры Усходняга Палесся і праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Гомель, 2006. С. 152–155; *Щавинская Л. Л.* Тексты западнобелорусского «Богогласника» на Гомельщине // Традыцыі матэрыяльная і духоўнай культуры Усходняга Палесся і праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Гомель, 2006. С. 183–188; *Щавинская Л. Л.* Живая традиция массового народного чтения: многоязычная восточнославянская книга «Богогласник» // Чтение как стратегия жизни. М., 2006. С. 197–198.
- ⁴³⁵ *Радченко З.* Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб., 1888. С. IX.
- ⁴³⁶ Там же. С. IV.
- ⁴³⁷ *Истомин Ф.* Предисловие редактора // Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб., 1888. С. I.
- ⁴³⁸ *Мельников Ф. Е.* Сектантство и Церковь пред судом Священного Писания. Кишинев, 1934.
- ⁴³⁹ *Ben-Amos D.* Jewish Folk Literature // Oral Tradition. 1999. № 14/1. P. 140–274.
- ⁴⁴⁰ *Бен-Амос Д.* Еврейская народная культура. М., 2004.
- ⁴⁴¹ *Листова Т. А.* Современная ситуация // Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование. М., 2005. С. 166.
- ⁴⁴² Там же. С. 155.
- ⁴⁴³ Там же.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 166.

⁴⁴⁵ Здесь хочется упомянуть об одной весьма заметной и значимой, особенно в самые трудные для верующих в СССР времена, категории населения, являвшейся в наиболее драматические и даже трагические моменты единственной надежной опорой в передаче и распространении традиционных духовных ценностей, в т. ч. произведений народной религиозной литературы, так называемых бабушках. Они составляли после первой трети XX в. своеобразную социально-культурную и религиозную корпорацию, оказавшую колоссальное влияние на поддержание в народе исконных духовных начал, традиционной культуры, веры в лучшее. Как и везде, были они и на восточнославянском междуграничье, а многие из них еще живы, продолжают свою прежнюю миссию, хотя уже не в таких масштабах, как прежде. Их деятельность и роль в истории народов СССР еще предстоит изучить.

Прочитываем слова авторитетного православного иерарха, епископа Саратовского и Вольского Лонгина, духовно вскормленного одной из таких бабушек: «Люди моего поколения, которые пришли в Церковь в 70-е годы, еще помнят битком набитые храмы и огромные толпы женщин в белых платочках, которые, кстати, не все тогда были бабушками. Если сегодня посмотреть на старые фотографии, то можно увидеть, что в белых платочках в храм приходили и женщины среднего возраста, и даже молодые девушки.

А бабушками были те, кто отчасти еще сохранил ощущение той России, которую мы потеряли и которую мы сегодня безуспешно ищем. Они прожили не просто тяжелую — страшную жизнь. Надо знать историю нашей страны в XX веке, чтобы представить себе жизненный путь такой "среднестатистической бабушки", которая родилась еще при царе, как, например, моя бабушка, пережила Первую мировую войну, на которой погиб ее родной брат, революцию и голод, во время которого умерли отец и мать... Представить себе весь этот страшный для нашего народа довоенный период, когда людям приходилось буквально выживать в нечеловеческих условиях.

Моя бабушка — ее звали Елена Сергеевна — была обычной крестьянкой из-под Рязани и одна воспитывала четырех детей. Ее муж ушел на войну, с которой не вернулся, а старший сын пришел смертельно больным туберкулезом и спустя два года после победы умер. И всю оставшуюся жизнь она воспитывала сначала детей, а потом — огромное количество внуков, никого не оставляя своим вниманием. И при этом, почти не умея читать и писать (она закончила два класса церковно-приходской школы), молилась каждый день, утром и вечером — у нее были общие тетради, в которых печатными буквами были переписаны утренние и вечерние молитвы и несколько акафистов. Я думаю, что она ни разу не читала Евангелие, потому что его тогда просто невозможно было достать, и могла только слышать его в церкви на богослужении.

Мое собственное воцерковление связано в основном с моей бабушкой. Именно она привела меня в пер-

вый раз в церковь и водила меня туда так же, как и всех своих внуков. Причем независимо от того, хотели этого ее дети или не хотели. Например, папа моих двоюродных братьев и сестер был членом партии и страшно боялся того, что кто-то узнает об этом. Но бабушка совершенно спокойно к этому относилась. И порой даже просила его переписывать акафисты или молитвы в свои тетрадки, чему он скрепя сердце подчинялся...

Моя бабушка и ее близкие, знакомые, родственницы и подруги были удивительными людьми, которых я до сегодняшнего дня вспоминаю не иначе как с огромной благодарностью. Это были люди, верившие необыкновенно просто и трезво. И весь ужас того, что было пережито ими, не лишил их чувства благодарности Богу, способности к радости, к веселью. Они не были мрачными и хмурыми людьми. Напротив — необыкновенно открытыми, свободными, могли и песни спеть, и пообщаться, не боялись ехать через полстраны для того, чтобы повидаться с родственниками, со своими детьми и внуками. Эти абсолютно забытые сегодня особенности характера делали их очень яркими и цельными людьми.

Мне довелось видеть еще несколько церковных старушек из другой, если можно так сказать, социальной сферы. Это московские интеллигентные бабушки, которые также всю свою жизнь ходили в церковь. Две из них — сестры Нина Александровна и Елена Александровна — ходили на подворье Троице-Сергиевой лавры с самого первого дня его открытия. Они жили рядом с подворьем, бывали в нем еще до его закрытия и даже видели патриарха, тогда еще митрополита Тихона. Всю свою жизнь эти две сестры прожили вместе и работали на достаточно крупных должностях (одна из них была, по-моему, заведующей поликлиникой, другая — врачом этой же поликлиники). Одна умерла, когда ей было 98, а другая — в 95. И я, когда они еще могли ходить и приходили на службу в храм, всегда радовался, видя их — таких чинных, опрятных и вежливых.

Они были необыкновенно тактичными и мудрыми. Для нас, людей, выросших в советское время, эта интеллигентность была совершенно удивительной. Необычными казались их манера говорить друг с другом, их манера общаться, язык, на котором они разговаривали... Когда я стал бывать у них дома, причащал их или просто навещал, то меня все в них поражало, до мельчайшей черточки быта. Я сравнивал их с моей бабушкой, и при том, что это были абсолютно разные люди: с одной стороны, бабушки с огромным крузозо-

ром, которые очень много знали и прочитали за всю свою жизнь столько, сколько я, наверное, никогда не прочитаю, сколько бы я ни прожил, и с другой стороны — моя бабушка, обычная крестьянка, которая писала печатными буквами — они были абсолютно одинаковыми. На каком-то внутреннем, глубоком уровне у них был абсолютно идентичный опыт и какое-то врожденное, христианское благородство, которое сегодня редко можно встретить.

Когда эти бабушки уже не смогли ходить в храм, то я поручал нескольким молодым людям из нашего прихода ходить к ним, помогать им по хозяйству. И делал я это не только для того, чтобы помочь им, но и для того, чтобы дать возможность молодым ребятам и девушкам увидеть настоящих людей. Думаю, что для тех, кто их помнит, общение с ними осталось не просто воспоминанием на всю жизнь, но и многое дало для их будущей жизни». См.: *Лонгин, ep.* Нам не надо оправдываться за наших бабушек // Православие и современность № 6, 2008; сетевой вариант См. на сайте: http://www.eparhiasaratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5090&Itemid=4).

⁴⁴⁶ Запись Е. А. Самоделовой и С. П. Сорокиной в августе 2007 г. в г. Данков и Данковском р-не Липецкой обл.

⁴⁴⁷ Запись Е. А. Самоделовой и С. П. Сорокиной в августе 2007 г. в г. Данков.

⁴⁴⁸ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой в августе 2008 г. в с. Дёмкино Чаплыгинского р-на Липецкой обл.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же. Одна запись произведена от переселенца из с. Дубовое.

⁴⁵¹ Запись Е. А. Самоделовой 15 июля 2008 г. в с. Федотьево Спасского р-на.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой 19 июля 2008 г., г. Спасск Рязанской обл.

⁴⁵⁴ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой 16 июля 2008 г. от Т. Г. Бавиной, около 60 лет, в г. Спасск Рязанской обл.

⁴⁵⁵ Запись Е. А. Самоделовой и М. А. Яковлевой 19 июля 2008 г., г. Спасск Рязанской обл.

⁴⁵⁶ Запись Е. А. Самоделовой 21 сентября 2008 г. от священника отца Вячеслава, 1983 г. р., в с. Кутуково Спасского р-на Рязанской обл.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Мария Алексеевна, д-р пед. наук, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Агаджанян Александр Карэнович — д-р биол. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Аксянова Галина Андреевна, канд. биол. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Анайбан Зоя Васильевна, д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН

Аникович Михаил Васильевич, д-р ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Анойкин Антон Александрович, канд. ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Атаев Борис Махачевич, д-р филол. наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН

Бабич Ирина Леонидовна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Базиева Гульфия Джамаловна, канд. филол. наук, Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Балуева Татьяна Сергеевна, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Бгажноков Барасби Хачимович, д-р ист. наук, Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Биткеева Айса Николаевна, д-р филол. наук, Институт языкознания РАН

Боковенко Николай Анатольевич, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Бужилова Александра Петровна, чл.-кор. РАН, Институт археологии РАН

Буркова Валентина Николаевна, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Бурова Наталья Дмитриевна, Институт истории материальной культуры РАН

Бутовская Марина Львовна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Вахтин Николай Борисович, д-р филол. наук, Институт лингвистических исследований РАН

Веселовская Елизавета Валентиновна, канд. биол. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Винокурова Лилия Иннокентьевна, канд. ист. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

Волков Евгений Николаевич, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Волокитин Александр Васильевич, канд. ист. наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

Вострецов Юрий Евгеньевич, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Гаибов Васиф Абидович, канд. ист. наук, Институт археологии РАН

Гарковик Алла Викторовна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Годовых Татьяна Владимировна, канд. мед. наук, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН

Головнёв Андрей Владимирович, чл.-кор. РАН, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Гончарова Галина Савитовна, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Гордиенко Элиса Алексеевна, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Григорьева Ольга Михайловна, канд. биол. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Гришкина Маргарита Владимировна, д-р ист. наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Гуляев Валерий Иванович, д-р ист. наук, Институт археологии РАН

Гуров Никита Владимирович, канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Данилко Елена Сергеевна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

- Дементьев Вячеслав Николаевич**, канд. техн. наук, Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
- Дергачев Валентин Андреевич**, д-р физ.-мат. наук, Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе РАН
- Дервянко Анатолий Пантелеевич**, акад. РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- Дирксен Вероника Геннадиевна**, канд. геол.-минерал. наук, Институт вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения РАН
- Длужневская Галина Вацлавна**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Добровольская Мария Всеволодовна**, д-р ист. наук, Институт археологии РАН
- Дубова Надежда Анатольевна**, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
- Дубянский Александр Михайлович**, канд. филол. наук, Институт стран Азии и Африки МГУ
- Дыбо Анна Владимировна**, чл.-кор. РАН, Институт языкознания РАН
- Евтеев Андрей Алексеевич**, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ
- Жирумская Валентина Борисовна**, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН
- Журбин Игорь Витальевич**, д-р ист. наук, Физико-технический институт Уральского отделения РАН
- Зайцева Ганна Ивановна**, канд. хим. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Зах Виктор Алексеевич**, д-р ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
- Зенин Анатолий Николаевич**, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- Зенин Василий Николаевич**, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- Зимина Оксана Юрьевна**, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
- Зольников Иван Дмитриевич**, канд. геол.-минерал. наук, Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
- Иванова Маргарита Григорьевна**, д-р ист. наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
- Ивлиев Александр Львович**, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН
- Капитонов Игорь Николаевич**, канд. физ.-мат. наук, Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
- Капустина Екатерина Леонидовна**, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
- Карманов Виктор Николаевич**, канд. ист. наук, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
- Каштанова Ольга Сергеевна**, канд. ист. наук, Институт славяноведения РАН
- Килуновская Марина Евгеньевна**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Кирчо Любовь Борисовна**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Клюев Николай Александрович**, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН
- Ковальчук Валентин Михайлович**, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН
- Кожемякина Валентина Алексеевна**, канд. филол. наук, Институт языкознания РАН
- Комлева Евгения Владимировна**, канд. ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН
- Кондрашкина Елена Алексеевна**, канд. филол. наук, Институт языкознания РАН
- Коробкова Галина Федоровна**, д-р ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН
- Коростелев Александр Дмитриевич**, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
- Косменко Марк Георгиевич**, канд. ист. наук, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Кошеленко Геннадий Андреевич, чл.-кор. РАН,
Институт археологии РАН

Крадин Николай Николаевич, д-р ист. наук,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного
отделения РАН

Красниенко Сергей Владимирович, Институт
истории материальной культуры РАН

Кратов Евгений Владимирович, канд. ист.
наук, Правительство Карачаево-Черкесской
Республики

Кратова Наталья Владимировна, канд. ист. наук,
Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных
исследований

Крылов Павел Валентинович, канд. ист. наук,
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Крючкова Татьяна Борисовна, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН

Кузьмин Ярослав Всеволодович, д-р геогр. наук,
Институт геологии и минералогии Сибирского
отделения РАН

Кулькова Марианна Алексеевна, канд. геол. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Лабынцев Юрий Андреевич, д-р филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Лазаретов Игорь Павлович, канд. ист. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Лебедева Людмила Михайловна, Институт
истории материальной культуры РАН

Лисицын Сергей Николаевич, канд. ист. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Лохов Кирилл Игоревич, канд. геол.-минерал.
наук, Всероссийский научно-исследовательский
геологический институт им. А. П. Карпинского

Магомедов Амирбек Джалилович, д-р ист.
наук, Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра
РАН

Мамсик Тамара Семеновна, д-р ист. наук,
Институт истории Сибирского отделения РАН

Медникова Мария Борисовна, д-р ист. наук,
Институт археологии РАН

Михальченко Вида Юозовна, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН

Молотова Тамара Лаврентьевна, канд. ист. наук,
Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Никитина Галина Аркадьевна, д-р ист. наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН

Норманская Юлия Викторовна, д-р филол. наук,
Институт языкознания РАН

Павлов Павел Юрьевич, д-р ист. наук, Институт
языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН

Пестряков Александр Петрович, канд. ист.
наук, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Питулько Владимир Викторович, канд. ист. наук,
Институт истории материальной культуры РАН

Плотникова Анна Аркадьевна, д-р филол. наук,
Институт славяноведения РАН

Полонский Вадим Владимирович, д-р филол.
наук, Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Попков Юрий Владимирович, д-р филос. наук,
Институт философии и права СО РАН

Попова Елена Васильевна, канд. ист. наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН

Порхомовский Виктор Яковлевич, д-р филол.
наук, Институт языкознания РАН

Прудникова Алеся Сергеевна, Научно-
исследовательский институт и Музей антропологии
им. Д. Н. Анучина МГУ

Пулькин Максим Викторович, канд. ист.
наук, Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Разумова Ирина Алексеевна, д-р ист. наук,
Филиал Кольского научного центра РАН – Центр
гуманитарных проблем Баренц региона

Рупасов Александр Иванович, д-р ист. наук, Санкт-
Петербургский институт истории РАН

Рыбин Евгений Павладьевич, канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии Сибирского
отделения РАН

Рыкушина Галина Викторовна, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Савинов Дмитрий Глебович, д-р ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Садиков Ранус Рафикович, канд. ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

Самоделова Елена Александровна, канд. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Семенов Владимир Анатольевич, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Семенов Анатолий Александрович, канд. физ.-мат. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Синицын Андрей Александрович, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН

Скочина Светлана Николаевна, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Слепцов Игорь Юрьевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Соколовский Сергей Валерьевич, канд. ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Сорокин Алексей Николаевич, д-р ист. наук, Институт археологии РАН

Сорокина Светлана Павловна, канд. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Тишков Валерий Александрович, акад. РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Топорова Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, Институт языкознания РАН

Тураев Вадим Анатольевич, канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Усачева Ирина Витальевна, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Филиппова Виктория Викторовна, канд. ист. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

Харитонова Валентина Ивановна, д-р ист. наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Хартанович Валерий Иванович, канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Хаховская Людмила Николаевна, канд. ист. наук, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН

Худяков Юлий Сергеевич, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Цембалюк Светлана Ивановна, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Чельшева Ирина Игоревна, д-р филол. наук, Институт языкознания РАН

Чикунова Ирина Юрьевна, канд. ист. наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

Чистиков Александр Николаевич, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Шелегина Ольга Николаевна, канд. ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН

Широбоков Иван Григорьевич, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Шуников Михаил Васильевич, д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Шутова Надежда Ивановна, д-р ист. наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Щавинская Лариса Леонидовна, канд. филол. наук, Институт славяноведения РАН

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, Самарский государственный педагогический университет

Яншина Оксана Вадимовна, канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ген.	генитив	др.	другой (ие)	с.	село (а), селение
вос.	вокатив	еп.	епископ	св.	святой
		ж.	женщина	с. ш.	северная широта
букв.	буквально	кн.	князь	собир.	собирательное
в. кн.	Великий князь	л. н.	лет назад	собств.	собственное
в. т. ч.	в том числе	Л.	лист (ы)	ср.	сравнить, сравним
в. д.	восточная долгота	млн	миллион	суф.	суффикс
в.	век	н. э.	нашей эры	т. д.	так далее
вв.	века	о.	остров	т. е.	то есть
г. р.	год рождения	обл.	область	т. к.	так как
г.	год	оз.	озеро	Тетр.	тетрадь
г.	город	ок.	около	тыс.	тысяча
га	гектар	Оп.	опись	ур. м.	уровень моря
гг.	годы	п-ов	полуостров	уч. г.	учебный год
губ.	губерния	пос.	поселок	уч.	учащийся (еся)
Д.	дело	пр.	прочий (ие)	Ф.	фонд
д.	деревня (и)	р.	река (и)	чел.	человек
диал.	диалектное	р-н	район		

Список основных аббревиатур

NP1	именительный падеж множественного числа	ОХ	общий холестерин
ВМЧ	Великие Минеи Четыи	ПД	половой диморфизм
ВУ	высота уха	ПЖЛ	повторножильные льды
ГЛЮ	глюкоза	ПИР	пируват
ДНК	дезоксирибонуклеиновая кислота	ПОЛ	перекисное окисление липидов
ДТ	длина тела	РВН	ранняя пора верхнего палеолита
ИАМТ	индекс активной массы тела	РФ	Российская Федерация
ИГК	индекс грудной клетки	СВА	Северо-Восточная Азия
ИК	индекс Кетле	СВП	средняя пора верхнего палеолита
ИКО	историко-культурные области	СЖК	свободные жирные кислоты
ИСС	измененное состояние сознания	СКС	социально-коммуникативная система
КА	коэффициент атерогенности	СМК	словарь Махмуда Кашгарского
КИС	кислородно-изотопная стадия	СПК	сельскохозяйственные производственные кооперативы
КМНС	коренные малочисленные народы Севера	СХ	свободный холестерин
КПД	коэффициент полового диморфизма	ТГ	триглицерид
КФХ	крестьянские фермерские хозяйства	ФВЛ	физиономическая высота лица
ЛАК	лактат	ХКТ	хозяйственно-культурные типы
ЛПВП	липопротеиды высокой плотности	ХС	холестерин
ЛПНП	липопротеиды низкой плотности	ХСА	хозяйствующие субъекты аборигенов
ЛПОНП	липопротеиды очень низкой плотности	ШМК	ширина между клыковыми точками
ЛПХ	личные подсобные хозяйства	ШМН-ГС	ширина между носогубными складками
МВЛ	морфологическая высота лиц	ШН	ширина носа
МОАМР	межколхозное объединение активного морского рыболовства	ШР	ширина рта
МТ	масса тела	ШФ	ширина фильтра
ОГК	окружность грудной клетки	ЭХ	этерифицированный холестерин
		ЯМО	язык межнационального общения

Список сокращений организаций и архивов

Архив ЛенВО	Архив Ленинградского военного округа
БСЭ	Большая Советская энциклопедия
ВИНИТИ	Всероссийский институт научной и технической информации
ГИМ	Государственный исторический музей
ИЛИ РАН	Институт лингвистических исследований Российской академии наук
ЛОГАВ	Ленинградский областной государственный архив в г. Выборг
НИА СПбИИ РАН	Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГБ	Российская государственная библиотека
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
РГПУ	Российский государственный педагогический университет
РНБ	Российская национальная библиотека
ХакНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЦГАИПД СПб.	Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Список сокращений языков

DN	верхнедемьянский	булг.	булгарский
E	эрзянский	вахан.	ваханский
G	глазовский	венг.	венгерский
I	Инари	вост.-иран.	восточно-иранский
K	казанский	галт.	горно-алтайский
Kaz	казымский	др.-инд.	древнеиндийский
KB	козмо-демьянский	др.-исл.	древнеисландский
Kr	красноярский	др.-кит.	древнекитайский
KU	нижне-кондинский	др.-тюрк.	древнетюркский
LM	средне-лозьвинский	др.-уйг.	древнеуйгурский
LO	верхне-лозьвинский	зор. пехл.	зороастрийский пехлеви
Lu	нижне-лозьвинский	ИЕ	индоевропейский
M	мокшанский	индо-иран.	индоиранский
N	норвежско-саамский	иран.	иранский
N	северно-мансийский	ишк.	ишкашимский
Ni	низямский	камас.	камасинский
O	обдорский	кирг.	киргизский
P	пелымский	кл. перс.	классический персидский
P	пермяцкий	крх.-уйг.	караханидско-уйгурский
PO	восточно-пермяцкий	курд.	курдский
S	сысольский	лат.	латинский
S	сарапульский	латыш.	латышский
So	сосьвинский	макед.	македонский
Trj	тромъеганский	манс.	мансийский
V	ваховский	мар.	марийский
V	ветлужский	матор.	маторский
Vj	васюганский	морд.	мордовский
		мундж.	мунджанский
авест.	авестийский	ненец.	ненецкий
аз.	азербайджанский	нивх.	нивхский
англ.	английский	огуз.	огузский
барт.	бартагский	осет.	осетинский
болг.	болгарский	OT	общетюркский

ПАлт.	праалтайский	серб.	сербский
парф.	парфянский	серб.-хорв.	сербско-хорватский
ПЕн.	праенисейский	словен.	словенский
пехл.	пехлеви	совр. перс.	современный персидский
ПИЕ	праиндоевропейский	согд.	согдийский
ПИран.	праиранский	ср.-иран.	среднеиранский
ПМ	прамордовский	ср.-монг.	среднемонгольский
ПМонг.	прамонгольский	ср.-перс.	среднеперсидский
ПНивх.	пранивхский	тат.	татарский
поздн.-др.-кит.	позднедревнекитайский	тох.	тохарский
ПСам.	прасамодийский	тур.	турецкий
ПТ	пратюркский	тюрк.	тюркский
ПТМ	пратунгусо-маньчжурский	удм.	удмуртский
ПТох.	пратохарский	ФВ	финно-волжский
ПУг.	праугорский	фин.	финский
ПУр.	прауральский	ФП	финно-пермский
ПФУ	прафинно-угорский	ФУ	финно-угорский
ПЮСам.	праюжносамодийский	хак.	хакасский
рум.	румынский	хант.	хантыйский
рунич.	рунический	хорвт.	хорватский
руш.	рушанский	хсак.	хотаносакский
саам.	саамский	чаг.	чагатайский
сак.	сакский	чув.	чувашский
сангл.	санглечи	шугн.	шугнанский
сахал.	сахалинский	энец.	энецкий
сев.-греч.	северно-греческий	эст.	эстонский
селькуп.	селькупский	язг.	язгулямский

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Тишков В. А.</i>	5
Раздел 1. Археология и антропология	11
Древнейшие человеческие популяции на территории прикаспийской зоны Северного Кавказа: эволюция материальной культуры. <i>Деревянко А. П., Анойкин А. А., Зенин В. Н.</i>	11
Адаптации к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы. <i>Ашикович М. В.</i>	18
Культурные и адаптивные различия палеолита Костенок. <i>Синицын А. А.</i>	26
Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке. <i>Павлов П. Ю., Волокитин А. В., Карманов В. Н.</i>	31
Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене. <i>Питулько В. В.</i>	38
Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и Горный Алтай). <i>Кузьмин Я. В., Зольников И. Д., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Дементьев В. Н.</i>	47
Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды. <i>Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К.</i>	50
Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы. <i>Лисицын С. Н.</i>	56
Пионеры Европейской России (по материалам исследований могильника Минино 2 в 2006–2007 гг.). <i>Сорокин А. Н.</i>	66
Заселение степной зоны Северной Евразии в эпохи бронзового — железного веков (2-е тысячелетие до н. э. — 1-е тысячелетие н. э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции. <i>Зайцева Г. И., Семенов А. А., Бурова Н. Д., Лебедева Л. М., Дергачев В. А., Дирксен В. Г., Лохов К. И., Капитонов И. Н.</i>	73
Адаптация населения Среднего Дона к природно-климатическим условиям V–IV вв. до н. э. <i>Гуляев В. И.</i>	83
Финальный неолит Приморья: к итогам разработки некоторых проблем. <i>Клюев Н. А., Гарковик А. В., Яншина О. В., Слепцов И. Ю.</i>	88
Адаптация, трансформация и взаимодействие культур в голоцене Тоболо-Ишимья в переходные периоды. <i>Зах В. А., Волков Е. Н., Зимина О. Ю., Скочина С. Н., Чикуннова И. Ю., Усачева И. В., Цембалюк С. И.</i>	97
Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе. <i>Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф.</i>	106
Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы). <i>Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Кулькова М. А., Лазаретов И. П., Семенов Вл. А.</i>	114
Кроуновская археологическая культура: один из сюжетов земледельческой экспансии в железном веке в приморской зоне Восточной Азии. <i>Вострецов Ю. Е.</i>	123
Комплексные общества севера Центральной Азии и Южной Сибири в древнетюркскую эпоху (вторая половина 1-го — начало 2-го тысячелетия н. э.). <i>Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.</i>	129
Воздействие природных аномалий и катастроф на этнокультурное развитие кочевников Центральной Азии в конце 1-го тысячелетия до н. э. — первой половине 1-го тысячелетия н. э. <i>Худяков Ю. С.</i>	138

Возникновение культа царей на эллинистическом Востоке. <i>Кошеленко Г. А., Гаибов В. А.</i>	141
Бохайцы в Монголии в эпоху Ляо. <i>Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л.</i>	146
Структура и этапы формирования городища Иднакар по результатам междисциплинарных исследований. <i>Иванова М. Г., Журбин И. В.</i>	152
Мировоззренческий комплекс — ключ к пониманию семантики эпического слова. <i>Топорова Т. В.</i>	158
Адаптационные процессы в древней и средневековой культуре Карелии. <i>Косменко М. Г.</i>	165
Об адаптации древнего населения Берингии. <i>Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б.</i>	171
К проблеме формирования антропологического состава населения Обонежья. <i>Хартанович В. И., Ширококов И. Г.</i>	174
Становление и динамика облика населения Сибири и Казахстана. <i>Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Пестряков А. П.</i>	182
Анализ последствий адаптации у некоторых евразийских групп (по данным краниологии, соматологии и одонтологии). <i>Аксянова Г. А., Дубова Н. А., Евтеев А. А., Рыкушина Г. В.</i>	186
Социальная среда как фактор отбора адаптивных комплексов в современном обществе. <i>Бутовская М. Л., Веселовская Е. В., Буркова В. Н., Прудникова А. В.</i>	196
Примечания	203
Раздел 2. История и этнология	237
Локальные и магистральные культуры в антропологии движения. <i>Головинёв А. В.</i>	237
Экофутуризм и проблемы этической рационализации жизненной среды. <i>Бгажноков Б. Х.</i>	244
Традиционные культуры Северного Кавказа в условиях исламского всплеска и культурной глобализации. <i>Бабич И. Л., Базиева Г. Д., Кратов Е. В., Кратова Н. В., Соколовский С. В.</i>	255
Сезонные трудовые сельскохозяйственные сообщества: социальное устройство и общественный ресурс (на примере селения ХуштадаЦумадинского района, Дагестан). <i>Капустина Е. Л.</i>	263
Адаптационные механизмы и практики среди русского населения Сибири в XVI — начале XX в. <i>Шелегина О. Н., Мамсик Т. С., Комлева Е. В.</i>	270
Еврейское население Европейского Севера России в XIX — начале XX в. <i>Пулькин М. В.</i>	278
«Ушедшая Ингрия» и ингерманландские финны Ленинградской области в 1990–2000-е гг. <i>Крылов П. В.</i>	285
Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера. <i>Разумова И. А.</i>	290
Южная Сибирь: проблемы социальной и этнокультурной адаптации населения. <i>Анайбан З. В.</i>	298
Адаптация мигрантов в постсоветской Якутии. <i>Винокурова Л. И., Филиппова В. В.</i>	305
Социокультурная адаптация молодежи Севера (на примере г. Якутска). <i>Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Попков Ю. В.</i>	308
Адаптация коренных малочисленных народов Магаданской области в XX в. <i>Хаховская Л. Н.</i>	319
Эвенкийское село в условиях переходной экономики. <i>Тураев В. А.</i>	328
Опыт адаптации населения Камско-Вятского региона к природно-ландшафтной среде и социальным трансформациям. <i>Гришкина М. В., Никитина Г. А., Шутова Н. И.</i>	336
Опыт исследования взаимной социально-культурной адаптации в этнически смешанных селениях. <i>Коростелев А. Д., Данилко Е. С., Молотова Т. Л., Попова Е. В., Садиков Р. Р., Ягафова Е. А.</i>	344

Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений. <i>Жирумская В. Б.</i>	350
Современные трансформации в сфере магико-мистической практики. <i>Харитонова В. И.</i>	357
Адаптационные процессы детской популяции Северо-Востока России. <i>Годовых Т. В.</i>	365
Династические проекты конца XVIII – начала XIX в. как способ сохранения и реставрации государств Центральной и Юго-Восточной Европы (на примере представителей династии Романовых). <i>Каиштанова О. С.</i>	373
Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики. <i>Ковальчук В. М., Рупасов А. И., Чистиков А. Н.</i>	380
Примечания	388
Раздел 3. Филология	402
Адаптация социальных функций языка к изменениям в социуме. <i>Михальченко В. Ю., Кожемякина В. А., Кондрашкина Е. А.</i>	402
Описание малых языков Российской Федерации на современном этапе. <i>Вахтин Н. Б.</i>	413
Некоторые ключевые аспекты в изучении миноритарных языков на современном этапе. <i>Чельшева И. И.</i>	418
Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа). <i>Муллонен И. И.</i>	424
Русский язык и языки народов Дагестана: особенности функционирования в полиэтнической среде. <i>Атаев Б. М.</i>	427
Традиционное искусство Дагестана в контексте социальных преобразований XX в. <i>Магомедов А. Дж.</i>	434
Взаимоотношение языков России и иностранных языков в сфере науки. <i>Крючкова Т. Б.</i>	442
Традиционная культура и письменность. <i>Порхомовский В. Я.</i>	448
Динамика развития языка в условиях диаспоры. <i>Биткеева А. Н.</i>	454
Этнолингвистическое исследование румынских Карпат в балканской перспективе. <i>Плотникова А. А.</i>	460
Дравидийские языки: типологическое описание в контексте южноазиатского языкового ареала. <i>Гуров Н. В., Дубянский А. М.</i>	467
Ранние контакты тюркских народов по данным языка. <i>Дыбо А. В.</i>	473
Древнейшие урало-алтайские языковые контакты. <i>Норманская Ю. В.</i>	483
Мифопоэтика и жанровая эволюция русской литературы конца XIX – начала XX в. <i>Полонский В. В.</i>	491
Жития Варлаама Хутынского XV в. в системе адаптации славянских культур. <i>Гордиенко Э. А.</i>	500
Современная народная литература межграницья Беларуси, России и Украины. <i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.</i>	506
Механизмы порождения и воспроизведения фольклорных жанров (по материалам полевых экспедиций 2006–2008 гг.). <i>Самоделова Е. А., Сорокина С. П.</i>	511
Примечания	519
Сведения об авторах	534
Список сокращений	538

Научное издание

**Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям**

Редактор *О. Ю. Румянцева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Кисилева*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромцева*
Корректор *Н. П. Голубцова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.08.2009

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 68. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 8 (495) 334-81-87 (дирекция)

Тел./факс: 8 (495) 334-82-42 (отдел реализации)